

РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ОБОРОННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Н. П. КРАДИН

МОСКВА «ИСКУССТВО» 1988

Оборонное зодчество - одна из ветвей русской деревянной архитектуры, ее неотъемлемая часть. Большинство деревянных крепостей стали основой для развития на их базе русских городов.

Книга посвящена оборонным сооружениям (укрепленные зимовья, остроги и рубленые города). В ней рассматриваются остатки сохранившихся крепостных сооружений - башни Николо-Карельского монастыря Архангельской области, Бельского, Якутского, Юильского, Илимского и Братского острогов в Сибири. В книге сделана попытка воссоздания некоторых крепостей XVII века и их отдельных элементов в графических реконструкциях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава первая	Конструкции и устройство крепостей
	<ul style="list-style-type: none">• Оборонительные стены• Крепостные башни• Обламы, бойницы и другие элементы крепостей
Глава вторая	Северо-западные крепости
Глава третья	Крепости на южных границах
Глава четвертая	Крепости сибиря
Глава пятая	Очерки некоторых крепостей
	<ul style="list-style-type: none">• Олонецкая крепость. XVII век• Ляпинский острог. XVII век• Мангазея. XVII век• Новая Мангазея (Туруханск). XVII век• Илимский острог. XVII век

- Братский острог. XVII век
- Иркутск. XVII век
- Юильский (Казымский) острог. XVIII век
- Бельский острог. XVII век
- Нерчинск. XVII век
- Якутская крепость. XVII век
- Крепостные сооружения в Якутии. XVII-XIX века

Заключение

Примечания

Список иллюстраций

Краткий словарь терминов,
характерных для крепостного деревянного зодчества

Библиография

Художник В. Е. Валериус
Рецензент доктор архитектуры Ю. С. Ушаков

Фотографии и реконструкции под номерами: 3, 4, 7-9, 11-16, 18, 20-29, 38, 64, 65, 69, 86-89, 91, 93-96, 99-110, 113-117, 121, 123-125, 127-130, 132-134, 144-169, 171, 172, 192-207, 210-219 выполнены автором.

* * *

... Архитектура военная есть то, чтобы сделать город такой, в котором городе людям сидеть малым, и чтоб люди могли бороться город и себя из того города от многих неприятностей.

(Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725г.)

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской архитектуры оборонному зодчеству принадлежит особое место. Многочисленные крепости и монастыри, возникшие в разрозненных землях Руси, способствовали защите границ, подъему и укреплению духа русского человека, а затем объединению этих земель вокруг Москвы и созданию многонационального Русского государства.

Крепостные сооружения Древней Руси не только играли огромную роль в исторической жизни страны, но и представляли собой великолепные произведения архитектуры. Не имея сегодня практического значения, памятники оборонного зодчества отражают героическое прошлое русского народа, осуществляя связь времен и поколений,

остаются ценнейшим культурным наследием. Чем дальше мы уходим вперед, тем длиннее становится дистанция между настоящим и прошлым, и порвать эту дистанцию - значит обратить прошлое против себя, ибо, как гласит восточная мудрость, «если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

Все наши представления о крепостном деревянном зодчестве сложились благодаря летописным источникам, археологическим раскопкам и исследованиям редких образцов крепостных деревянных сооружений, сохранившихся до настоящего времени. Наиболее известные из них - башни сибирских острогов, а также проездная башня Николо-Карельского монастыря - относятся ко второй половине XVII века. Крепости более раннего времени изучаются в основном по материалам археологов, старинным гравюрам, чертежам и изображениям на иконах. Изобразительный материал дает хотя и вполне наглядное, но все-таки условное представление о характере и конструкции деревянных крепостей.

Деревянные крепости древние русичи начали строить давно. Уже в период Киевской Руси укрепленные города на степных окраинах этого славянского государства объединялись в оборонительную систему, получившую название «Змиевых валов». Искусство возведения деревоземляных укреплений этого периода берет свое начало от времени распада родового строя и расслоения общества, когда, по меткому выражению Ф. Энгельса, «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война... становится постоянным промыслом. Недаром высются грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹.

Свидетельства этого расслоения общества - сохранившиеся остатки древних городищ в разных странах. Довольно примитивные по своей конструкции, первые укрепления в большей степени опирались на защитные свойства рельефа той местности, на которой они возникали. Умение русских градодельцев выбирать места для своих поселений было отличительной особенностью их творчества. Эти места, как правило, были не только хорошо защищены самой природой, но и удобны, красивы, выгодны в стратегическом отношении. Такая традиция выбора мест с использованием защитных свойств рельефа местности восходит, как отмечал известный историк градостроительства А. В. Бунин, к древнегреческим городам, но на Руси она получила не только дальнейшее развитие, но и свою трактовку.

Используя при строительстве городов защитные свойства местности, русские градодельцы не упускали из виду и ее художественные достоинства. Рельеф, ландшафтное окружение, река или озеро - все эти природные компоненты не только защищали поселения, но и усиливали выразительность их облика. Еще восточные славяне для своих городищ выбирали вершины холмов, излучины рек, острова и другие выразительные в эстетическом отношении участки местности.

Строительство городов-крепостей сопровождало весь исторический процесс сложения и развития Русского государства. Покоряя различные племена, русские князья ставили укрепленные города, предназначенные для сбора дани. С появлением одного города вскоре рядом возникали другие. Уже к XIII веку многие древнерусские крепости достигли такого уровня развития, что вызывали восхищение современников. Однако дальнейшее их совершенствование было надолго приостановлено лавиной монголо-татарского нашествия. Словно ураганным ветром были сметены в 1237 году с лица земли деревянные города-крепости Рязанского и Владимирского княжеств, а через три года Батый, после кратковременного отдыха, появился у стен древнего Киева. И этот город, несмотря на стойкую защиту горожан, был предан огню и мечу.

Русские города-крепости оказывали войску Батыя сильное сопротивление. Беспрецедентной в своем роде и поистине героической стала оборона деревянного Козельска в 1238 году. В течение семи недель не могли взять его татары. Рассвирепевший Батый,

ворвавшись-таки в крепость, велел уничтожить все живое, потопив город в крови. Но крепка народная память. Много веков спустя, уже во второй половине XVIII века, когда утверждался герб вновь возрожденного Козельска, давний подвиг его героических защитников был отражен в гербе: «В червленом поле, знаменующем кровопролития, пять серебряных щитов с черными крестами, изъявляющие храбрость их защищения и несчастную судьбину»².

К сожалению, история не донесла до нас сведений о том, что собой представляли укрепления Козельска времен его легендарной обороны. Правда, сохранилось описание деревянного города, сделанное в 1678 году, когда Козельск входил в состав Засечной черты. По конструкции укрепления его мало чем отличались от других деревянных крепостей XVII века.

Жизнестойкость и совершенство многих деревянных крепостей проверены во времена монголо-татарского нашествия. Русь была поработана, но не сломлена, не повергнута. словно феникс, возрождались деревянные города из пепла. В псковской и новгородской землях, куда не дошли орды Чингисхана и Батыя, ковали мечи и собирали дружины, сюда стекался русский люд из захваченных земель. Строились новые крепости, закалялась воля, и поднимался дух русского народа, и уже никакая лавина нашествия не могла сломить этого подъема.

Многовековой опыт строительства крепостей передавался из поколения в поколение - от деда к внуку, от отца к сыну. Все лучшее из накопленного за века воплощалось в русских городах. Этот опыт был в свое время обобщен в рукописной книге, составленной Онисимом Михайловым в начале XVII века и названной «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». «Устав» состоит из шестисот шестидесяти трех статей и представляет собой своеобразный свод правил о строительстве и оснащении крепостей, об организации и обеспечении инженерных войск. Весь предшествующий многогранный опыт развития русской военно-технической мысли нашел отражение в этом уникальном документе. Регламентация требований, излагаемых в «Уставе», касалась буквально всех сторон военно-инженерного дела. Удивительный, совершенно потрясающий по силе воздействия документ! Ясность и четкость требований, однозначность и убедительность его положений - вот те качества, которые сделали «Устав» жизненным в течение почти двух столетий.

В сложной и многообразной цепи культурного наследия архитектура занимает едва ли не самое ведущее место, но некоторые ее разделы, и в том числе крепостное деревянное зодчество, остаются до сих пор малоизученными. Время безжалостно стерло с лица земли произведения русских градодельцев, простых мужиков, одинаково мастерски владевших топором плотника, оружием воина и крестьянской сохой. Неизученность данной проблемы в значительной степени объясняется отсутствием вещественных остатков деревянных крепостей. Так, до недавнего времени широкому кругу исследователей были известны не более десятка крепостных башен, остатков оборонной архитектуры. Большинство из них находится в Сибири. В настоящее время имеется пять сохранившихся башен: две Братского и по одной - Илимского, Бельского и Якутского острогов. Однако еще в начале нашего столетия от шестнадцатибашенной Якутской крепости сохранялись пять башен и два прясла деревянной стены, рубленной тарасами. В 1924 году сгорела единственная башня Ляпинского острога на севере Тюменской области, едва ли не самая ранняя из всех оставшихся - она просуществовала более трехсот лет. Несколько ранее, в 1899 году, также от пожара, погибла сторожевая башня в селе Торговище Пермской области, простоявшая более двух веков. Правда, в начале XX века она была срублена заново и в настоящее время представляет собой не более чем макет в натуральную величину, поэтому историческая ценность ее и значение сильно снижаются. В 1914 году омский этнограф И. Н. Шухов видел среди развалин древней Мангазеи, расположенной за Полярным кругом, одну полуразрушенную башню с бойницами.

Сведения об этих остатках деревянных крепостей зафиксированы в литературе и дополняют наши представления о внешнем облике и конструктивных особенностях оборонного зодчества. Эти представления могут быть расширены путем натурального изучения не только сохранившихся остатков крепостей, но и поисков новых, неизвестных архивных источников, а также археологическими раскопками на местах бывших крепостей. Насколько эффективны подобные исследования и поиски, свидетельствуют раскопки, проведенные на месте Мангазеи в 1968-1973 годах, где была изучена самым подробным образом почти вся планировочная структура города³, сохранившаяся со времени его оставления в 1672 году.

В 1969 году на реке Казым (Березовский район Тюменской области) в глухой тайге были обнаружены и впервые детально обследованы развалины Юильского острога⁴, от которого довольно хорошо сохранились срубы двух крепостных башен, полуразвалившаяся изба-казарма, несколько амбаров и следы более ста других построек жилого, хозяйственного и культового назначения.

Обследование и раскопки, проведенные в том же 1969 году на месте Зашиверского острога на севере Якутии⁵, также позволили выявить планировочную структуру деревянной крепости XVII века, от которой достаточно хорошо сохранилась великолепной архитектуры Спасо-Зашиверская шатровая церковь.

Все перечисленные находки и исследования помогают дополнить яркую страницу русского крепостного зодчества и вносят ощутимый вклад в сокровищницу древнерусской культуры. Кроме того, они дают возможность зрительно представить внешний облик острогов и городов, о котором архивные источники сообщают менее всего сведений. Они также позволяют выяснить их конструкцию, вскрыть особенности и проследить общие черты, характерные не только для крепостного, но и всего деревянного зодчества Древней Руси. И, наконец, самое главное - на основе архивных и археологических исследований и анализа сохранившихся остатков острогов выполнить графическую реконструкцию как отдельных элементов крепостей (башни, стены), так и их облика в целом.

Вопрос о том, как выглядели древнерусские города, не является праздным. Он занимал умы многих просвещенных людей. Достаточно вспомнить хотя бы художников, наибольшую известность среди которых приобрел А. М. Васнецов, который посвятил только Москве XII-XVII веков более ста картин и рисунков. Все, что сделано этим мастером, основано на глубоком знании им исторических документов. Известно также, что он неоднократно принимал участие в археологических раскопках. Правдивость картин А. М. Васнецова такова, что позволяет привлекать их в качестве графических аналогов при реконструкции архитектурного облика других древнерусских деревянных крепостей.

Изучение оборонного зодчества весьма важно для историко-архитектурной науки. Как отмечал в конце прошлого века крупный знаток и блестящий исследователь русской истории, культуры и быта И. Е. Забелин, от деревянных крепостей «мы имеем право начинать историю нашего зодчества»⁶. Действительно, все первые древнерусские города были сплошь деревянными, а уровень развития военного искусства и техники в X-XIII веках был таким, что при отсутствии огнестрельного оружия деревянные крепостные стены в совокупности с земляными валами и рвами, наполненными водой, служили надежной защитой для жителей городов.

Дальнейшее развитие военной техники и появление огнестрельного оружия повлекли за собой необходимость усовершенствования крепостных сооружений. Если первоначально поселения для защиты от нападений лишь ограждались деревянной стеной или просто валом, то с середины XIII века в систему оград включаются боевые башни, размещавшиеся в самых уязвимых местах крепости, а позднее - по всему ее периметру.

Таким образом, можно сказать, что хронология и основные этапы развития древнерусских крепостей самым тесным образом были связаны с этапами развития военной техники и методами ведения боевых действий. Гром первых пушек стал сигналом

К замене бревенчатых стен более совершенными и мощными - деревоземляными и каменными. Но еще долго, вплоть до начала XVIII века, когда огнестрельное оружие применялось повсеместно, деревянные укрепления продолжали строиться, особенно на северных границах государства и в Сибири.

История деревянных русских крепостей - это не только история развития военного искусства и техники, это история многовековой борьбы русского народа с многочисленными врагами, пытавшимися поработить Русь. И пусть нет сегодня свидетелей этой борьбы - деревянных крепостей, но цепкая народная память навсегда сохранила в преданиях и былинах их величественный образ.

Предлагаемая читателю книга не претендует на полноту раскрытия истории развития деревянной крепостной архитектуры. Сделать это сегодня в необходимой полноте, пожалуй, уже невозможно. Автором предпринята попытка показать только лишь отдельные фрагменты многовековой истории оборонного зодчества. По вполне понятным причинам большинство материалов относится к крепостям XVI-XVII веков. Но именно в силу того, что приемы и традиции строительства в русском деревянном зодчестве на протяжении сотен лет были устойчивыми и часто неизменными, остатки крепостей XVII века позволяют судить об архитектурном облике крепостей более раннего времени.

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНСТРУКЦИИ И УСТРОЙСТВО КРЕПОСТЕЙ

- **Оборонительные стены**
- **Крепостные башни**
- **Обламы, бойницы и другие элементы крепостей**

«... Он стоит на угловой вершине высокого берега, подобно высокой горе, над рекою... Город на горе представляет собой крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами густо одно к другому, без травы и земляного валу; но на верхушке горы, прямо над рекою, находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока, наверху ее находится крытая галерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы построена стена с камерами, в которой теперь хранится казна; но если бы пришел неприятель - там могли бы помещаться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни к воде»⁷.

Это образное описание устройства деревянной Тобольской крепости оставил нам неизвестный иностранец-путешественник, посетивший Тобольск в 1666 году. И таких описаний немало. Архитектурный облик русских крепостей, начавших складываться еще в XIII-XIV веках, наивысшего расцвета достиг к XVI-XVII векам. Силуэт деревянного города определялся главным образом его стенами, башнями, культовыми постройками и ландшафтным окружением. с которым он был, как правило, органично связан. Сам факт, что город как поселение и город как крепостное сооружение были неотделимы друг от

друга, свидетельствует о первостепенном значении в общей композиции города-крепости его стен и башен.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СТЕНЫ

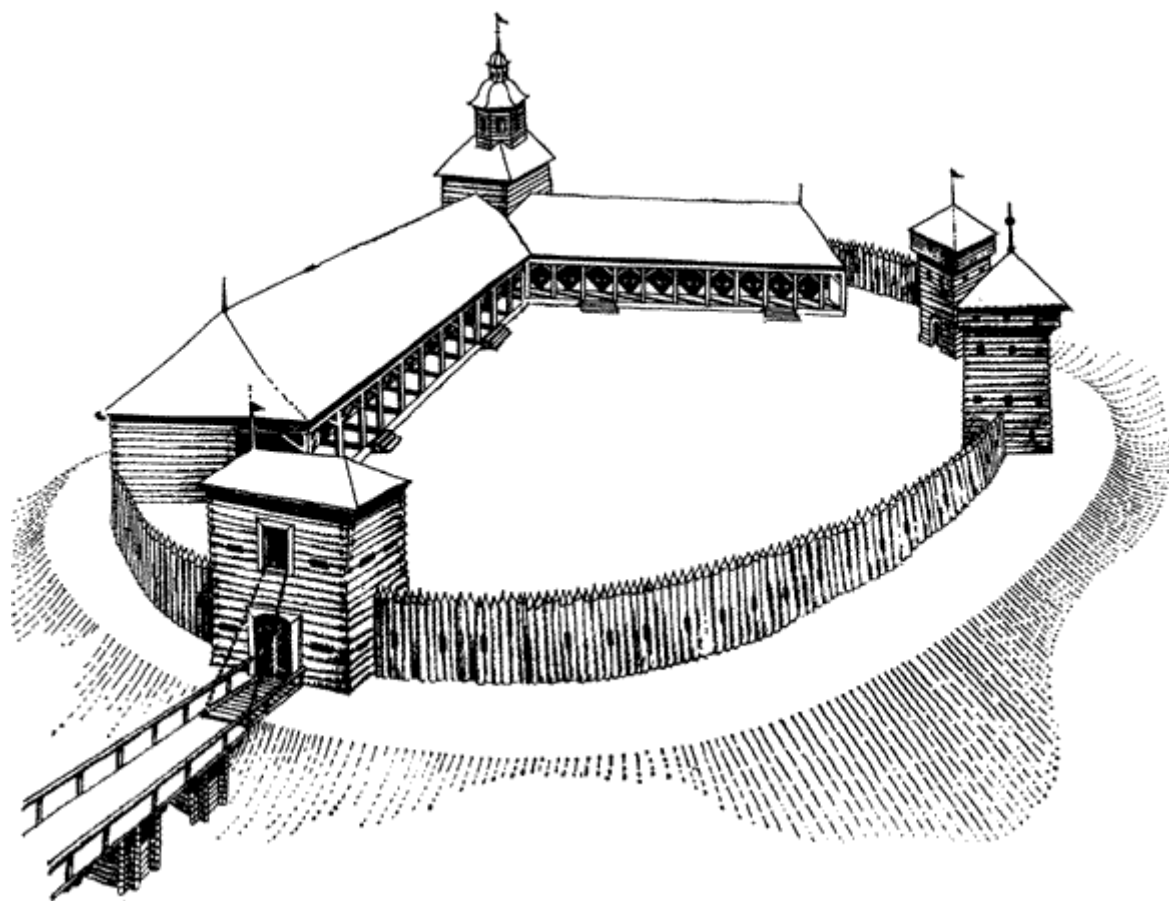
Стены не только выполняли защитные функции, они определяли и параметры города, служили своеобразным фоном для гражданских и культовых зданий. Лишенные декоративных элементов, крепостные стены благодаря четкой и строгой ритмике членений (тын, городни и тарасы)* достигали большой архитектурно-художественной выразительности. Эмоциональное звучание всей композиции усиливали башни. Они еще сильнее подчеркивали ритмическое построение протяженной деревянной стены.

*Объяснения этих и других терминов см. в словаре.

1. Тыновая стена Тобольска. Из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

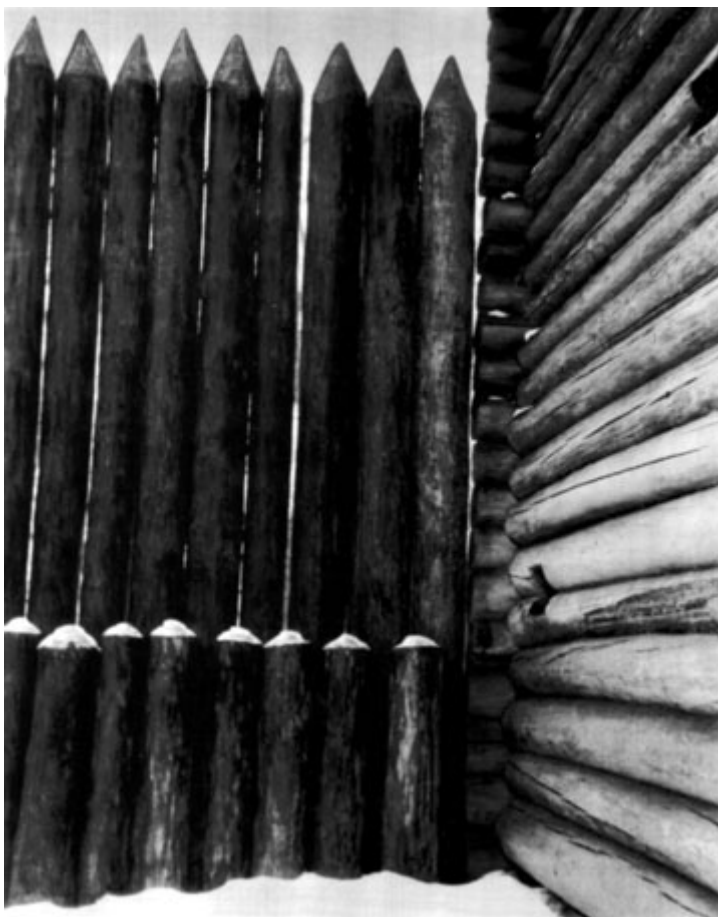
Вплоть до XIII века в летописных источниках любая конструкция ограждения имела одно и то же название - город. Эту характерную особенность подметил Сигизмунд Герберштейн: «... ибо все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют городом»⁸. В таком же значении этот термин употреблялся и на протяжении последующего времени, почти до начала XVIII века. Вместе с тем в письменных источниках XVII века распространены и другие термины: «тын», «городни», «тарасы», «острог», означающие конкретный и определенный тип конструкции стены. Термин же «город» в значении крепостной стены употребляется как обобщенное понятие, под ним подразумевается и заплот (лежащий город), и тыновая стена (стоячий город), а не только срубная конструкция.

Тын - простейший тип деревянной крепостной стены и, пожалуй, наиболее древний (ил. 2, 3). Тыновые стены окружали город, тын устраивался во рву и на валах. В зависимости от постановки тына изменялась и его высота. Естественно, что наиболее высокой стена была в том случае, если ставилась она на ровной местности, и наименьшей высоты был тын, поставленный на высоком, с крутыми откосами, земляном валу. Здесь он скорее играл роль бруствера, нежели стены в значении ограждения крепости. Стрельба при таком устройстве стены производилась поверх тына.

2. Тыновая стена крепости в Свислочи. XVII в. Реконструкция С. А. Сергачева

Высокий тын требовал дополнительных креплений, так как находившаяся в земле нижняя часть бревен быстро загнивала и стена разрушалась. Так, верхотурский воевода в 1641 году сообщал, что острог в Верхотурье был «поставлен тыном, а Тарасов и обломов и никаких крепостей нет, и тот острог весь погнил и во многих местах повалился, а которые прясла и стоят, и те с обеих сторон на подпорах»⁹. Надо полагать, что подпорки в виде наклонных бревен ставились сразу же при возведении стен. Часто они острым концом выступали наружу и назывались «иглами». Делалось это с целью воспрепятствовать противнику в преодолении крепостной стены. По-видимому, именно такая стена была сделана в 1684 году в Тюмени. Здесь взамен рубленой поставили стену иной конструкции - «на брусняных иглах с отноги и выпуски». Нечто подобное можно видеть и на плане Тобольска конца XVII века (ил. 1). О существовании специальных подпорок свидетельствует также описание 1703 года Илимского острога, стены которого были длиной 333 сажени, и кругом всего острога стояла 2961 тынина «с столбами и переклады».

3. Фрагмент тыновой стены Братского острога. XVII в.

функции подпорок выполняли и «полати», устраиваемые вдоль стен внутри крепости. Одновременно они использовались для организации обороны с «верхнего боя». Такие полати были простыми по конструкции, удобными и потому - довольно распространенными. Упоминания о них встречаются в росписных списках городов на северных, южных границах и в Сибири. Гораздо более прочной была стена, в которой тын сочетался с элементами срубной конструкции в разных вариациях: тын и поперечные рубленые стенки, поверх которых устраивался настил; срубная сплошная стена небольшой высоты, засыпанная землей и камнями, а поверх нее - тын небольшой высоты; срубная стена небольшой высоты и вплотную к ней - тын обычной высоты; срубные клетки, засыпанные землей с камнями и поставленные вплотную к стене, а поверх клеток - настил.

4. Стена, рубленая городнями. Реконструкция

Большое разнообразие сочетаний тына и срубных элементов подчеркивает широкое распространение тыновых стен в русских крепостях, чему способствовала также быстрота и простота устройства тына. Среди разновидностей тыновых стен представляет интерес «косой острог», у которого заостренные сверху бревна имели наклонное положение. Такая стена поддерживалась небольшой насыпью изнутри крепости, специальными «козлами» или же пристроенным к стене помостом. Известно, что стенами такой конструкции был огражден Охотский острог, так и называемый вначале - Косым острогом.

5. Стена Якутского острога, рубленая тарасами. XVII в.

Наряду с тыном повсеместное распространение в деревянном крепостном зодчестве получила срубная конструкция стены, известная под названиями «город», «городни» или «тарасы» (ил. 4). Это была гораздо более совершенная и по прочности и по архитектуре конструкция, происходящая от сруба - основы основ и конструктивной и архитектурно-

художественной выразительности деревянного зодчества. Появление городней и тарас в русских крепостях взамен однорядных тыновых стен стало логическим ответом на появление огнестрельного оружия, и в частности артиллерии. Ячейки срубных стен, как правило, заполнялись землей и камнями. Такие стены продолжали использоваться до конца XVII века.

6. Фрагмент срубной стены Николо-Карельского монастыря. XVII в.

Вот как описывает в 1635 году летописец стены одной из крепостей Козельско-Столицкой засеки: «... столицкой засеки город сосновый рублен в одну стену с быками, на быках мощен мост, около города поверх мосту город, рублен в две стены в клетку, а в клетках прорублены двери, ходить по городу»¹⁰. Здесь заполненные землей и камнями срубы названы «быками». Быки соединены однорядной рубленой стеной, а поверх быков устроен настил, на котором стена рублена уже в два ряда с поперечными перерубами. Причем на стене нет галереи, а все клетки имеют сообщение между собой через двери.

В XV веке широкое распространение получает двухрядная срубная стена. Она становится основным типом конструкции крепостной стены. В письменных источниках такая конструкция названа «тарасами». В ней не все клетки были заполнены землей и камнями. Обычно ограждение состояло из двух параллельных стен, отстоящих друг от друга на полторы-две сажени и соединенных между собой перерубами с промежутками в одну-две сажени. Узкие клетки заполнялись «хрящем», а широкие оставались полами. Они предназначались для защитников крепости. В каждой из них обычно было сделано по две бойницы и дверь.

Определение тарас и городней было впервые классифицировано Ф. Ласковским и затем принималось всеми исследователями. Городни, по терминологии Ласковского, - это отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу. Такая конструкция стены, как отмечал исследователь, имела существенный недостаток - места соединения срубов в большей степени подвергались воздействию атмосферных осадков и быстрее загнивали. К

тому же стена получала неравномерную осадку срубов, вследствие чего искривлялась и в настилах и крышах появлялись перепады. Иными словами, конструкция в виде городни вредила прочности стены¹¹.

В стене, рубленной тарасами, этот конструктивный недостаток отсутствовал. Собственно тарасу, по словам Ласковского, составлял участок стены (ячейка) между двумя стенами (перерубами).

Возведение срубных стен занимало гораздо больше времени и требовало значительного количества строительного материала. Часто поэтому при выборе места для будущей крепости ее основатели максимально учитывали защитные свойства местности и с наиболее защищенных сторон не ставили стен. Так, в 1598 году строители города на реке Туре докладывали царю, что «от реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высокою сажень с 12 и больша, а саженьми не меряно, а та гора крута, утес, и тово места по Туре по реке по самому берегу 60 сажень больших, а по смете де тому месту городовая стена не надобе, потому что то место добро крепко, некоторыми делы взлести не можно... то место и без городовые стены всякова города крепче, разве б по тому месту велети хоромы поставить в ряд, что город же, да избы поделать, и дворы б поставить постенно»¹².

Сохранившиеся письменные документы дают некоторое представление и о размерах крепостных стен. Сопоставление описей показывает, что высота стен в большинстве рубленых городов составляла две с половиной - три сажени с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. Ширина стен, как правило, была не менее полутора сажень, но и не превышала обычно двух сажень. Сравнение описаний крепостей на русском Севере (например, Олонец, Опочка) и южных и сибирских крепостей показывает идентичность их основных габаритов. Высота тыновых стен обычно составляла от полутора до двух сажень, и лишь в редких случаях она доходила до трех и более сажень.

Деревянные рубленые стены имели двускатную крышу, стропильная конструкция которой держалась на внешней стене и на столбах с внутренней стороны города. Столбы опирались на выпуски верхних бревен поперечных стенок-перерубов. Наглядным примером такого покрытия может служить сохранившаяся часть стены с проездной башней Николо-Карельского монастыря (ил. 6). Крыли обычно «в два теса», реже - «в один тес», но в последнем случае под тес подкладывали дрань или же сверху прибивали нащельники. В 1684 году воевода Матвей Кравков, принимая Якутск у своего предшественника, заметил в отписке, что «стены у города и башни крыты в один тес, без нащельников»¹³.

Характерной особенностью крепостных рубленых стен было устройство в них верхнего, среднего и нижнего боя. Для этой цели в каждой ячейке нижней стены и верхнего яруса прорубались бойницы для стрельбы. Такие же бойницы «просекали» и в острожных стенах, но там они располагались не по всей стене, а в специальных «выводах». Стрельба верхнего боя осуществлялась, как уже отмечалось, поверх тына.

Оборонительные стены русских крепостей, выполняя свои основные функции, служили надежным прикрытием для защитников. В архитектуре крепостных стен воплощались передовые достижения русского строительного искусства; в условиях длительной борьбы были выработаны различные сочетания элементов конструкций, но лучшим достижением архитектуры оборонительных стен, вне сомнения, остается мощная рубленая конструкция ограждения, ярким примером которого могут служить остатки Якутского острога (ил. 5).

КРЕПОСТНЫЕ БАШНИ

Для оборонного зодчества Древней Руси вплоть до XIII века было характерным отсутствие в крепостях башен. Иногда одиночные башни стояли внутри тыновых крепостей, выполняя роль сторожевых и дозорных вышек, и, как правило, в обороне активного участия не принимали. Непосредственно в крепостных стенах башни стали устраивать с появлением артиллерии. Наиболее употребительными терминами, означавшими башню, были «вежа», «стрельница», «костер», «столп». Причем эти термины не были одинаково распространенными по всей Руси. Так, в псковской и новгородской землях башню называли словом «костер», а в московской - «стрельница». Все они выполняли функцию наблюдательных пунктов. Чаще встречались проездные башни, но они почти всегда назывались «воротными». Их можно видеть на прилагаемых здесь чертежах (ил. 9).

7. Проездная башня Николо-Карельского монастыря. XVII в. Реконструкция.

Термин «башня» появился позднее, лишь в XVI веке, и с этого времени встречался повсеместно. С конца XVI века летописные источники не только фиксируют сам термин, но и дают описание конструктивного устройства башен различного типа, их размеры и количество в системе оборонительных сооружений крепости. От XVII века до нас дошли вещественные остатки - крепостные башни некоторых острогов. В большинстве своем они претерпели за столь длительное существование некоторые изменения, коснувшиеся в основном таких элементов, как кровля, междуэтажные перекрытия, лестницы и ворота. Вместе с тем многочисленные описания, сохранившиеся в росписных списках, дают возможность проследить характер конструктивного устройства башен, а также отдельных их элементов и форм.

В XVII веке термин «башня» стал настолько распространенным, что уже не охватывал всего многообразия этих сооружений, отличавшихся друг от друга конструктивным устройством, функциональным назначением и местом расположения в системе оборонительных укреплений. Именно по таким признакам и стали называть башни в росписных списках: проезжая, воротная, наугольная, глухая, круглая, четверугольная, двухъярусная, караульная, брусная и так далее (ил. 7-10). Среди разнообразных названий совершенно четко прослеживаются отдельные группы, из которых вырисовываются типы башен, отличающихся друг от друга основными признаками: формой плана, назначением, способом рубки, количеством ярусов.

Большинство башен деревянных крепостей были четырехугольными в плане, или, как писали в летописях, «рублены в четыре стены». Круглые, или многоугольные, башни хотя и были менее распространенными, но почти всегда им отводилась роль главных проездных башен. Эти башни не только отличались формой плана, но и были крупнее. Так, например, в конце XVII века проездная башня Новой Мангазеи поднялась в высоту на 24,9м, а восьмигранная в плане башня Тобольского кремля в 1678 году возвышалась от земли до завершения почти на 50м.

8. Сравнительная схема угловых башен сибирских острогов и городов. Реконструкция.

В зависимости от размеров и значимости крепости варьировались количество башен и их размеры. Когда и каких типов башни брались за основу - выявить сложно, а порой и невозможно. Например, все шестнадцать башен Якутска были четырехугольными, а в Тобольске из девяти башен четыре были четырехугольными, четыре угловые - шестиугольными и одна - восьмиугольной. В Новой Мангазее выделялась только одна проездная башня, а четыре угловые имели квадратное в плане основание. Круглые башни были больше распространены на русском Севере. Так, в Олонце по описи 1699 года значилось десять шестиугольных и всего три четырехугольных башен. В Холмогорах в 1623 году из одиннадцати башен было семь шестиугольных, а в Кольской крепости такую же форму плана имели все пять башен.

Немаловажным достоинством многоугольных башен было то, что они выступали за линию городской стены тремя, четырьмя или пятью стенами, что значительно увеличивало поле обзора (обстрела). Можно предположить, что круглые башни чаще применялись при сложной конфигурации планов крепостей. Башни с шестью и восемью стенами, в отличие от четырехугольных, давали возможность соединять стены города не только под прямым углом. Там, где крепости имели форму плана, повторяющую контуры рельефа местности, круглых башен было больше, и, наоборот, в крепостях с геометрически правильной конфигурацией плана более употребительными были четырехугольные башни. Круглые башни не сохранились, хотя изображения их встречаются на некоторых чертежах. По типу круглых башен в культовом зодчестве строили отдельно стоящие колокольни. Именно колокольни, восприняв форму башен, могут сегодня дать нам о них представление (ил. 11). Чаще всего круглые башни были десяти шестиугольных и всего три четырехугольных башен. В Холмогорах в 1623 году из одиннадцати башен было семь шестиугольных, а в Кольской крепости такую же форму плана имели все пять башен.

Немаловажным достоинством многоугольных башен было то, что они выступали за линию городской стены тремя, четырьмя или пятью стенами, что значительно увеличивало поле обзора (обстрела). Можно предположить, что круглые башни чаще применялись при сложной конфигурации планов крепостей. Башни с шестью и восемью стенами, в отличие от четырехугольных, давали возможность соединять стены города не только под прямым углом. Там, где крепости имели форму плана, повторяющую контуры рельефа местности, круглых башен было больше, и, наоборот, в крепостях с геометрически правильной конфигурацией плана более употребительными были четырехугольные башни. Круглые башни не сохранились, хотя изображения их встречаются на некоторых чертежах. По типу круглых башен в культовом зодчестве строили отдельно стоящие колокольни. Именно колокольни, восприняв форму башен, могут сегодня дать нам о них представление (ил. 11). Чаще всего круглые башни были многоярусными. В самом верхнем ярусе находился чердак - клетка, или караульня. Шатры башен и сторожевых вышек покрывались тесом. Концы тесин иногда декоративно обрабатывались в виде зубцов или перьев (копий). Как четырехугольные, так и круглые башни имели различные способы рубки углов - и «в лапу», и «в обло» («с остатком»).

9. Сравнительная схема проездных башен сибирских крепостей. Реконструкция.

Башни кроме своих основных выполняли и другие функции. Они использовались под амбары, жилье, на них устраивались колокольни или часовни. Например, на Спасской башне города Красноярска находилась часовня во имя Спаса и колокольня, на которой висел колокол. На самом верху располагалась караульня с обходной галереей, огражденной перилами. По просьбе служилых людей на колокольне устроили часы, потому что «без часов быть невозможно, Красноярск - город укрепленный, стоим на стенном карауле беспрестанно, днем и ночью»¹⁴. Еще более эффективно использовались башни в крепостях на территориях, где происходили военные столкновения. Так, в Албазине под главной проездной башней находились ворота, в самой башне помещалась приказная изба, а наверху - караульня. Две другие башни служили жильем для казаков.

В жилые башни вход на верхний ярус осуществлялся по наружным лестницам (при тыновых стенах ограждения) или через входы с уровня обломов крепостных стен в местах их примыкания к башне (при срубных стенах). Изоляция нижнего и верхнего ярусов делалась с целью сохранения тепла в жилой части. Междуетажное перекрытие выполнялось из сплошного настила, утепленного слоем глины и земли. Кроме того, между венцами жилой части сруба башни был проложен слой мха. Именно такую особенность имеют обе сохранившиеся башни Братского острога.

10. Башня Красного Яра на Волге. XVII в. Разрез, план. Обмер Ф. Ф. Ласковского.

11. Колокольня из села Кулига Дракованова. XVI(?) - XVII вв.

Характерной чертой башен некоторых крепостей было наличие в них навесных балконов-часовен над въездными воротами. Таковы и сохранившиеся башни Илимского и Якутского острогов (ил. 12).

12. «Часовня на свесе» проездной башни Якутского острога. XVII в.

Ясность и строгость форм, единство конструктивной системы, сочетание монументальности объема самой сторожевой башни и романтичности в более легких и изящных часовнях - все это позволяет отнести эти памятники к ценнейшим образцам русского крепостного деревянного зодчества.

Некоторые исследователи исключали культовое назначение навесных балконов и целиком относили их появление к задаче усиления обороны въездных ворот крепости. Это предположение, однако, не подкрепляется ни архивными источниками, ни конкретными сохранившимися памятниками. С самого начала балконы-свесы устраивались в качестве часовен, чему можно найти подтверждение в архивных исторических документах. Описание Илимского острога воеводой Качановым в 1703 году показывает, что в крепости было три башни с «часовнями на свесе». У Спасской башни одна часовня была «снаружи за острогом, а другая в остроге». Стоявшая напротив Спасской Богоявленская башня имела одну часовню - «за острожною стеною». На культовое назначение часовен указывает не только их название, но и описание конструкции и отдельных форм («вершена бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом»¹⁵), а также перечень главных икон с описанием их содержания. С «часовней на свесе», обращенной за пределы острога, была третья проездная башня Илимского острога - Введенская.

Устройство часовен над проездными башнями не было случайным. Как наиболее слабое место в системе оборонительного сооружения, воротные башни получали «покровительство» святых. Для размещения икон и устраивались навесные часовни. Можно отметить также, что часто иконы размещались непосредственно над воротами. Кроме религиозных часовни имели и эстетические функции, внося живописность в строгую архитектуру башен, дополняя силуэт крепости, разряжая монотонность протяженных стен и снижая некоторое однообразие силуэта башен. Конструктивное устройство таких часовен было довольно простым и в то же время прочным. На

сохранившейся башне из Якутска можно видеть достаточно ясно всю конструкцию соединения сруба башни и консольных выпусков над воротами для устройства на них часовен. Для этой цели употреблялись наиболее длинные и прочные бревна, пропускавшиеся через две противоположные стены сруба. Консольные выпуски состояли из трех рядов бревен, укрепленных в торцах горизонтальной обвязкой. Стойки на концах выпусков и у стен (с внешних сторон) башни составляли каркас часовен. Сверху каркас также имел обвязку и стропильную конструкцию «на два ската». Ограждение часовен было забрано «в елку», а входы в них осуществлялись непосредственно из башен, со второго яруса (моста).

13-16 Типы сторожевых вышек

Функционально необходимым элементом большинства самых крупных башен деревянных крепостей были сторожевые вышки. Они устраивались на шатрах башен и в свою очередь также были покрыты небольшими шатриками. Вышки были, как правило, рублены из бруса или представляли собой каркасную конструкцию, огражденную со всех сторон перилами. Глухие (без дверей) будки имели окна, обращенные во все стороны, и обходные галереи с перилами (ил. 13-16). Конструктивное устройство таких смотровых вышек можно увидеть на сохранившихся башнях Бельского, Братского, Якутского острогов и на проездной башне Николо-Карельского монастыря.

Нельзя не сказать о значении башен в общей композиции крепости. Башни не только обогащали силуэт деревянного кремля и служили доминантами, но и выявляли планировочные особенности, активно способствуя сложению облика города-крепости. Сочетание оборонительных, хозяйственных, культовых и эмоционально-художественных

функций в башнях делало их универсальными сооружениями, занимающими главное положение в композиционной структуре укрепленного деревянного города.

17. Ворота древнего Минска. Реконструкция Э. М. Загоруйского.

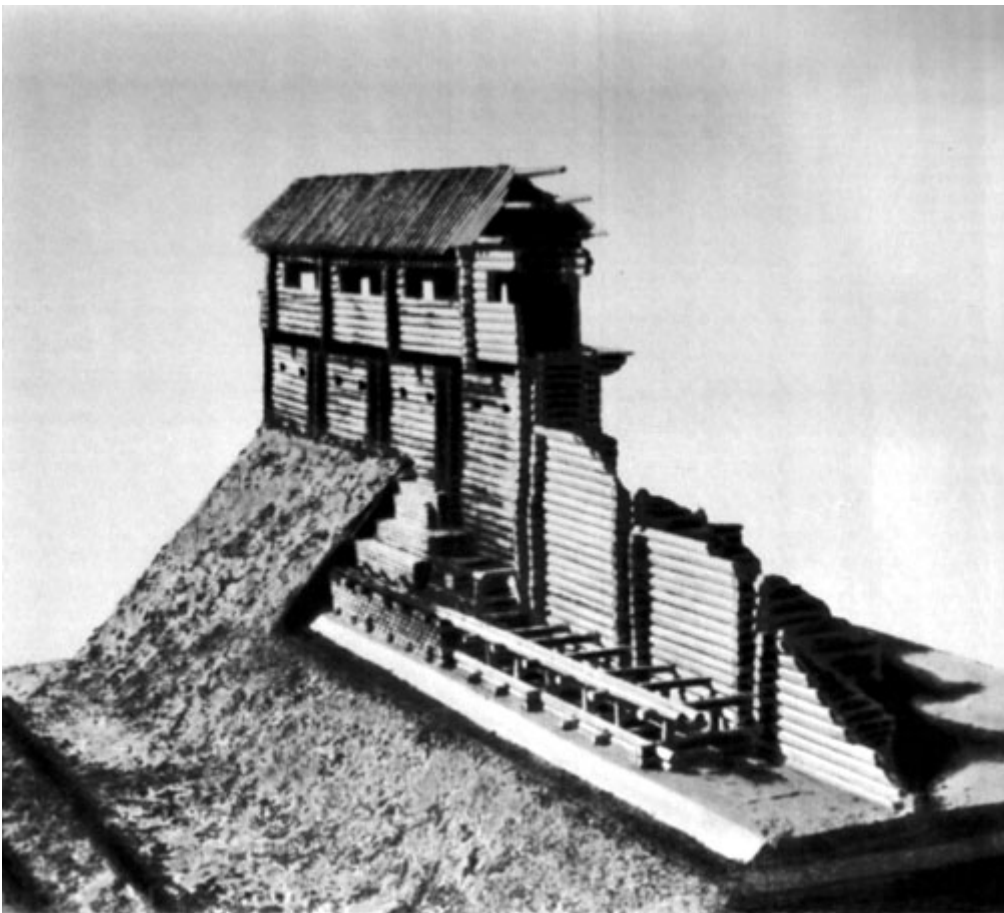
ОБЛАМЫ, БОЙНИЦЫ И ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРЕПОСТИ

Еще в глубокой древности, используя защитные свойства рельефа местности, строители поселений задумывались об их дополнительной защите. Наиболее распространенными на протяжении VIII-X веков были глубокие, с крутыми откосами, рвы, а с X века наряду с ними большое значение приобретают и валы. Их высота достигала десяти метров, как, например, в Старой Рязани, а в Киеве времен Ярослава Мудрого и того больше - шестнадцати метров. Дальнейшее развитие и совершенствование этой оборонительной системы привело к появлению внутри вала бревенчатой срубно-каркасной конструкции в различных вариациях. Так, огромной высоты валы Киева, сооруженные в XI веке, имели внутри деревянные срубы, заполненные землей¹⁶. Такая же конструктивная система крепостных стен была и в древнем Белгороде (ил. 19).

18. Тип облама.

Об эффективности рвов и валов в системе обороны крепостей свидетельствует тот факт, что они имели распространение вплоть до XVIII века. Но в Сибири, вследствие промерзаемости грунта на большей части ее территории, рвы и валы устраивались редко, за исключением крепостей, расположенных в более благоприятных в климатическом отношении районах, особенно вдоль южных границ и на востоке.

19. Срубная стена в системе земляных валов древнего Белгорода. Реконструкция М. В. Городцова и Б. А. Рыбакова.

Среди большого разнообразия элементов крепостей можно выделить две группы: первая включает в себя защитные устройства непосредственно на оборонительных сооружениях (обламы, бойницы, нагородни), вторая - это дополнительные «всякие крепости», устраиваемые вокруг острогов и городов. Сюда входят земляные валы, рвы, «чеснок», надолбы, рогульки, частик и другие устройства.

Наиболее распространенным защитным приспособлением в деревянном крепостном зодчестве был облам. Он представляет собой как бы второй, небольшой высоты, сруб, поддерживаемый консольными выпусками последних венцов основного сруба башни. Обламом летописные источники называют также и верхнюю часть срубной стены. В данном случае это лишь одна внешняя стена с перерубами - своеобразными контрфорсами. Таким образом, облам башни и облам срубной стены отличаются друг от друга. В башне он устраивается, как правило, по всему периметру, а на стене - только с одной стороны. В первом случае он называется круговым облагом и относится только к башням.

Некоторые источники XVII века называют облагом не весь верхний сруб, а только одну его стенку. Причем это могла быть не обязательно срубная конструкция. Широкое распространение имели на башнях ограждения в виде стенок из теса, которые устраивались только с трех сторон башни (с внешней и двух боковых). Четвертая сторона, обращенная внутрь крепости, могла быть совсем открытой или имела парапет. Такой облам был похож, скорее, на бруствер или забороло. Высота его обычно не превышала двух метров, и представлял он собой или невысокий, по грудь человека, парапет, или стенку до самой кровли, на всю высоту человеческого роста.

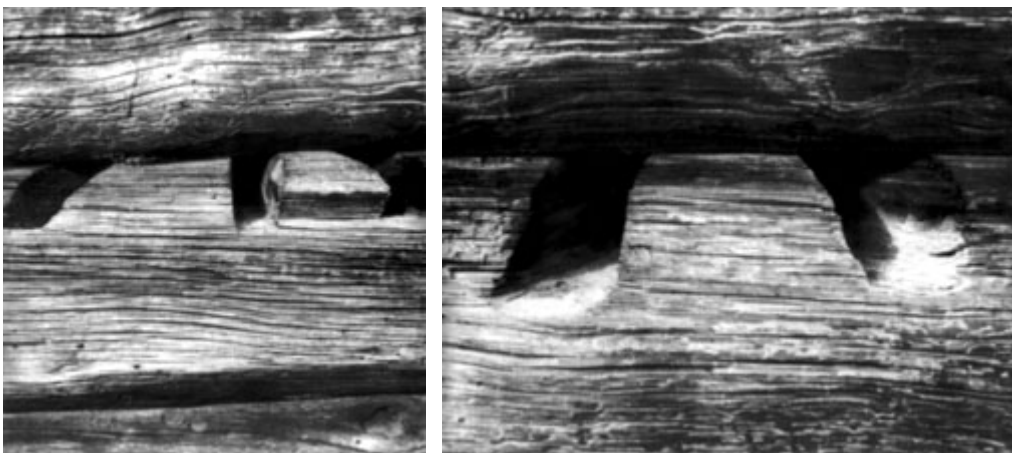

20-23. Типы обломов.

Обламная часть башен и срубных стен отстояла от стен нижнего сруба на 15-25 см, образуя щель по всему периметру башен или вдоль прясел стен. Через эти щели поражали противника, подошедшего вплотную к стене. Более широкое распространение круговые обламы получили в деревянных крепостях с середины XVII века. Высота такого облама чаще всего не превышала одной сажени, а сруб состоял обычно из пяти-восьми венцов бревен. Во всех сохранившихся башнях конструктивное устройство срубных обломов однотипно (ил. 18, 20-23). Это подтверждается также и росписными списками Мангазеи, Енисейска, Красноярска, Олонца, Опочки и других крепостей. В некоторых архивных источниках вместо обломов употребляется еще один термин - «розвалы». Например, в Селенгинске в 1665 году был построен острог, а по углам - «четыре башни с розвалы и с вышки крыты»¹⁷. Принципиального отличия между ними, однако, не было.

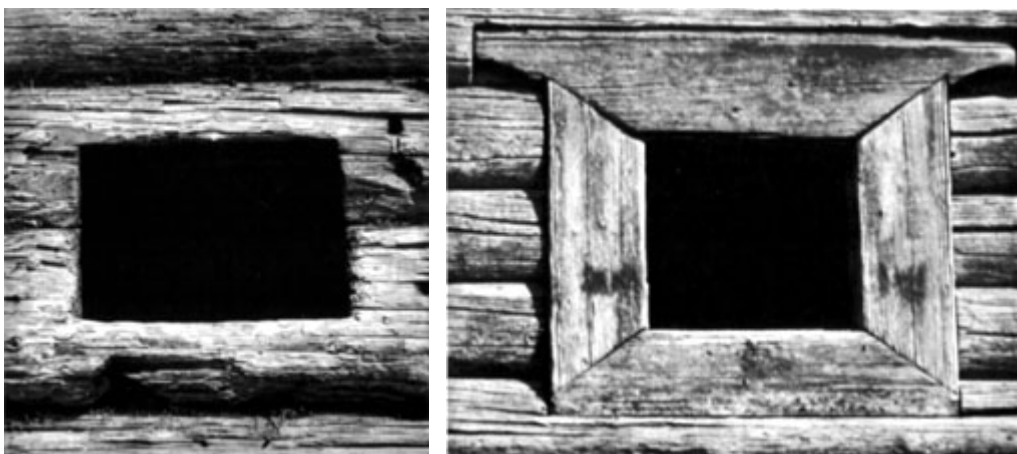

24-27. Бойницы пищального боя.

В стенах обломов «просекались» небольшие отверстия-бойницы для стрельбы по неприятелю. На всех сохранившихся башнях бойницы одинаковы не только по конструкции, но и близки по размерам. Как правило, они соответствовали оружию, которым пользовались защитники. Размеры отверстий (почти квадратных по форме) были в пределах восьми-десяти сантиметров. Снаружи нижняя и боковые плоскости бойницы были скошенными для удобства стрельбы и увеличения фронта обзора и обстрела (ил. 24-27). Для пушечной стрельбы прорубались более крупные бойницы, и габариты их составляли обычно 30х40 см. Бойницы обязательно должны были соответствовать «наряду» (ил. 28, 29). Известен случай, когда воеводы, прибыв на службу в 1599 году в Березов, отметили, что, кроме всего прочего, «окна на башнях просечены не по наряду». Они тут же велели «у башен окна просечь по мере»¹⁸ и сделали новые станки к пушкам, за что впоследствии получили царскую благодарность.

Расположение бойниц в башнях и стенах было равномерным. Верхние, средние и нижние бои соответствовали ярусам башен. Доступ к ним осуществлялся по лестницам, устроенным внутри башен. Конструкция таких лестниц сохранилась в некоторых башнях. Лестница представляла собой две плахи (тетивы) с врезанными в них ступенями.

Существенным дополнением в крепостных сооружениях были всевозможные запорные устройства. При строительстве крепостей подсчитывали не только количество бревен, плах и драниц, необходимых для башен и стен, но и сколько «понадобитца каких железных крепостей в проезжие башни к воротам и в малые воротца замков и засовов и крюков и пробоев»¹⁹.

28, 29 Бойницы пушечного боя

Деревянные крепости сами по себе были мощными оборонительными сооружениями. Но вместе с ними, согласно царским наказам и грамотам, ставились и «всякие острожные крепости». Как правило, градодельцам вменялось в обязанность не только острог поставить, но и «рвы покопать, и надолбы поделать и всякими крепостьми укрепить»²⁰. При передаче города во время смены воевод обязательно осуществлялся не только осмотр стен, башен и наряда в них, но и отмечалось, сколько «около острогу рвов и иных каких крепостей великих». Так, при осмотре в 1659 году Тюмени воеводой Андреем Кафтыревым было обнаружено, что «ров де из города осыпался, а иные засорены, да и заострожной де ров от степи местами засыпан навозом, и крепостей никаких нет»²¹. В ответ на воеводскую отписку последовал царский указ, которым было велено «за острогом ров вычистить и крепости поделать». Причем делать все это рекомендовалось летом, «не в деловую пору, чтоб пашенным крестьяном однолично в том большие тягости и налоги не было»²².

30, 31. Рогатки и надолбы в системе укреплений Удинска и Красноярска на планах XVIII в.

По-видимому, такая работа была для жителей городов в тягость, так как рвы часто оползали и засорялись, а деревянные надолбы гнили. В той же Тюмени очередной воевода, Михайло Квашнин, осматривая в 1679 году укрепления города, обнаружил, что острог во многих местах погнил, «и надолб нет, и ров не копан». И так было во многих русских городах.

Под термином «всякие крепости» подразумевались искусственные защитные устройства в виде рвов, земляных валов, надолбов, «чеснока» (ил. 30, 31). В сочетании друг с другом все они представляли довольно значительные и часто неприступные искусственные препятствия. Очень подробно такая система дополнительных устройств показана в отписке Онуфрия Степанова о нападении богдойских войск в 1655 году на Комарский острог, вокруг которого был выкопан ров, «а круг того рву бит чеснок деревянной, а круг того чесноку деревянного бит чеснок железной стрелной опотайной... а в остроге были исподней и верхней бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящем с нижнего бою и до верху от пушечного бою»²³. На случай «навалного приступа» к острогу было приставлено «судовое дощеничное дерево высокое», для устройства лестниц, а на остроге «кладены» катки. Богдойцы, перейдя к приступу, «у того деревянного чесноку щиты поставили, и на том железном чесноку многие богдойские люди кололися и итти к острогу не могли от того железного чесноку к стене»²⁴.

Искусственные препятствия возводились не только вокруг крепостных стен. В русском крепостном деревянном зодчестве XVI-XVII веков они нашли широкое распространение в системе засек, соединявших отдельные укрепления, сторожевые посты и редуты. Размеры и масштабы искусственных препятствий свидетельствуют об их значимости в общей системе оборонительных сооружений. Они представляли собой укрепленные линии на подступах к границам городов и Русского государства в целом. Искусство устройства их было таким же высоким, как и возведение самих крепостей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ КРЕПОСТИ

Несмотря на то, что северные границы Русского государства омывались морем, угроза нападения существовала здесь всегда. В период феодальной раздробленности, когда московские князья вели борьбу с Новгородом за обладание этим северным районом, оборона носила скорее стихийный, нежели планомерный характер. Первые укрепленные городки, возникавшие примерно с XIV-XV веков, не были связаны друг с другом и располагались еще далеко от границы.

В конце XV века вся северная область была присоединена к Русскому государству, и с этого времени в связи с опустошительными набегами немирных соседей в Поморье началось активное строительство хорошо оснащенных крепостей. Среди них немаловажное значение имели деревянные остроги (Пустозерский, Кольский, Сумский) и рубленные города (Архангельск, Холмогоры, Каргополь, Сольвычегодск, Олонец, Опочка, Устюг Великий), существовавшие в качестве крепостей вплоть до XVIII века. Особенно интенсивное строительство укреплений развернулось в первой половине XVII века. Наряду с крупными крепостями возникает множество мелких острожков, укрепленных монастырей и погостов, объединенных в мощную оборонительную систему. Постоянная угроза нападения со стороны северных границ заставляла московских правителей столь же постоянно следить за состоянием укреплений. Например, в начале XVIII века,

выполняя указ Петра 1 города Архангельск и Холмогоры крепить и жить «в великом опасе от шведов», двинские воеводы осуществляют ряд крупных мероприятий, связанных с усилением обороны границ.

32. Устюг Великий в первой четверти XVII в. Реконструкция В. П. Шильниковской и Е. В. Амосова

Мероприятия по защите северных рубежей заключались не только в строительстве крепостей. Известно, что еще в 1646 году в Архангельск был направлен специальный указ о необходимости «постройки башен и замкнутии железными цепями Березовского устья Двины для воспрепятствования тайному проходу иностранных кораблей»²⁵. Указ обращал внимание воеводы Ильи Безобразова на то, что «в Березовском устье неметцкие корабли учали вновь тайно приходить»²⁶. Вместе с другим воеводой, Иваном Черкасским, ему вменялось в обязанность самым подробным образом разузнать у сведущих, опытных людей - можно ли, чтоб «впредь Двиною рекою в Березовское устье к Архангельскому городу неметцкие корабли без государева указу не ходили, башни поставить каменные и чеши (цепи. - Н. К.) железные сделать», а кроме всего прочего, воеводам велено было «сметить подлинно: сколько на те башни камени бутового и белого, и кирпичю и извести, и на связи железа, и на сваи тесу, и на кровлю тех башен тесу, и на чеши железа ж надобно»²⁷.

33. Вид крепости Колы с северо-востока. Рисунок XIX в.

34. План города Колы. 1740

Хотя эта грандиозная идея и не была осуществлена, сама по себе она свидетельствует о возникшей тогда (в связи с угрозой вторжения иностранных кораблей) необходимости закрыть северные речные пути, дабы иноземцы не смогли проникнуть в глубь Московского государства. С этой же целью постоянно поддерживалась боеспособность старых крепостей и строились новые.

35. Александро-Ошевенский монастырь. XVII в. Реконструкция Ю. С. Ушакова и М. И. Мильчика

36. Богородицкий монастырь в Тихвине. XVII в. фрагмент чертежа Ивана Зеленина. 1679

37. Николо-Карельский монастырь. XVII в.

В упорной борьбе Московского государства за выход к Балтийскому морю, сопровождавшейся строительством крепостей, далеко не последнюю роль играл Кольский острог, поставленный у Баренцева моря и ставший своеобразным первым «окном в Европу». Упомянутая в некоторых источниках еще в XIII веке Кола как укрепление более всего известна с XVI века, когда в ней был срублен деревянный острог. Играя заметную роль в транзитной торговле Руси, Кола становится с середины XVI века

своеобразной морской гаванью страны, получая в конце XVI века крепостные стены и башни. Срубленная в 1583 году стрельцами и «посошными людьми» крепость Кола стала не просто еще одним укрепленным пунктом на севере Руси - ей суждено было играть роль пограничного северного форпоста.

38. Проездная башня Николо-Карельского монастыря. 1692

39. Изображение деревянного города Каргополя на иконе начала XVIII в.

Капитальное исследование по истории формирования этой крепости провел четверть века назад крупный знаток русского оборонного зодчества профессор В. В. Косточкин. Впервые им были опубликованы и многие чертежи Колы, сохранившиеся от первой половины XVIII века. Благодаря этому Кольский острог из всех деревянных крепостей русского Севера стал наиболее изученным²⁸.

За почти трехвековую историю существования Колы укрепления ее несколько раз перестраивали, постоянно усвершенствуя их и расширяя. Письменные документы донесли до нас описания конструкций, размеров и особенностей, из которых видно, что всегда, на всех этапах исторического развития, наиболее серьезное внимание отводилось прочности крепости. Уже первое укрепление, обнесенное частоколом, смогло выдержать в 1591 году нападение шведского морского десанта с военных кораблей, вошедших в реку Тулому, на берегу которой стояла Кола.

Оставаясь русской пограничной крепостью и в первой половине XVII века. Кола выполняла свои защитные функции. Хорошо оснащенная артиллерией и укрепленная мощными деревянными стенами смешанной конструкции (острог и тарасы), эта крепость в конце XVII века частично обветшала, но уже через несколько лет, в самом начале Северной войны, перед ней снова была поставлена задача - не допустить иноземные корабли с моря. Защитники крепости - стрельцы, временно сменив оружие на плотницкие топоры, укрепили обрубками подходы к башням, заменили обветшавшие звенья некоторых прясел стен новыми, засыпали их «хрящем» и устроили новые настилы и лестницы к стенам. Работы продолжались еще в течение нескольких лет, даже в зимнее время, но выполняли их теперь уже посадские люди и уездные крестьяне.

40. Башни Новгорода. XVII в. Реконструкция П. А. Раппопорта

41. Система укреплений Новгорода на плане XVII в. Э. Пальмквиста

В результате неоднократных перестроек Кольская крепость меняла не только свой облик, но и конструкцию стен. В начале XVIII века стены представляли собой срубную конструкцию, в которой городни чередовались с отрезками тарас. Причем ячейки не были заполнены землей и камнями, а оставлены полыми для хозяйственных нужд - в них размещались съестные припасы и разные товары. Нельзя сказать, что подобный способ использования ячеек срубных стен был новым. Правильнее будет видеть в этом традицию. Такая многофункциональность сооружений деревянных крепостей в Сибири нашла повсеместное распространение. Но если по отношению к северным крепостям данный факт -свидетельство начала отмирания их военно-оборонительной функции, то применительно к сибирским оборонительным сооружениям этого сказать нельзя. Точнее, это будет верным не до конца. Дело в том, что суровые сибирские условия в какой-то мере заставляли строителей максимально использовать для различных целей все элементы крепости - и башни, и стены.

42. Замок Владимира Мономаха в Любече. Конец XI в. Реконструкция Б. А. Рыбакова

43. Русский город XI-XII вв. Реконструкция П. А. Раппопорта

В Кольской крепости гораздо интереснее другое - устройство башен. Срубленные в виде неправильных шестиугольников, они имели двойные стены с наружных сторон, обращенных «в поле». Лишь Никольская башня была одностенной. Однотипными были Егорьевская, Пытальная и Чепучинная башни, а вот Водяная, вынесенная за пределы крепости и поставленная на искусственном возвышении, представляла чрезвычайный интерес. Водяной эта башня называлась не случайно - внутри нее был вырыт колодец, снабжавший город водой. Башня соединялась со стеной крепости двухъярусным переходом, огражденным двойными срубными стенами и крытым двускатной кровлей.

Такая постановка Водяной башни относительно стен делает ее в определенном смысле уникальной.

44. Город Осташков в 1665г. Реконструкция М. Карновой, И. Кроленко, В. Якубени. Рисунок И. Чернетского

Располагаясь среди сурового северного пейзажа, Кольский острог производил сильное впечатление. Суровый облик его строгих и мощных башен вместе с крепостными стенами был под стать пейзажу, и, включенный в силуэт холмистых окрестностей, острог сливался с ним. От начала XIX века сохранился великолепный рисунок с изображением Кольской крепости, сильно к тому времени обветшавшей (ил. 33). Но даже и в таком виде она вызывает к себе почтительное уважение. Дошедшие до нас несколько планов Колы - свидетельство того, что и в XVIII веке этому северному форпосту придавалось большое значение в защите границ Русского государства. На чертежах показано конструктивное устройство стен и башен, а также вся планировочная структура крепости с многочисленными Постройками различного назначения.

45, 46. Деревянные полоцкие крепости Туровль и Суша. Гравюры Д.-Б. Каваллери по рисункам 1580г.

Особенности конструктивного устройства Колы очень хорошо видны на публикуемом здесь плане (ил. 34), выполненном «инженерного корпуса учеником» Алексеем Пospelовым под руководством кондуктора Федора Неелова по обмерам крепости, перестроенной в 1703 году. Имея ряд характерных особенностей, Кольская крепость в целом не стала исключением из общего правила возведения оборонительных сооружений, она лишь красноречиво подтвердила следование древней русской традиции.

Среди большого разнообразия типов крепостей на севере Русского государства вместе с крепостями, имеющими регулярную планировку, широкое распространение получили и крепости со свободным, или живописным, планом, которые повторяли очертания рельефа местности. Наиболее выразительной из них была деревянная крепость Устюга Великого.

Возникший в середине XII века, Устюг впоследствии становится основным опорным пунктом Москвы в период образования централизованного Русского государства. Длительная и долгая борьба, которую вели московские и новгородские князья за обладание северодвинским торговым путем, сказывалась и на судьбе Устюга. На протяжении XII-XVI веков его укрепления многократно перестраивались после пожаров и нападений. О характере первых укреплений можно лишь делать предположения, поскольку никаких сведений о них не сохранилось, зато последняя перестройка крепости 1613 года была через семнадцать лет подробно зафиксирована в сотной и писцовой книгах, что позволяет достаточно объективно и полно представить архитектурно-художественный облик этой северной крепости в начале XVII века.

Как и большинство древнерусских городов-крепостей, Устюг в это время имел двухчастную планировочную структуру (Городище и Большой острог), сложившуюся в течение XIV-XV веков. В начале XVII века по размерам эти две части были неравнозначными. Если периметр стен Городища составлял всего 296 саженей, то вокруг Большого острога стены протянулись на 1288 саженей. Сопоставляя эти размеры с размерами других северных крепостей, следует отметить, что Устюг среди них был едва ли не самой крупной крепостью. Причем деление на две части носило в нем, скорее, условный характер и было связано с рельефом местности, которая предопределила живописность планировочной структуры и выразительность архитектурного силуэта этого древнерусского города-крепости (ил. 32).

Укрепления Устюга были типичными для древнерусского крепостного зодчества. Деревянные тыновые стены вокруг Городища и Большого острога стояли на земляной

«осыпи», а изнутри к ним была пристроена обходная галерея для ведения с нее верхнего боя. Равномерно расставленные по всему периметру крепости двадцать четыре башни, одиннадцать из которых были проездными, обеспечивали надежную фланкированную защиту стен и создавали своеобразный ритм всей архитектурно-пространственной композиции города. Широкий ров глубиной до трех с половиной метров, вырытый с северо-восточной стороны, служил почти непреодолимым препятствием для врага.

Устюг Великий со временем оказался в глубине страны, поэтому со второй половины XVII века он начинает терять стратегическое значение, превращаясь из города-крепости в крупный торговый центр. Имея с юго-запада естественную защиту, каковой служила река Сухона, Устюг был опоясан с северо-восточной стороны полукольцом монастырей.

47, 48. Деревянные полоцкие крепости Красна и Козьян. Гравюры Д.-Б. Кавалери по рисункам 1580г.

Вообще надо сказать, что в комплексе оборонительной системы северным монастырям отводилась совсем не последняя роль. Пожалуй, ни в Сибири, ни на южных границах Русского государства монастыри не имели такого взаимодействия с городами, как на севере, и в этом - одна из особенностей северного крепостного деревянного зодчества. Более того, в некоторых местах Поморья монастыри в системе обороны играли самостоятельную роль. Именно поэтому их следует рассматривать как тип крепости, довольно распространенный на Севере. Подтверждением этому служит такой факт: примерно за полтора столетия (до XVI в.) в Поморье кроме уже существовавших было дополнительно построено около ста пятидесяти новых монастырей²⁹. Располагаясь вдалеке от обжитых мест, они служили очагами жизни и выполняли оборонительные функции.

Из огромного количества деревянных монастырей до нашего времени не сохранилось ни одного. Только скупые летописные строки да иконографические материалы донесли сведения о некоторых из них. Сохранившийся план Богородицкого Тихвинского монастыря (ил. 36), исполненный в 1679 году Иваном Зелениным, является прекрасной иллюстрацией к письменным документам, в которых мы встречаем описания деревянных укреплений. Построенный в 1560 году по указу Ивана IV, монастырь «приобрел» деревянную ограду в 1591 году, позднее перестроенную и исправленную, изображение которой и донес до нас этот уникальный чертеж.

Не менее интересным по своей архитектуре был деревянный Александро-Ошевенский монастырь, расположенный недалеко от Каргополя. В отличие от Тихвинского его изображения сохранились не на документальных чертежах, а на нескольких иконах XVII века, выявленных и впервые атрибуированных М. И. Мильчиком. В целях воссоздания архитектурного облика Александро-Ошевенского монастыря, сгоревшего в 1706 году, М. И. Мильчик и Ю. С. Ушаков сопоставили архивные данные и изображения монастыря на старинных иконах, а также провели детальные натурные исследования³⁰. На этой основе Ю. С. Ушаков выполнил вполне достоверные графические реконструкции монастыря (ил. 35). Выполняя культовые и оборонительные функции, Александро-Ошевенский монастырь производил сильнейшее эмоционально-художественное воздействие. Отовсюду он выглядел композиционно уравновешенным и законченным. Впрочем, он не являлся исключением. Эта черта была характерной для всех монастырских комплексов Руси.

Из всех северорусских монастырей лишь один, Николо-Карельский, сохранял деревянные укрепления до начала XX века. В результате детальных обследований были выполнены обмерные чертежи, а в 1932 году в село Коломенское под Москвой перевезена его проездная башня, построенная в 1692 году. Сегодня это фрагмент деревянной монастырской (крепостной) архитектуры XVII века, ценный еще и тем, что представляет собой единственную «живую» часть срубной стены и проездную башню типа «восьмерик

на четверике» (ил. 37, 38). В архитектуре башни преобладает светско-религиозная, а не военная функция. Это можно увидеть на такой детали: верхняя часть восьмерика имеет расширение наподобие облама. Но это лишь подобие облама, а не настоящий облам. Здесь отсутствует щель между основным срубом восьмерика и обламной частью. Нет в башне и нужного количества бойниц. И вместе с тем трудно переоценить значение этого памятника деревянного зодчества.

49, 50. Деревянные полоцкие крепости Сокол и Ситна. Гравюры Д. -Б. Кавалери по рисункам 1580г.

Во время польско-литовской интервенции были испытаны на прочность многие русские крепости. Не избежал этой участи и Каргополь. Уже в 1612 году его укрепленный посад отразил несколько сильных штурмов. Точно так же как и другие крепости, Каргополь много раз перестраивался. Очередное строительство деревоземляных укреплений было осуществлено в 1630 году, но сколько-нибудь подробное их описание относится к более позднему времени. Так, роспись 1686 года сообщает, что в Каргополе был «город деревянной рубленой, а башен по стенам девять, в том числе две башни осьмериком, в городе ворота проходные под башнями трои»³¹. Чуть подробнее другая роспись - 1714 года.

Обе росписи имеют великолепное графическое дополнение - сохранившуюся от начала XVIII века икону Бориса и Глеба с изображением деревянного Каргополя. При всей условности письма элементы крепости показаны на иконе довольно правдиво. Ясно читается конструкция стен и башен, вполне реалистично, со знанием дела показано размещение в них бойниц нижнего, среднего и верхнего боя, а также устройство шатров и сторожевых вышек на башнях (ил. 39),

И все-таки условность иконописного изображения дает себя знать. В верхних частях срубов башен отсутствуют очень существенные детали - обламы. Отсутствие их в данном конкретном случае вряд ли можно отнести к особенностям устройства башен Каргопольского деревянного города. Скорее всего, их просто-напросто забыли изобразить. Однако справедливости ради следует отметить, что у восьмигранных башен верхняя часть сруба имеет едва заметное расширение наподобие повалов в культовых постройках. Но предположение, что это и есть обламы, должно быть отвергнуто безоговорочно. Во-первых, если это обламы, то почему их нет на остальных башнях? А во-вторых, нам известны графические материалы с изображением других северорусских крепостей, относящихся не только к этому, но и к более раннему времени, на которых обламы показаны совершенно такими, какими они и были в натуре. Взять хотя бы уже упоминавшийся план Тихвинского монастыря, где круглые башни показаны с обламами (ил. 36). Во всем другом изображение конструкций Каргопольской деревянной крепости не вызывает сомнений и может быть дополнительным источником при изучении деревянного крепостного зодчества.

В оборонной архитектуре русского Севера немало встречалось крепостей, имеющих несколько поясов укреплений. На протяжении многих веков складывалась, например, система деревянных внешних стен Новгорода Великого, охватывавших широким полукольцом каменный кремль - ядро крупнейшего оборонительного комплекса на северо-западе Руси. Кроме детинца в источниках XVII века упоминаются Большой и Малый земляной город, окруженные рвом и земляным валом.

В 1534 году были заново срублены стены по «осыпям» на Софийской стороне, а в 1537 году - на Торговой стороне. Сохранившаяся подробная опись (1675г.) укреплений Новгорода наглядно рисует всю систему его обороны. Интересующие нас деревянные стены, башни и вся схема Новгородской крепости изображены на плане XVII века (ил. 41). На Софийской стороне деревянный город вокруг посада показан состоящим из трех частей, а на Торговой - из двух, разделенных рвом. Расположенный на довольно

равнинной местности, Новгород великолепно вписан своими контурами в очертания берегов реки Волхова, протоков и ручьев. Их плавные изгибы определили и очертания новгородских укреплений. Максимальная слитность с ландшафтом делает древнерусские крепости неотъемлемой частью пейзажа, его составным элементом (ил. 43).

Неправильная конфигурация крепостей чаще всего была отражением тесной связи крепостей с природными условиями. В центральной части Руси, в особенности на севере ее, такие крепости были широко распространены. Но это вовсе не означает, что регулярные, геометрически правильной конфигурации крепости не имели связи с окружением. Связь была, но основана она не на нюансах, а на контрастном сочетании. Примером таких регулярных крепостей могут быть деревянные полоцкие крепости XVI века, но, прежде чем познакомиться с ними, обратим внимание на одну из крепостей на западной границе Русского государства - город Осташков, который среди других порубежных городов на границе с Литвой и Польшей выполнял роль одного из опорных пунктов.

Впервые построенная в 1587 году деревянная Осташковская крепость не выдержала польско-литовской осады и была покорена. Последовавшее вслед за этим освобождение Осташкова повлекло за собой строительство нового укрепления, огражденного валом, общая длина которого составила 830 сажений, но сколько-нибудь подробных сведений о характере этих первых крепостей не сохранилось. Имеющийся в архиве ценнейший документ по истории Осташкова ~ его «Сметная роспись» - относится уже к крепости, построенной по указу царя Алексея Михайловича в середине XVII века. Упомянутый в росписи чертеж, к сожалению, не сохранился, зато очень подробное описание крепости и всех ее элементов было сделано в «Переписной книге», составленной в 1665 году. Эти подробные сведения об осташковских укреплениях и позволили на вполне достоверной основе выполнить их графическую реконструкцию (ил. 44).

Опустошительный пожар 1678 года уничтожил и эту крепость, но тут же последовал царский указ рубить новый город, «чтоб впредь было крепко и прочно и вечно и в приход воинских людей в городе сидеть было безстрашно и надежно»³². История многочисленных перестроек Осташкова очень наглядна. Сколько сил и энергии было истрачено жителями городов на бесконечные восстановительные работы после пожаров, которым, казалось, не будет конца! Деревянные крепости, успешно противостоявшие осадам и пушечным ударам, были бессильны перед огнем. Стремясь хоть как-то продлить жизнь деревянных стен, русские градодельцы обмазывали их глиной, обкладывали нижнюю часть срубов дерном, а в Новгороде, согласно описаниям очевидцев, в XVII веке и каменные и деревянные стены были окрашены в белый цвет³³.

В борьбе с Польско-Литовским государством немаловажное значение имело взятие русским войском в 1563 году древнерусского города Полоцка. Стремясь закрепить успех, Иван Грозный издает указ о строительстве вокруг Полоцка ряда крепостей, назначение которых - укрепить со всех сторон подступы к городу. Обстоятельства складывались так, что обычными методами эти крепости построить было невозможно в условиях лишь видимого затишья, и тогда русские градодельцы прибегли к методу сборного строительства. Такое строительство было известно, по-видимому, давно. Исторические материалы свидетельствуют о существовании в древнерусских городах рынков по продаже готовых изделий ~ срубов жилых домов и других построек. Подобные методы строительства имели место и в крепостном зодчестве. Приводимый ниже пример со Свияжском, надо полагать, не был единственным. Со времени взятия Казани прошло немногим более десяти лет, и вот на западной границе началось возведение деревянных крепостей для укрепления Полоцка. Все крепости строились скрытно.

Любопытно свидетельство иностранца, пораженного быстротой, с какой появились эти крепости. Этот современник оставил запись, повествующую о том, как строились полоцкие крепости: «После того как инженеры предварительно осмотрели места, подлежащие укреплению, где-нибудь в довольно далеком лесу рубят большое количество

бревен, пригодных для таких сооружений; затем, после пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать их и распределить их в постройке, спускают вниз по реке, а когда они доедут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю, из рук в руки; разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, а в то время являются и их гарнизоны»³⁴.

Шесть из девяти построенных вокруг Полоцка крепостей запечатлены в гравюрах Д. - Б. Каваллери, выполненных в 1580 году по рисункам С. Пахоловича. Все крепости (ил. 45-50) имели планы в виде правильной геометрической фигуры - прямоугольник, треугольник, трапеция.

Судя по изображениям, встречались крепости треугольной или близкой к ней формы, такие, как Ситна, Козьян и Красна. Гравюры показывают, что выбор конфигурации продиктован окружением, характером местности. В системе этих укреплений важное место отводилось башням, размещение их было продуманным - самые мощные башни поставлены в наиболее слабо защищенных природой местах.

В походе на Полоцк принимал участие, находясь «у наряда», Иван Выродков - организатор строительства Свяжской крепости. Достоверно не известно, строил ли он полоцкие крепости, но, весьма вероятно, мог «приложить руку». Построенные вокруг Полоцка деревянные крепости - пример того, как развивались новаторские тенденции в русском оборонном зодчестве, воплощаясь в разных краях Русского государства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРЕПОСТИ НА ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ

51. Строительство Свияжска в 1551г. фрагмент из миниатюры Лицевого летописного свода

Южные границы Русского государства были, пожалуй, наиболее уязвимыми, так как именно здесь простирались степи - «дикое поле», - на многие столетия ставшие ареной борьбы разных народов с полчищами кочевников, опустошительные набеги которых продолжались вплоть до конца XVII века. В целях защиты Русского государства линия обороны на протяжении веков отодвигалась все дальше и дальше к югу. В непрекращавшейся борьбе с татарскими ханствами испытывались русские крепости. Строительство деревянных укреплений к концу XVI века достигло такого совершенства, что за очень короткое время русские градодельцы могли срубить неприступную крепость.

Хорошо известна и стала хрестоматийной история строительства Свияжска под Казанью. Появление крепости «под носом» у татар было настолько неожиданным, что эту историю стали пересказывать впоследствии многие иностранцы. Один из них, немец-опричник Генрих Штаден, в своем описании «Как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань» рассказал ее следующим образом: «Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все [укрепления] землей; сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свияжском. Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны биться и сражаться с русскими. Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город...»³⁵.

52. Изображение южнорусской крепости XVII в. Черный Яр. Гравюра А. Олеария

А предыстория этого строительства такова. Чтобы покончить с казанскими татарами, Иван Грозный предпринял три похода, два из которых окончились неудачей. Слишком далеко отстояла Казань от русских городов. Отсутствие опорных пунктов вблизи ставки татарского хана не позволяло организовать подготовительные работы для ее взятия. И тогда было принято остроумнейшее и единственно правильное решение - срубить крепость вдалеке от Казани, разобрать ее и, сплотив в плоты, тайно спустить по Волге, а затем быстро собрать в непосредственной близости от Казани.

53, 54 Изображения южнорусских крепостей XVII в. Царицына и Самары. Гравюры А. Олеария

Весной 1551 года в угличских лесах началась рубка города. Всеми работами руководил талантливый русский градоделец Иван Выродков. Как только вскрылись реки,

перемеченные бревна были сложены на суда и плоты и отправлены вниз по Волге. Чтобы сплав проходил тайно, «государь велел стати по всем перевозам по Каме, и по Волге, и по Вятке реке»³⁶. И вот 24 мая, «под молебен и воду освятя», город был заложен. Сборка стен, башен, жилых строений, амбаров и церквей заняла всего четыре недели. Этот срок покажется еще более непостижимо коротким, если мы вспомним, что Свияжская крепость по своим размерам была больше укреплений Пскова, Новгорода Великого, а также Московского Кремля (ил. 51).

В стенах Свияжска было поставлено восемнадцать башен и устроено семь ворот. Внутри крепости находилось десять церквей. Кроме них здесь располагалось более пятисот дворов и общественно-административных зданий. Об уникальности приема и новизне метода строительства Свияжска свидетельствует и такой факт: постройка его была изображена на гравюре XVII века. А когда в 1784 году учреждался герб города, то и в нем была отражена история создания этой крепости: на голубом фоне изображен деревянный город на судах, плывущих по Волге.

Если сам метод сборного строительства не был для того времени новшеством, то масштаб и организация строительства Свияжска были новым явлением в истории крепостного зодчества. Этот привезенный с верховьев Волги «готовы град... хитр сотворен» позволил в 1552 году взять непокорную Казань и создать базу для дальнейшей борьбы с татарскими ханствами. Но при всем совершенстве возведения отдельных крепостей южные границы Русского государства требовали к себе более пристального внимания и крупных организационных мероприятий общегосударственного масштаба. Необходима была система обороны границ. И она была создана в последующее время, так как взятие Казани еще не означало окончания борьбы с татарами.

Оборонительная система на южных окраинах Московского государства, созданная в XVI-XVII веках для борьбы с татарами и широко известная под названием Засечной черты, представляла собой сложный комплекс взаимосвязанных укреплений (острогов, сторожевых постов, засек и лесных завалов, водных преград), протянувшихся на многие сотни километров. Московское правительство придавало большое значение Черте и постоянно следило через Разрядный приказ за ее состоянием вплоть до конца XVII века, модернизируя отдельные звенья и комплексы.

При создании этой уникальной в своем роде оборонительной системы главное внимание уделялось сочетанию естественных преград с искусственными сооружениями, которые в большинстве своем возникали на главных транспортных магистралях, ведущих в Московское государство. Разумеется, было бы неправильным думать, что Засечная черта явилась новшеством. Еще в конце X века на рубежах Киевской Руси сложилась целая система укрепленных городов, объединенных мощными водными преградами. Отдельные засеки, создаваемые между крепостями в Новгородско-Псковском, Тверском и других княжествах, упоминаются и в летописных источниках XII века.

После длительного периода раздробления и упадка Руси, вызванного монголо-татарским нашествием, с XV века начинается возрождение городов-крепостей и создание сложных оборонительных линий, призванных, с одной стороны, покончить со степными кочевниками, а с другой - укрепить новые границы Московского государства (ил. 52-54).

Дальнейшее развитие приемов крепостного зодчества X-XIII веков способствовало созданию совершенных и эффективных в военном отношении оборонительных систем, ярким примером которой стала Засечная черта. Уже само название Черты говорит о том, что ведущее место в этой системе отводилось засекам, которые устраивались вокруг городов-крепостей, чему способствовало обилие лесных массивов. Сплошная подрубка деревьев на высоте человеческого роста с наклонной укладкой верхних частей стволов с ветками, без срезания сучьев, - это, собственно, и есть засека, служившая серьезным препятствием для татарской конницы. Засечная черта создавалась еще в XV веке на базе городов, вокруг которых «для береженья от приходу воинских людей учинены были

засеки и на засеках всякие крепости»³⁷. Среди них главная роль отводилась городам Туле, Козельску, Лихвину, Веневу и другим. Наряду с укреплениями этих городов в XVI веке появляются и новые крепости: Воронеж, Оскол, Белгород, Курск, Елец, отстоявшие от Черты далеко к югу.

55. План города Козлова. Начало XVI II в.

56. План города Костенска. Начало XVIII в.

57. План города Усерда. Первая треть XVI II в.

58. План Белгорода. 1693

Постепенно разрозненные звенья Черты объединяются в сложную систему и превращаются в комплексное оборонительное сооружение общегосударственного значения, свидетельствующее о возросшей мощи Руси. Вместе с тем вскоре обнаружился и недостаток Черты - она оказалась далеко в тылу. Отдельные крепости и небольшие гарнизоны на большом пространстве перед Чертой не могли противостоять врагу. В конце XVI - первой трети XVII века снова участились набеги татар, сопровождавшиеся разорением территорий даже в непосредственной близости от Черты. Это не могло не беспокоить московское правительство, и со второй половины XVII века оно организует крупные мероприятия по созданию новой, Белгородской черты, которая объединила города-крепости Козлов, Усмань, Воронеж, Ольшанск и много других. Эта оборонительная система прошла на несколько сотен верст южнее Засечной черты.

Вместе с формированием Белгородской черты проводились работы по реконструкции и перестройке отдельных звеньев Засечной черты, которая становится с этого времени внутренней линией укреплений. Завершение таких сложнейших оборонительных комплексов явилось следствием огромного опыта и высокого инженерно-строительного искусства русских людей, которые не только возводили, но и сами «оберегали» Черту от набегов степняков.

Справедливо будет отметить, что одна Черта, даже такая протяженная, как Белгородская, не могла обеспечить защиту границ на должном уровне. Необходимо было организовать взаимодействие Черты со сторожевой службой перед ней. Такая служба, известная уже в XIV веке, была налажена в Засечной черте и на протяжении многих десятилетий продолжала совершенствоваться на всем пространстве «дикого поля». Главная задача, которая ставилась перед сторожевой и станичной службами, - собирать информацию о передвижении татар, сообщать о местах их скопления и предполагаемых маршрутах движения. При приближении татар к крепостям военные гарнизоны должны были вступить с ними в единоборство, защищая от разорения близлежащие деревни.

Известен, например, документ, свидетельствующий об очередном набеге татар, во время которого воеводы гарнизона укрылись в крепости, оставив на произвол судьбы близлежащие селения. Этот случай не прошел незамеченным, и правительство сделало воеводам нелюбезное внушение: «... а вы своею дуростью и нерадением над такими малыми людьми и в таких ближних местах поиску никакова учинити не умели и православных крестьян в полон выдали поганцам. А вам было и без вестей пригоже быти со всеми людьми наготове, потому что вы воеводы походные, и кой час про татар весть учинитца и вам было того ж часу на татар наспех идти и воевать им не дать»³⁸.

После обстоятельной подготовки в 1571 году М. И. Воротынский «с товарищи» разработал специальный документ - приговор, или устав, регламентирующий сторожевую и станичную службу. Среди множества различных предписаний приговор устанавливал и правила несения службы: «А стояти сторожем на сторожах, с конь не сседа, переменясь, и ездити по урочищам, переменясь направо и налево по 2 человека по наказом, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни не класти не в одном месте; коли

каша сварити и тогда огня в одном месте не класть дважды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати. А в лесах не ставитца, а ставитца им в таких местах, где б было усторожливо»³⁹.

Основной задачей устава была организация сторожевой службы на степной окраине, «чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили»⁴⁰. Эта служба существовала на «диком поле» до тех пор, пока там не появились русские города, и была предназначена в основном для предупреждения о нападениях татар. На отражение нападений были направлены иные мероприятия, и в первую очередь - сооружение защитной Белгородской черты.

Это грандиозное по своим масштабам мероприятие началось со строительства в 1635 году города Козлова и земляного вала около него. Кроме новых городов-крепостей в Черту вошли и старые, построенные в последней четверти XVI века, прежде всего Воронеж и Белгород. Создание Белгородской черты продолжалось почти четверть века. На первом этапе это были небольшие по протяженности защитные линии, располагавшиеся на дорогах, по которым татары проникали на Русь. Вместе с этими разрозненными частями примерно в течение десяти лет были срублены города-крепости Козлов, Усерд, Яблонов, Короча, Хотмыжск, Вольный, Костенек (ил. 55-57), Ольшанск, Усмань. В последующие годы, вплоть до 1653 года, осуществляются строительные мероприятия по заполнению пробелов между отдельными звеньями защитной линии и формируется русское войско в пределах всей Черты. С этого времени набеги татар отражаются уже непосредственно у созданной защитной линии укреплений, в которой кроме названных появились новые крепости: Карпов, Орлов, Коротояк, Болховец, Новый Оскол, Верхососенск. Добрый, Сокольск, Урыв и Острогжск. Примерно к 1658 году были окончательно определены границы и контуры защитной Черты, официально получившей название Белгородской⁴¹.

Следует отметить, что сооружение Черты происходило в условиях непрекращавшихся татарских набегов и завершение ее стало не только крупным оборонительным мероприятием общегосударственного масштаба и значения, но и настоящим подвигом русского народа.

Многочисленные письменные документы, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют об истории строительства Черты и дают описания отдельных ее фрагментов, крепостей разных типов и их конструктивного устройства. Среди большого разнообразия источников для нас немалый интерес представляют описи городов и другие документы, относящиеся непосредственно к строительству укреплений. В сохранившейся, например, «Описи городов», составленной в 1678 году, есть описания городов-крепостей Белгородской черты, «каков которой город, и каким строением устроен, и что в тех городах городовых каменных и острожных и деревянных и земляных и иных всяких крепостей»⁴².

Всего в Белгородскую черту вошли двадцать пять опорных крепостей, из них пять имели рубленые стены, восемнадцать - острожные и только две - земляные.

Таким образом, самым распространенным в Черте стало укрепление в виде острога. Кроме этих двадцати пяти крепостей между ними через определенные интервалы были поставлены около двухсот небольших стоялых острожков и земляных городков, в которых несли дозорную службу сменные караулы. В общей сложности Белгородская черта протянулась на восемьсот километров.

59. План-смета города Троицка. XVIII в.

Что же собой представляли укрепления этого грандиозного оборонительного сооружения? Как уже отмечалось выше, строительство Черты началось с основания осенью 1635 года города Козлова, который затем несколько раз перестраивался. Согласно данным «Описи городов», в 1677-1678 годах крепость имела длину острожных стен в 584

сажени и пятнадцать башен, три из которых были проездными, причем две башни имели в плане восьмиугольную форму и были самыми высокими - они достигали в высоту 20 и 22 сажени. Крепость была почти квадратной формы. Острожные стены с обламами и кровлей поднимались в высоту на 6,5 м. Одной своей стеной крепость примыкала к реке, а вдоль остальных был выкопан ров.

Некоторое представление об этой крепости дает план, выполненный в начале XVIII века (ил. 55). Правда, на нем видны две дополнительные стены (с западной и северной стороны), сделанные на рубеже XVII-XVIII веков. После завершения строительства Козлова началось сооружение земляного вала, линий рогаток и надолбов, острожков и земляных городков с башнями. Общая длина Козловской линии укреплений составила около девяноста километров. Особенность этого участка Белгородской черты заключалась в том, что на всем его протяжении были сосредоточены преимущественно искусственные сооружения, в которых несли сторожевую службу сменные караулы⁴³, расставленные с интервалом в 1,5-2 км по всей Козловской линии.

Примером такого же комплекса укреплений может быть город Усмань, заложенный 1 июня 1645 года. Его городовая стена высотой в 2,5 сажени (тыновая, с обламами) имела в периметре 288 сажени. В стенах были равномерно расставлены две проездные и шесть глухих башен. Вокруг города проходил глубокий ров шириной в четыре сажени. Края рва были укреплены обрубом, а «во рву частик дубовой в колоды бит в три ряда»⁴⁴.

Судя по описи 1678 года, около города и посада были устроены «усманских всяких крепостей по мере вала и рву и надолб и рубленых Тарасов и засек и заповедных лесов 18 верст 245 сажени, и по тем по всем крепостям построено 13 городков»⁴⁵, огражденных дубовыми стенами с обламами, катками и кроватями. Кроме того были еще четырнадцать земляных городков, из них восемь - с проезжими воротами и шесть глухих. Во всех городках для размещения караулов имелись башни, срубленные из сосновых бревен и с караульными вышками наверху. В городках несли службу казаки группами по десять человек, сменяясь еженедельно.

О башнях Усмани также можно судить по архивным источникам. Они были примерно одинаковых размеров (в плане 4x4 сажени). Основной сруб поднимался в высоту на сорок венцов из бревен толщиной 23-25 см, над ним нависал облам, состоящий из пяти венцов. Внутри башен были устроены по два моста с лестницами, а наверху - шатер, завершенный смотровой вышкой⁴⁶. Таким образом, башни достигали в высоту пятнадцати-двадцати метров. Такая высота была не предельной. В Козлове одна из башен поднималась на высоту более сорока шести метров.

Высокие башни в южнорусских крепостях обеспечивали дозорную службу, с их смотровых вышек можно было наблюдать большие участки, простиравшиеся на десятки километров. Наверху башен были устроены специальные приспособления для сигнализации. Подобные приспособления были и в Засечной черте, где на деревьях закреплялись кузова со смолой и берестой, а к этим деревьям приставлялись лестницы. При приближении опасности смолу зажигали, «чтоб было видеть с дерева от караула до караула»⁴⁷. С деревьев велось и наблюдение, но, надо полагать, наблюдение с башен было более распространенным и удобным.

60. План крепости Нижнего Ломова. XVIII в.

61. План неизвестной крепости на Оке. Чертеж начала XVIII в.

При всей однотипности разнообразных укреплений на отдельных участках Белгородской черты можно все-таки обнаружить особенности конструктивного устройства, присущие конкретным крепостям. Вот, например, город Ольшанск, поставленный острогом из дубового леса, с шестью башнями, две из которых были проездными. Периметр стен этой небольшой крепости составлял 147,5 сажени. С трех

сторон крепость обрамлял ров. Как и все крепости Белгородской черты, Ольшанск был в постоянной готовности «для осадного времени». По всему городу на стенах были заготовлены колья и камни, а на обламах положены катки. В обе стороны от Ольшанска протянулся вал с системой надолбов, на валу стояли проездные и глухие башни для несения караульной службы. От вала до реки Ольшана был устроен плетень в несколько рядов, засыпанный землей, а рядом с ним - надолбы в две линии. Около всех бродов через речку были поставлены острожки, защищенные рядами надолбов.

В отличие от Ольшанска город Усерд имел рубленые стены и по площади был в два раза больше. В его стенах стояли три проездные и шесть глухих башен. Кроме рва вокруг города был сделан частик в четыре ряда. Система укреплений Усерда хорошо видна на его плане, составленном в 1729 году (ил. 57). Поставленный на месте старого городища в 1637 году, Усерд просуществовал до конца XVIII века. Все подходы к городу с юга были основательно защищены системой рвов, валов, надолбов и засек. Валы и ряды надолбов соединялись с заповедными лесами.

Примечательно, что строительство Белгородской оборонительной черты имело планомерный характер. Перед началом строительства была обследована вся местность, где должна была пройти Черта, а для всех крепостей составлялись подробные сметы и чертежи. К сожалению, почти все чертежи XVII века уже давно и безвозвратно утрачены, поэтому некоторое представление об их характере мы можем получить по чертежам, относящимся к началу XVIII века.

Несколько лет назад в одном из московских архивов автору удалось обнаружить интереснейший чертеж - план-смету города Троицка (ил. 59). Чертеж состоит из двух частей: сверху изображен план крепости, на котором показаны размеры и конструктивное устройство стен, башен, расположение канцелярии, тюремной избы, сторожки, воеводских хором и съезжей избы; в нижней части чертежа в таблицу сведен сортимент бревен, необходимых для сооружения различных построек, их количество, цена и полная стоимость заготовки. Так, по-видимому, и выглядели сметы на строительство крепостей и в XVII веке. План крепости и смета прекрасно дополняют друг друга, расширяя наши представления о крепостном зодчестве.

Характеристика Белгородской черты была бы неполной, если бы мы не остановили свое внимание на Белгородской крепости, игравшей в борьбе с татарами роль одного из главных форпостов. Возникший еще до начала строительства Черты Белгород затем органично вошел в ее систему и дал ей название.

Заложенный в 1593 году, Белгород представлял собой самостоятельное, небольшое по размерам укрепление со срубными стенами и валами вокруг них. Однако сколько-нибудь подробных сведений о первой Белгородской крепости не сохранилось. Гораздо больше их о крепости, построенной в 1650-1651 годах, но уже на новом месте. О характере этого укрепления, включенного в систему Черты, свидетельствует и сохранившийся от 1693 года чертеж, составленный после очередной «починки» города (ил. 58). Уникальность чертежа в том, что он относится к XVII веку и, кроме того, довольно подробно показывает характер всех укреплений Белгорода.

Здесь мы наглядно видим, что собой представляли, например, отводные городки, упоминаемые при описании и многих других крепостей, видим их взаимосвязь с башнями, крепостными стенами, валом и рвом. Сохранившийся чертеж - это только лишь часть большого укрепления, представление о котором дают сохранившиеся росписные списки и описи Белгорода разных лет. Так, из описи 1676 года видно, что Белгородская крепость состояла из двух частей: деревянной, поставленной «стоячим острогом дубовым», и «земляного нового большого города». В деревянном городе ограждение было поставлено на валу, а «на остроге обламы и катки». Высота стен составляла до обломов две сажени. Обламы представляли собой небольшой бруствер высотой в три венца. В стенах были поставлены четыре проезжих и семь глухих башен, имеющих в плане четырехугольную

форму. Вокруг города был выкопан ров глубиной в три сажени. Периметр стен вместе с башнями составлял 658 саженей. У всех проездных башен были устроены отводные городки и караульные избы. По всему периметру стен и отводных городков в деревянном городе было «учинено верхних и земляных пушечных 130 боев»⁴⁸. Кроме того, в одиннадцати башнях было сделано две тысячи двести шестьдесят пять бойниц для ружейной стрельбы.

Земляной большой город с восточной стороны имел общую стену с деревянным городом и мало отличался от первого, так как и здесь по земляному валу, «ослоненному дубовым лесом», были поставлены острожные стены высотой в две сажени. Там, где город проходил по болотистой местности, стены были рублены тарасами. В стенах земляного города стояли три проезжие и пять глухих башен. Периметр стен этого города составлял 1880 саженей. Вокруг стен также проходил ров, имеющий в ширину и в глубину от двух до трех саженей.

Анализ описи и сопоставление ее с сохранившимся чертежом дает основание предположить, что на чертеже показан «деревянный малый город» Белгорода, или, как отмечено в названии самого чертежа, Белгород Меньшой. Правда, ко времени составления чертежа в этом городе осталось всего три башни, да и те претерпели некоторые изменения в результате перестроек 1691-1693 годов, зато вместо четырех отводных городков (по росписи 1676 г.) на чертеже показано восемь. Одна из башен. Московская, теперь имела шестиугольную в плане форму и была «рублена в две стены в дубовом лесу»⁴⁹.

Таким образом, сохранившиеся документы по истории зодчества Белгорода и других крепостей Черты показывают уровень развития военно-инженерного строительства в Русском государстве XVII века, а также те пути, по которым шло это развитие. В целом оборонное зодчество на южных границах мало чем отличалось от строительства крепостей на северо-западе Руси. Традиции и преемственность и в XVII веке оставались характерными чертами архитектуры деревянных русских крепостей.

При общем сходстве композиционных и конструктивных приемов деревоземляные укрепления Засечной и Белгородской черты, расположенные на равнинной местности, в отличие от городов-крепостей, для которых места выбирались чаще всего на мысах у слияния рек, имели геометрически правильные конфигурации планов (ил. 60, 61) и самым тесным образом были связаны с протяженными валами и засеками. Именно эти особенности отличают южнорусские крепости от северных и сибирских.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КРЕПОСТИ СИБИРИ

Сведения о новых землях за Камнем (Уралом) первыми принесли новгородцы еще в XI веке. Позднее пушные промыслы, открытые в северной части центральной Сибири русскими поморами, возбудили активный интерес к ним заграничных рынков и всколыхнули тем самым русских промышленников. Летописные источники донесли до нас сведения о походах русских за Камень в XIV-XV веках. Самым значительным из них был поход под предводительством Семена Курбского в 1499 году, из которого Курбский привез весной Ивану III звание «князя Югорского, Обдорского и Кондийского».

Добровольное подчинение югорских князей Семену Курбскому окончательно подтвердило права Ивана III на владение Югрой. Во время похода Курбским был заложен

Пустозерский острог, а на месте остяцких городков поставлены небольшие острожки для защиты хантов и манси от нападения воинственных самоедов (ненцев) и сбора в них ясака с окрестных поселений аборигенов.

62. Вид города Селенгинска. Гравюра М. И. Махаева. XVIII в.

На всем пути продвижения в Сибирь русские основывали торговые становища, в которых шла оживленная торговля (ил. 63). Особенно бурную деятельность в Сибири развивали Строгановы, неоднократно получавшие государевы жалованные грамоты на владение новыми землями. И во второй половине XVI века они стремятся первыми обосноваться в сибирской стороне, за Югорским камнем и далее - на реках Тоболе, Иртыше и Оби. Для защиты своих владений они строили многочисленные остроги и укрепленные городки.

63 Принос ясака в Тюмень. Рисунок из Кунгурской летописи. XVII в.

Царское правительство не могло мириться с бесконтрольным вывозом пушнины из сибирской «государевой вотчины». И уже в конце XVI века на основных водных путях, которые вели в Сибирь, возникают первые города: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов и Пелым (1593), Тара и Сургут (1594), Верхотурье (1598), Туринск и Мангазея (1601).

Располагаясь на пересечении водных магистралей, первые сибирские города выполняли роль опорных пунктов. К середине XVII века весь северо-восток Сибири, вся обширная территория в бассейнах трех великих рек - Оби, Енисея и Лены - находилась в руках русских. В это время в Восточной Сибири уже имелось несколько десятков укрепленных городов-крепостей. Так постепенно русские пришли и на земли, лежащие к востоку от озера Байкал, а затем и на побережье Тихого океана, где уже в 1639 году побывали казаки Ивана Москвитина, узнавшие там от аборигенов о неизвестной и богатой реке Мамур (Амур). Рассказы о сказочных землях не остались без внимания, и из Якутска в 1643 году на Амур отправился отряд Василия Пояркова, который хотя и потерял в походе треть отряда, но подтвердил сведения о богатствах земель вдоль берегов Амура. И уже через три года после его возвращения туда с сотней казаков «сплыл» в 1649 году в свой беспрецедентный поход Ерофей Хабаров.

Во второй половине XVII века положение русских на Амуре было достаточно прочным. Вместе с казаками-землепроходцами сюда пришли земледельцы-крестьяне, и берега огромной реки стали оживленными. Повсюду появляются зимовья и остроги, селения и слободы. Среди них - Албазин и Ачанский городок, Кумарский и Косогорский остроги. Разведав приамурские берега, русские не оставили без внимания и земли крайнего северо-востока Азии.

В результате походов Семена Дежнева и других первопроходцев к Русскому государству были присоединены обширные территории берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов.

64 Ситуационные планы-схемы размещения сибирских крепостей

Примерно к началу XVIII века в Восточной Сибири и на побережье Тихого океана сложилось значительное число самых различных типов укрепленных поселений (острог, слобода, зимовье). Все они были активно включены в процесс образования городов, выполняя на первых порах функции военно-административных центров. Здесь собирали ясак, здесь же и защищали обьясаченных аборигенов от нападений врагов. Но постепенно такие укрепления превращались из военно-административных в торгово-промышленные центры, которые становились прообразом будущих городов. О характере их дают представление дошедшие до нас многочисленные планы отдельных острогов и городов, а также описания землепроходцев, мореходов и правителей административных центров.

Около второй трети XVIII века сибирские крепости постепенно начинают превращаться в чисто инженерные сооружения. География их распространения переместилась к южным границам, где повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы. От Тобола, например, была образована пограничная линия укреплений, протянувшаяся к северо-востоку на тысячу верст до самого Иртыша. Чуть позднее, в 1740-х годах, была создана Ишимская линия, в 1752 году началось строительство новой укрепленной системы -Новоишимской, а на Алтае - Кольванской линии.

65 Типы сибирских зимовий. Планы. Реконструкция

Деятельность государства, связанная с заселением земель вдоль южных границ Сибири и созданием там целой системы укреплений, обеспечивала осуществление новых экономических и военных преобразований в эпоху Петра I. Принципиально изменяется не только планировка крепостей, но и их составные элементы. Исчезают башни и деревянные стены, зато широкое распространение получают земляные, валы, бастионы, невысокие стены в виде заплотов, рогатки и надолбы. Планировка становится, как правило, регулярной и часто симметричной, повсеместно применяются типовые проекты не только крупных крепостей, но также редутов и маяков. Такое изменение плана крепости и ее конструктивного устройства было связано прежде всего с изменением методов обороны и совершенствованием способов ведения военных действий с применением различного по мощности огнестрельного оружия. Все эти новшества привели к тому, что прежние крепости вскоре потеряли практическое значение. В дальнейшем модернизация крепостей происходила по линии военно-технических и инженерных наук.

66-68 Типы острожков: Ачинский, Удинский, Чечуйский. Из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в. Прорись

69 Типы сибирских острогов. Планы. Схема

Как и в Центральной России города, расположенные в непосредственной близости от Москвы, с расширением ее границ утратили значение крепостей, так и в Сибири по мере продвижения русских к востоку города, оказавшиеся «в тылу», также постепенно утратили военно-оборонительные функции, превратившись в торгово-промышленные центры. Крепости, расположенные в пределах пограничных линий, подвергаются усовершенствованиям и перепланировке. Так, например, сохранились проекты новых крепостей для Нерчинска, Селенгинска, Удинска и других городов.

Новые крепости, завершая эволюцию крепостного зодчества Руси, занимают значительное место в инженерно-строительном деле и градостроительной практике Сибири. Как правило, крепости Сибирской, Уральской и Оренбургской линий строились по новым системам, разработанным «на голландский манер» или по методу фортификационного искусства французского инженера Вобана.

70-72 Типы крупных сибирских острогов и городов: Епанчин, Пелым, Красноярск. Из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

Следует отдать должное русским градостроителям - они не копировали заимствованные приемы, а вносили в них соответствующие коррективы. Схемы разрабатывались применительно к конкретным участкам, с учетом стратегических и других требований. Предпочтение отдавалось земляным и дерево-земляным укреплениям, в отличие от каменных в Европе. Особенности устройства тех и других принципиального отличия не имели, зато земляные и деревоземляные крепости более эффективно противостояли артиллерии.

Многочисленные крепости, форпосты, маяки, башни и рavelины, объединенные сложной взаимосвязанной системой в протяженные линии, должны были защитить новые рубежи Российской империи. В них воплощались рационалистические искания принципов «регулярства» русского градостроения, отвечающие новым задачам.

73-75 Система укреплений сибирских городов на планах XVIII в.: Енисейск, Селенгинск, Удинск

При этом необходимо отметить, что, несмотря на суровые условия Сибири, непроходимую тайгу, большое количество рек и болот, отсутствие развитой сети сухопутных дорог и удаленность от центра, на ее огромных пространствах героическими усилиями казаков-землепроходцев за сравнительно короткий срок было построено много городов-крепостей, которые не только защищали границы Руси, но и становились очагами новой жизни. Вместе с появлением новых композиционных приемов в архитектуре сибирских крепостей воплощались также традиции и принципы древнерусского зодчества.

Неблагоприятные климатические условия не позволяли производить большие земляные работы, поэтому для крепостей выбирались наиболее защищенные и удобные места. Древняя русская традиция, связанная с максимальным использованием рельефа местности для усиления неприступности крепостей, размещаемых на излучинах рек, высоких гривах, мысах и островах, в Сибири воплощалась повсеместно (ил. 64), хотя в центральных районах Русского государства во второй половине XVII века этому фактору уже придавалось не столь важное значение.

Такую особенность расположения крепостей в Сибири необходимо связывать также с характером местного ландшафта, с многими реками и их многочисленными притоками. Не случайно в XVIII веке известный историк Г. Ф. Миллер отметил в Сибири массу, как он писал, «следов старинных городков, созданных, по-видимому, природой, без всякого участия в этом людей»⁵⁰. Именно такие мыски подразумевал ученый под городками. Как укрепления они были словно созданы самой природой. На этих местах и ставили русские в большинстве случаев свои первые крепости. В этом следует видеть не столько местную, сибирскую особенность, сколько обращение к древней русской традиции. В то же время данный прием позволял значительно ускорить строительство оборонительных сооружений в условиях сурового сибирского климата.

76 Вид города Томска. Гравюра М. И. Махаева. XVIII в.

К сожалению, от укреплений самого раннего периода освоения Сибири не сохранилось ни графических, ни вещественных доказательств, и об их конструктивном устройстве можно судить лишь по скудным сведениям, сохранившимся в исторических документах.

Наряду с традиционными для Руси деревянными крепостями в специфических условиях Сибири был разработан тип небольшого укрепленного пункта -зимовья, компактного комплекса разных по назначению построек. Этот тип небольшой крепости был наиболее характерным для начального этапа освоения Сибири, но он же продолжал существовать и на всем протяжении XVII века, вплоть до начала XVIII века, когда уже основными типами оборонительных сооружений стали остроги и рубленые города-крепости (ил. 65).

Первые крепостные сооружения Сибири отличались суровостью облика, аскетичностью, отсутствием декоративных элементов. Своеобразие архитектурно-художественного облика и конструктивного устройства их было прежде всего связано с социально-экономическими и климатическими условиями. Но уже в середине и во второй половине XVII века достигли архитектурного совершенства такие города-крепости, как Тюмень, Томск, Тобольск, Енисейск, Новая Мангазея, Якутск и Иркутск. Типология

крепостей в этот период остается прежней, в систему оборонительных сооружений включаются земляные валы, рогатки, «чеснок» и надолбы, особенно в пограничных районах. Конфигурация крепостей становится геометрически правильной. Основной тип крепости этого периода - четырехугольная крепость с глухими башнями по углам и одной, проезжей, в середине стены, обращенной к дороге. Очертания их уже не следуют контурам рельефа местности, но выбору места для них по-прежнему уделяется достаточно серьезное внимание. Строительство осуществляется строго по «наказам и памяткам», в которых самым подробным образом расписаны все этапы хода строительства, начиная от выбора места, заготовки леса и кончая возведением крепости и построек внутри нее. Подобные указы сохранились с конца XVI века, в них нашли отражение существующие на Руси приемы организации крепостного строительства, уходящие корнями в глубокую древность.

77. 78 Система укреплений сибирских городов Омска и Томска на планах XVIII в.

Как правило, выбору места предшествовал опрос промысловиков, знакомых с местностью, на которой предстояло возвести крепость. Так, например, в наказе Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину предписывалось «розсмотреть и розведать места и зырян торговых людей распросить про место накрепко, чтоб розыскать места лутчево, которое бы место было угодно, накрепко, и водяно, и лесно, и впредь бы в том месте острогу и городу стоять было мочно, и пустозерцы бы и всякие торговые люди в Мангазею и в Енисею с товары мимо того острогу не обходили никоторыми дорогами и никоторыми делы»⁵¹. Причем, прежде чем начинать строительство, необходимо было составить смету требуемых затрат и «городовые места, и город и острог на чертеж начертить, и всякие крепости выписать, где станет город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о всем было известно»⁵².

79, 80 Виды городов Енисейска и Тюмени. Гравюры М. И. Махаева. XVIII в.

Великолепной иллюстрацией всего процесса организации строительства деревянной крепости является сохранившийся наказ тобольских воевод Андрею Дубенскому, отправленному «для строения» Красноярского острога. Наказ был составлен на основе царского указа, повелевавшего «ему Андрею с теми служилыми людьми... на Красном Яру на Енисее острог поставить, и рвы покопать, и надолбы поделать и всякими крепостями укрепить»⁵³. Постройкой острога преследовалась цель «новых землиц людей под царскую высокую руку приводить... и ясак с тех землиц имати... и пашни завести»⁵⁴.

- Во время похода предписывалось ехать с осторожностью и «посылать от себя в лехких судах покрылек и наперед себя в подъездах для всяких вестей и велеть проводывать про воинских людей подлинно. А самому Андрею со всеми служилыми людьми итти бережно и осторожно, чтоб на них тамошних землиц воинские люди безвестно не пришли и дурна никакова не учинили»⁵⁵. С самого начала работ соблюдались все меры предосторожности. Вначале был поставлен наскоро «городок дощаный», а вокруг него сооружены надолбы из березового леса, который «носили на себе к острожному месту с версту и больши». Обезопасив себя на случай неожиданных нападений, служилые люди занялись заготовкой леса для крепости. Рядом не было подходящего строительного материала, и сто шестьдесят человек под руководством атамана Ивана Кольцова отправились вверх по Енисею «для башенного и хоромного лесу... наехали бор и добывали лес на острог и на башни и на съезжую избу и иную всякую поделку, и добывали тот лес две недели, а лес волочили с бору до Енисея реки за версту и далее на себе и припровалили лесу 1200 слег больших и из березового лесу и соснового... острог поставили, около острогу рвы накопили»⁵⁶. Башни, острожные стены и казенные строения были срублены очень быстро. Но на это был израсходован весь заготовленный лес, а предстояло поставить еще зимовья и избы для служилых. И тогда

новый отряд в сто восемьдесят человек под руководством Ермака Евстафьева отправляется на заготовку нужного леса. В «трех днищах» пути вверх по Енисею найден был бор, «и припровадили соснового лесу 1800 дерев больших... и зимовье себе поставили на десяток по избенку»⁵⁷.

Несмотря на то, что рядом не было подходящего леса и заготовка его была сопряжена с трудностями, основатели Красноярского острога все-таки отдали предпочтение выбранному месту, так как географическое его положение было наиболее выгодным в сравнении с другими пунктами.

Еще более удобное место занимал Удинский острог, превратившийся во второй половине XVII века благодаря своему выгодному положению в крупный административный и торговый центр Забайкалья. Пятибашенный острог располагался на высоком холме, у обрывистого берега быстрой речки Уды. Единственная судоходная река Селенга связывала Забайкалье с Восточной Сибирью, поэтому острог занимал чрезвычайно выгодное место. Сохранившиеся «распросные речи» очень наглядно описывают преимущества местоположения Удинского острога: «За тем же Удинским острогом жить служилым и ясачным людям и пашенным крестьяном от приходу воинских людей впредь будет сберегательно, потому что де тот острог стоит в большой крепости, меж Селенгою и Удою реками, в боровом лесном месте, и степи де подле Селенгу реку к Удинскому острогу подошли узкие, и пашенные крестьяне поселены и ясачные иноземцы живут от Удинского острогу в ближних местах, и ныне и впредь от приходу воинских людей служилым людям и пашенным крестьяном и ясачным иноземцам жить около того Удинского острогу и деревням строитца будет безстрашно»⁵⁸.

При всей схожести наказов, предписывающих организацию ведения работ по строительству крепостей, в каждом конкретном случае учитывались географические и климатические особенности того района, в который направлялся отряд, но всегда результатом этих работ было появление новой крепости, срубленной согласно предписанию в «наказной памяти».

Уже к середине XVII века русскими был накоплен колоссальный опыт крепостного строительства в сложнейших условиях Сибири. Здесь, на огромном строительном полигоне, были усовершенствованы многие композиционные и архитектурно-конструктивные приемы деревянного зодчества, а геометрически правильные планы крепостей развивали традиции регулярных крепостей, впервые появившихся на Руси в XV веке.

Наиболее распространенным типом крепости в Сибири были остроги. Летописные источники начиная с середины XII и до XVI века подразумевают под острогом не самостоятельную крепость, а только часть города. Такое же значение слова «острог» сохраняется и в XVII веке. Не была исключением и Сибирь. Наказы воеводам, посылаемым в Сибирь для постройки городов, рекомендуют на выбранном месте «сперва острог занять и поставить», а уж потом «на город всеми людьми, всею ратью, лесу припасти... чтобы вскоре город сделать, а сперва поставить острог»⁵⁹. В данном случае термин «острог» означал, по-видимому, только конструкцию ограда.

О существовании классификации крепостей свидетельствует тот факт, что по мере развития некоторые укрепленные пункты назывались последовательно зимовьем, острогом и, наконец, городом (Мангазея, Березов, Туруханск, Илимск). Иными словами, термины эти означали типы самостоятельных крепостей. Острог в таком значении появляется уже со второй половины XVI века, а сам термин становится более многозначным. Под ним подразумевается не только часть укрепленного города (его посад), но и ограда (тыновая стена) и, наконец, тип небольшой крепости, независимо от способа конструктивного устройства стен и количества башен.

Огромные пространства Сибири, суровый климат и стремительные темпы продвижения русских дальше, на восток - все это, вместе взятое, обусловило появление

значительного количества небольших крепостей, необходимых для закрепления присоединенных земель и налаживания в них административно-хозяйственной деятельности. Устраивая остроги, администрация стремилась обезопасить от внезапных нападений не только главную зону крепости, средоточие военно-административной власти, но и всю ее жилую часть. А поскольку часто на первых порах в состав населения входили только служилые люди, то вполне естественным было появление одночастной крепости, без деления ее на собственно кремль и посад. Широкое распространение на раннем этапе освоения Сибири таких оборонительных сооружений и отсутствие в ряде случаев четкого членения плана на внутреннюю и внешнюю части позволяет отнести все вышесказанное к особенностям планировочных композиций сибирских деревянных крепостей.

Самым простейшим типом острога в Сибири было зимовье, огражденное тыновой стеной. Примером такого укрепления являлся острожек, поставленный албазинскими казаками на устье Долонца. Небольших размеров, практически состоящий из одной избы и ограждения, он и назывался острогом чисто условно, скорее в силу традиции. Несколько таких же острожков было поставлено и в Нерчинском уезде в конце XVII века. К примеру, пограничный Аргунский острог был «деревянной, стоячий, мерою... в длину 6 сажен с полусаженью, поперег 4 сажени с аршином, в высоту две сажени, в стене две избы»⁶⁰. Чуть крупнее был Теленбинский острог, у которого «мерою кругом 33 сажени, башня с проезжими вороты, в стене две избы, в которых сидят аманаты»⁶¹.

Данный тип острожка представлял собой разновидность укрепленного пункта, поставленного в отдаленных местах для сбора ясака. В принципе он мало чем отличался от зимовья. Более того, избы, подобные зимовьям, являлись неотъемлемым элементом его планировочной структуры (ил. 66-68).

На раннем этапе заселения Сибири малые крепости имели произвольную форму плана, целиком подчиненную рельефу местности, затем эта форма постепенно приобретает геометрически правильные очертания. Часто форма острога зависела от расположения в нем изб, амбаров и других построек. Обычно они включались в контуры стен острога, либо выступали наружу, либо были вставлены заподлицо со стеной. Такая постановка диктовалась требованиями сокращения трудоемкой работы по возведению острожных стен, а также необходимостью компактной планировки. Иногда размещение некоторых построек в стенах было обязательным, как, например, аманатской избы. Это делалось для того, чтобы при необходимости можно было показать заложников родственникам, которые приходили платить ясак, в то же время не допуская их в пределы острога. С этой целью в стене аманатской, выходящей наружу, обязательно устраивалось небольшое оконце, которое одновременно служило для переговоров с «ясачными людьми». Любопытно, что кормление аманатов было предметом заботы их сородичей, поэтому специальный амбар «для аманатского корму» почти всегда располагался за пределами острога. Возможно, такое размещение амбара было вызвано отсутствием свободного места в небольшом острожке. Известны случаи, когда такие же амбары в крупных острогах и городах находились рядом с аманатской избой или даже совмещались с ней.

Размеры и набор элементов первых острожков были настолько небольшими, что практически различий между планировочными композициями укрепленных зимовий и острожков не существовало. Усложнение планировочной структуры острога происходило наряду с увеличением его размеров и изменением количества построек в нем. Нельзя не отметить также, что появление в Сибири небольшого укрепленного пункта было жизненной необходимостью. Но вместе с тем очевидной была и слабость этих укрепленных пунктов, поэтому не случайно царские указы рекомендовали остроги простейшей конструкции укреплять «накрепко всеми крепостями», чтобы можно было оставлять в них для службы «безстрашно и без боязни ково пригож». Кроме того, здесь следовало держать «караул беспрестанно днем и ночью крепкой»⁶².

Появление башен в острогах следует связывать прежде всего с увеличением размеров острогов. Иногда небольшие башенки устраивались над избами и амбарами, а затем они появились и в стенах. В зависимости от значимости и размеров острога в нем могло быть разное число башен - от одной до пяти и более. В свою очередь количество башен в определенной мере влияло и на размеры самого острога. Иногда более крупные остроги появлялись и как следствие естественного развития мелких укреплений (зимовий и острожков). В основном это касалось тех укрепленных пунктов, которые были поставлены в наиболее ответственных местах - в центрах ясачных волостей или на пересечениях водных магистралей (ил. 69-72). В делах Приказов сохранилось несколько чертежей от XVII века, представляющих несомненный интерес и характеризующих уровень градостроительного искусства Руси. Например, среди документов, находящихся в архиве Академии наук СССР в городе Ленинграде, есть ряд чертежей, относящихся к истории сибирских крепостей XVII века (ил. 73-75, 77, 78). Это планы городов Иркутска, Нерчинска, Селенгинска, Удинска, Илимска, Мангазеи, Енисейска, Красноярска и других. Большинство этих планов составлялось уже после завершения строительства городов, и характеризуют они один из этапов строительства, об окончании которого воеводы обычно сообщали высшему начальству отпиской, к которой прилагался чертеж и образец (макет). Так, в 1684 году Иван Поршенников докладывал енисейскому воеводе об окончании им Селенгинского рубленого города. В отписке перечислялись размеры города, стен, церквей и башен, а в конце было приписано: «... тому новому городу и церквем и башням написан чертеж и тот чертеж послан в Енисейск»⁶³.

Очевидно, на первом этапе, перед началом строительства, существовали какие-то более схематичные чертежи или эскизы. Подсчет бревен различного сортамента мог быть точным только при наличии чертежа будущей крепости. Определяя количество строительных материалов и перечень элементов крепости, строители великолепно представляли себе конечный результат - архитектурный облик города (ил. 76, 79, 80). Подсчет велся не только бревнам, но и плахам, гвоздям. В качестве примера можно привести данные по Якутску. Для строительства нового города, согласно подсчетам, потребовалось 13100 бревен, 6260 плах, 17 плотов сосновых, 5 барок, 26723 гвоздя да еще 11841 бревно для острожных стен. Перед завершением строительства был произведен подсчет железному материалу на окончательную отделку башен и церквей. Для устройства кровли на стенах и башнях необходимо было изготовить 2082 нащельника и 4909 гвоздей⁶⁴.

Подобные документы ценны и самим фактом точного подсчета материалов и перечнем в них элементов крепости. Эти документы опровергают также бытовавшее до некоторых пор мнение о том, что деревянные постройки русских производились «без единого гвоздя».

Одной из характерных особенностей крепостного строительства в Сибири следует назвать этапность развития крепости, начиная от небольшого укрепленного зимовья и кончая рубленным городом. Такая эволюция характерна для многих сибирских городов-крепостей. Следует отметить также, что путь развития от зимовья до города прошли именно те укрепления, которые были расположены в наиболее выгодных и удобных местах, благоприятных в экономическом, транспортном и административно-хозяйственном отношении.

Планировочные композиции сибирских крепостей не отличались большим разнообразием. Простые, компактные планы, типовые формы, композиционные и конструктивные приемы - все это характерно для большинства городов-крепостей. Всем им присуща и еще одна особенность - это активное включение различных построек (амбары, избы, колокольни и церкви) в систему оборонительных стен.

Более свободным, или живописным, было расположение построек внутри крепости, и в первую очередь культовых сооружений. Для древнерусских городов традиционным было размещение церквей в середине крепости. Правда, храмы и там не являлись

композиционным центром планировки. Располагаясь чуть в стороне от центра и под углом, но всегда обращенные алтарной частью на восток, по мере движения от входа в крепость они воспринимались более объемно и монументально. В большинстве же сибирских деревянных крепостей церкви смещаются вплотную к стенам или встраиваются в них. Подтверждением этого служит большинство чертежей из книги С. У. Ремезова и сохранившиеся планы некоторых городов XVII века, где центры крепостей показаны свободными, а вся застройка теснится ближе к стенам и следует их контуру. Особенно отчетливо это видно в крепостях с проездными башнями, расположенными в противоположных стенах. Здесь образуются своеобразные проходные площади. В качестве примера можно привести план Илимска 1702 года (ил. 126).

История возникновения и развития городов Сибири красноречиво свидетельствует о преемственности традиций деревянного зодчества Древней Руси. Вместе с тем в новых условиях, на новых землях отчетливо прослеживаются и некоторые особенности сибирского деревянного зодчества, обусловленные климатом и географией местности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОЧЕРКИ НЕКОТОРЫХ КРЕПОСТЕЙ

- **Олонецкая крепость. XVII век**
- **Ляпинский острог. XVII век**
- **Мангазея. XVII век**
- **Новая Мангазея (Туруханск). XVII век**
- **Илимский острог. XVII век**
- **Братский острог. XVII век**
- **Иркутск. XVII век**
- **Юильский (Казымский) острог. XVIII век**
- **Бельский острог. XVII век**
- **Нерчинск. XVII век**
- **Якутская крепость. XVII век**
- **Крепостные сооружения в Якутии. XVII-XIX века**

Рассмотренные некоторые аспекты исторического развития деревянных русских крепостей основаны на различных источниках. В силу объективных причин среди них меньше всего самых ценных материалов - остатков самих оборонных сооружений, которые сохранились в основном на территории Сибири. Именно по этой причине историками архитектуры и художниками часто предпринимаются попытки изобразить в графических реконструкциях архитектуру древнерусских деревянных крепостей.

При выполнении графического воссоздания архитектурного облика городов важное значение имеют самые разные документы. Выше уже отмечалось, что главными среди них являются вещественные остатки самих крепостей. Наряду с ними дополнительные сведения об архитектуре крепостных сооружений можно получить по графическим изображениям острогов и городов (панорамы, планы и т. д.), росписным спискам и археологическим исследованиям, проведенным на местах оборонительных укреплений.

Графические чертежи и рисунки при всей условности и схематичности изображения выявляют тип крепости, характер ее планировочной структуры и объемно-пространственной композиции со всеми зданиями и сооружениями, находившимися непосредственно в крепости и за ее пределами. Росписные списки дают описание размеров самих крепостей и их отдельных элементов (башни, стены и т. д.). Эти документы помогают увидеть не только конструктивные особенности основных элементов крепости, но и показывают их размеры, вплоть до толщины и количества бревен, из которых срублены башни, стены и многое другое. Археологические исследования углубляют и уточняют сведения архивных источников, конкретизируют размеры и формы отдельных сооружений, выявляют их взаимную соподчиненность и тем самым вносят еще большую определенность в материалы первых двух источников.

На основании данных, почерпнутых из перечисленных источников, как правило, вырисовывается планировка крепостей, проливается свет на поэтапное их развитие и в определенной мере открывается возможность установления вертикальных измерений структуры оборонительных сооружений. Часто, однако, для более или менее достоверного воссоздания облика крепостей этих данных бывает недостаточно. Для того чтобы воспроизвести деревянную крепость XVII века в традиционных архитектурно-конструктивных формах своего времени, надо быть знакомым с самими этими формами. Следовательно, схему крепости, которая вырисовывается на основании вспомогательных источников, необходимо дополнить данными из четвертого источника. Им является знание русского деревянного зодчества. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы схему крепости попытаться материализовать (или воплотить) в традиционных формах русского деревянного зодчества, как это сделали бы русские мастера-плотники в XVII веке.

Для реконструкции утраченных форм крепостных сооружений могут быть использованы элементы и формы с других памятников гражданского и культового зодчества, идентичные воспроизводимым утратам. Известно, что одни и те же мастера-плотники строили крепостные сооружения, церкви, амбары и избы. На различных зданиях-аналогах многие архитектурно-конструктивные приемы часто остаются единичными и неизменными. Именно поэтому правомерно заимствование утраченных форм. Общеизвестно, что все разнообразие форм различных сооружений основано в русском деревянном зодчестве на принципе использования сравнительно небольшого количества почти неизменных архитектурно-конструктивных форм, которые со временем стали не только традиционными, но и словно типовыми. Поэтому в деревянных постройках различного назначения наблюдается естественная связь композиционных и конструктивных приемов устройства. Так, например, композиционное построение высоких крепостных башен с шатровой конструкцией постепенно перешло в культовые сооружения (ил. 11). Шатровые церкви и колокольни вместе с такими же башнями активно обогащали силуэт деревянного кремля, нарушая монотонность крепостных стен и низких гражданских строений.

Вместе с тем поиск и использование утраченных форм по аналогам заранее предопределяет неизбежную условность этих форм и предположительность их воспроизведения в реконструкциях. Если при реконструкции, например, Якутской крепости или Братского острога в качестве аналогов берутся сохранившиеся башни этих острогов, а для Юильского острога - остатки его же башен, то для реконструкции Мангазеи основой послужат росписные списки, графические изображения и материалы археологических исследований, в роли аналогов будут выступать башни уже других острогов.

Таким образом, в каждом конкретном случае будет различной и мера условности графической реконструкции, различной будет и степень достоверности того или иного памятника. Там, где нет вещественных остатков, относящихся непосредственно к памятнику, самым ответственным становится подбор аналогов. Методика восстановления утраченных элементов памятников деревянного зодчества у нас в стране разработана А. В.

Ополовниковым. Уделяя значительное внимание методу подбора аналогов, он делает важнейший вывод, основной смысл которого заключается в том, что «при подборе аналога для восстановления какой-либо утраты надо подбирать отнюдь не аналогичные здания, а аналогичный типовой элемент»⁶⁵. Именно типовой, а не просто похожий, потому что «чем обычнее и проще форма аналога и чем чаще она встречается, тем меньше вероятность ошибки, тем больше оснований предполагать, что действительные формы утраты совпадут с формами аналога, условно принимаемыми нами за действительные... тем больше вероятность предполагаемого тождества между аналогом и утратой»⁶⁶.

Подтверждением типичности конструктивных приемов и методов строительства крепостей в Сибири может быть тот факт, что для возведения оборонительных сооружений привлекались люди из разных мест сибирского края. Так, в царском наказе 1601 года мангазейским воеводам рекомендовалось: «... изыскав лутчее место... и служивыми людьми литвою, и аманаты, и казаки, и стрельцы, и своими людьми, и зыряны, и пустозерцы и всякими торговыми людьми, которые будут в Мангазее и в Енисее, велети ставити острог»⁶⁷. Известно также, что для строительства Якутска и Новой Мангазеи на Турухане привлекались енисейские плотники.

Одни и те же строительные приемы и методы возведения крепостей были распространены на всей территории Сибири от Урала до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. Именно поэтому вполне возможно привлечение в качестве аналогов сохранившихся памятников, значительно удаленных от того конкретного, который мы пытаемся воспроизвести целиком или его отдельные формы.

Ниже на основе исторических документов, археологических и натурных исследований рассматриваются некоторые деревянные крепости XVII века. Каждая из крепостей имеет свои особенности, и вместе с тем все они - явление одного порядка. В каждом конкретном случае различна степень, если можно так выразиться, известности объекта, его изученности. Кроме того, они различны и по типам: небольшой однобашенный острог, остроги с двумя, тремя и четырьмя башнями, пятибашенные рубленные крепости и, наконец, крупные крепости с большим количеством башен и рублеными стенами. По каждому объекту разный объем исходных документов, поэтому различна в каждом памятнике и степень условности (достоверности) его графической реконструкции.

* * *

ОЛОНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

XVII век

Ярким образцом деревянной крепости XVII века на русском Севере может служить Олонец. История строительства этого укрепления непосредственно связана с мероприятиями Московского государства по охране северных рубежей после Столбовского договора 1617 года между Россией и Швецией, когда граница оказалась вблизи заонежских погостов. Сохранившиеся от XVII-XVIII веков письменные источники дают возможность не только проследить характер этих мероприятий, но и довольно наглядно представить себе облик деревянной Олонецкой крепости.

81 Вид на Олонец. Реконструкция Ю. С. Ушакова и М. И. Мильчика

82 Схема генплана крепости 1649 и 1671 гг. Реконструкция Ю. С. Ушакова и М. И. Мильчика

«Для береженья от немецких людей» русской границы было решено создать в Заонежье ряд укрепленных пунктов. С этой целью указом царя Алексея Михайловича в 1647-1648 годах туда были направлены князь Ф. Волконский и дьяк С. Елагин. Вначале им предстояло выбрать наиболее удобные в стратегическом отношении места для будущих городов-крепостей. Одним из таких мест оказался Рождественский погост у слияния двух рек - Олонки и Мегреги.

Впадая в Олонку, Мегрега отрезала треугольный участок - стрелку, - на котором предстояло возвести укрепление. Сравнение рельефа местности с конфигурацией крепости на сохранившихся планах Олонца показывает, что контуры крепостных стен почти в точности повторяли очертания берегов Олонки и Мегреги. Выбранный для строительства участок имел лишь одну незащищенную (восточную) сторону, впоследствии укрепленную рвом. Таким образом, строители крепости максимально использовали защитные свойства рельефа местности. В целом для оборонного зодчества XVII века это явление было уже менее характерным, но если учесть местоположение Олонца вблизи беспокойной границы, то станет вполне объяснимым стремление его основателей сделать крепость как можно более неприступной.

83 Вид на Никольскую башню со стороны реки Мегреги. Реконструкция Ю. С. Ушакова и М. И. Мильчика

Уже через год, в конце сентября 1649 года. Олонецкая крепость стояла во всей своей красе, законченная строительством. Правда, просуществовала она без малого двадцать лет. Опустошительный пожар 1668 года уничтожил дотла не только крепостные сооружения, но и почти все постройки внутри крепости. Прекрасно понимая, что «без города на Олонце быть не мочно»⁶⁸, воеводы составляют сметную роспись новому городу и вместе с чертежом отправляют ее в Москву. Ответ не заставил себя долго ждать - царский указ повелевал в короткое время «на Олонце город сделать деревянной на прежнем месте, по чертежу и строениям против прежнего»⁶⁹. И вновь застучали топоры. Начатая в 1670 году, новая крепость через год была почти закончена.

84 План крепости конца XVII в.

Несмотря на то, что крепость 1670-1671 годов была срублена на том же месте и почти в точности повторяла контуры первого укрепления, она несколько отличается от своего предшественника. Различия касаются прежде всего планировочной структуры (ил. 82). Подробное натурное изучение местности, исследование различных материалов, а также графическая реконструкция первой и второй крепостей Олонца были выполнены М. И. Мильчиком и Ю. С. Ушаковым⁷⁰. Некоторые из их рисунков-реконструкций приводятся в настоящей книге (ил. 81, 83).

Что же представляла собой Олонецкая крепость в архитектурном плане? Письменные документы времени строительства Олонца дают довольно полную его характеристику. Ценнейшим документом, конечно же, является подробное описание Олонца, названное «Роспись с меры и сметы Олонецкого города, сколько в том городе и в Большем и в Меньшем башен и сколько от которой башни до городской стены мерою сажень, и сколько венцов которая башня и городская стена вверх и башни сколько стен мерою сажень, и у которых башен быки и сколько те быки мерою сажень и сколько учинено в городе улиц и каковы улицы мерою и сколько тому городскому и церковному и ко всякому строенью надобно лесу и тесу и железу, что за тот лес и тес и за железо по цене доведетца дать денег и каким людьми то городское строенье наперед сего делано и по сколько с выти лесу и тесу и мастеров имано и то писано в сей росписи порознь по статьям... »⁷¹. По одному только

названию документа уже можно получить хорошую информацию, а сколько подробностей хранит сам документ!

85 Фрагмент плана крепости конца XVII в.

Первая крепость 1649 года состояла из двух частей, названных «Большой город» и «Меньшой город». Такое двухчастное решение планировки было традиционным для русского крепостного зодчества. Малый город выполнял роль детинца, а Большой - функцию укрепленного посада. Единственным, пожалуй, серьезным «нарушением» традиции было конструктивное устройство стен посада. Точно так же, как и в детинце, здесь они были рублеными.

86 Башни и их планы. 1671г. Реконструкция

Именно поэтому огражденный посад был назван не острогом, а городом. Устройство вокруг посада рубленых стен объясняется следующими обстоятельствами: при строительстве крепости воевода обратил внимание на то, что весной при разливах рек вода может близко подступить к стенам и «острог исшетает», поэтому решено было вместо тыновых стен поставить «по тому острожному месту другой рубленый город». С этой же целью «обрубями» укрепили откосы рва и берегов рек в непосредственной близости от крепостных стен. Сам ров отнесли от восточной стены крепости на 8,5 м - для того, как свидетельствует роспись, чтобы вода «городовой стене порухи не учинила»⁷².

Эти факты довольно красноречиво иллюстрируют творческое отношение строителей крепостей к царским «наказам и памятям», по которым осуществлялось возведение городов. Выясняя более подробно местные условия, воеводы «на ходу» вносили коррективы, направленные на улучшение оборонной мощи укреплений.

Форма Олонецкой крепости представляла собой четырехугольник неправильной конфигурации, постепенно сужавшийся в том направлении, где сливались обе реки. Периметр ее стен вместе с башнями составлял 713 сажень. Самые длинные стены располагались вдоль берегов рек: северная протянулась вдоль Олонки на 250 сажень с четвертью, а южная - вдоль Мегреги на 263 сажени. Самая короткая стена (западная) имела в длину 54 сажени без четверти. Она располагалась всего в 30 сажнях от устья Мегреги. Восточная стена крепости длиной в 146 сажень именовалась передней, в ней размещалась главная башня, названная Московской. Именно отсюда начиналась дорога на Москву. Под башней были устроены «проезжая ворота косыя». От южной к северной стене прошла поперечная стена, разделившая крепость на две неравные части. В середине этой поперечной стены стояла самая высокая, шестиугольной формы, проезжая Красная башня с часовым боем наверху. Всего в стенах крепости в 1649 году находилось девятнадцать башен: восемь из них круглые, шестиугольные в плане, а остальные четырехугольные. Если круглые башни завершались шатрами и караульными вышками, то четырехугольные были «вершены полаткою». Высота круглых башен составляла от 11,5 до 14 сажень, а остальных - 9 сажень. В каждой из башен были устроены пушечные и пищальные бои. Все четыре угловые башни Олонца имели сходство и одинаковую высоту - 12 сажень. За пределы города у них выступали по четыре стены, а к двум башенным стенам примыкали тарасы. Довольно подробное описание башен в росписных списках позволяет представить их облик в графической реконструкции (ил. 86. 87).

Особый интерес представляет конструктивное устройство крепостных стен Олонца, срубные ячейки которых имели конфигурацию в виде трапеции. Как свидетельствует роспись 1649 года, «тарасы рублены по городу в сажень, а в город 2 сажень без четверти, а в тарасах просечены бои пищальные»⁷³. В каждую тарасу из города вели двери, а к тарасам были поставлены столбы «для связи и кровли городской». На столбы опиралась двускатная крыша. Пустые ячейки стены (между тарасами) имели по две бойницы. По тарасам настлан пол (мост) и устроен нависающий облам в две стены «для крепости защиты пищальной стрельбы». В обламной стене были просечены бойницы, под кровлей

положены катки, а с внутренней стороны города по стенам устроены перила и лестницы. Общая высота стены до кровли составляла три сажени с четвертью, а ширина - две сажени без четверти.

Наружная часть тарас до уровня первых (нижних) боев была рублена в две стены «вверх пять венцов, а до обламов в одну стену вверх 19 венцов»⁷⁴. Всего городовая стена вместе с обламом состояла из двадцати восьми венцов. Как видим, нижняя часть крепости и у подошвы и у облама была укреплена второй стеной. Причем в тарасах промежутков между стенами шириной в «три чети аршина» был засыпан землей для защиты от пушечной и пищальной стрельбы. Вот он, ответ на появление огнестрельного оружия!

Русские градоделцы нашли вариант конструкции, при котором дерево, сочетаясь с землей, могло великолепно противостоять военным новшествам. Уместным будет вспомнить и другую северную крепость - Кольский острог, расположенный за Полярным кругом. В нем не только ограждение города, но и башни имели двойные стены, пространство между которыми заполнялось землей. Такие же двойные стены имели и другие северные крепости, например Опочка, Муром, Сумский острог.

Мощные рубленые стены Олонецкой крепости представляли тот фон, на котором формировался великолепный силуэт города с многочисленными шатрами башен, церковью и колоколен. Сосредоточенные в середине крепости, культовые постройки создавали своеобразный композиционный акцент, активно воспринимаемый с рек и из окрестных деревень. Не напрасно старались воеводы, укрепляя Олонец. В начале 1657 года «немецкие воинские люди» пришли под его стены, но были отброшены.

87 Угловая башня первой крепости. фасад, план. Реконструкция

Если о первой Олонецкой крепости мы можем судить только лишь по письменным источникам, то от второй сохранился великолепный графический документ - «План города Олонца» конца XVII века (ил. 84). Трудно переоценить значение этого плана. Он дает изображение деревянной крепости, показывает ее конструктивное устройство и местоположение в конкретной географической среде. Иными словами - служит прекрасным источником характеристики русской деревянной крепости XVII века. Кроме этого плана сохранились еще три фрагмента другого, сделанного позднее (ил. 85). Вместе с росписными списками планы оказывают неоценимую услугу при графической реконструкции деревянной Олонецкой крепости.

Вчитаемся в строки росписного списка: «Город Олонец рубленой из бревен тарасами, стоит меж двумя реками в Наволоке от востоку на запад, по правую сторону города бежит река Олонка, да по левую сторону река Мегрега, и пониже города те обе реки пали в место под самым городом и пошла от города одна река и падет в Ладожское озеро одним устьем, а от города до Ладожского озера 20 верст есть, по ней пороги.

А город Олонец мерою от Никольской башни по стене, вверх подле Мегрегу реку до первой штиугольной башни мерою 49 сажень с пол аршином, и то прясло в прошлом 1700 году построено вновь, а внутри в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без пол аршина, а от мосту до раскату сажень с аршином, а от раскату вверх шатра до шестерика пол 3 сажени, а в шестерике ширины внутрь сажень, вышины от мосту сажень без пол аршина кроме шатрика, а в шатрике вверх сажень, а от той башни... »⁷⁵.

И так, от башни к башне, от прясла к пряслу, роспись снова возвращает нас к Никольской башне, давая и ее описание: «... внутри в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени, а в другую сторону 4 сажени с аршином, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени с аршином, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень с полу аршином, а от зубцов вверх шатра до хороминки вышины 3 сажени, что срублена над шатром, и та хороминка от стены до стены шириною 2 сажени без 12 вершков, и в той хороминке часы боевые, вышины в ней от мосту до другого мосту 1 сажень 4 вершка, а от

того мосту, где вестовой колокол, вышины до шатрика 1 сажень, а в шатрике вышины 2 сажени без полуаршина. Всего по городу Олонцу штиугольных 10 башен, крыты шатром, да 3 башни четверугольных, крыты полаткою, всего 13 башен, а около всего того города навонную сторону подле стену и стен, что около башен, которые башни стоят выставлены от городской стены в сторону до полу и менши полу башен, мерою всего 27 сажен, а вышиною городова стена новое прясло от земли и с обламом по каткам загородной стены пол 3 сажени, а шириною та стена опричь обламу 2 сажени... »⁷⁶, «подле городовую стену ров проведен из реки Мегреги в реку Олонку, глубина рву 1 сажень с полу аршином, а ширина рву 3 сажени с аршином. Бывает во рву из реки вешняя вода недолгое время, а от городской стены до рву 5 сажен»⁷⁷.

Сравнивая схемы планов Олонца 1649 и 1671 годов, мы видим, что внутренней стены в новой крепости уже нет (ил. 82). Перед началом строительства была мысль увеличить размеры крепости, но этому препятствовал сохранившийся ров. Оказалась отвергнутой и идея постройки «земляного города» в связи с тем, что по берегам рек были «мхи и болота топкие» и необходимой дерновой земли для укрепления откосов взять было негде. В отличие от старой крепости количество башен в стенах сократилось до тринадцати и изменилось соотношение между круглыми и четырехугольными башнями. В графической реконструкции, выполненной автором на основе росписного списка, можно увидеть, что собой представлял весь ряд из тринадцати башен (ил. 86). Отличия в конструктивном устройстве между первой и второй крепостями не было, да и не могло быть. Первая крепость хотя и сгорела, но, зафиксированная в письменных документах (был и чертеж, который до нас не дошел), послужила прототипом для второй крепости, ее основой.

После окончания строительства крепости в 1649 году воевода Ф. Волконский, «написав роспись, и начертя чертеж, и сделав городом образец»⁷⁸, отправил все в Москву. Точно так же поступил после восстановления Олонца в 1671 году И. Баклановский, выполнив «роспись... и городу образец и месту и всякому строенью чертеж»⁷⁹. Это была традиция, которая строго выполнялась воеводами городов. К сожалению, ни одного из двух образцов (моделей) не сохранилось.

При восстановлении Олонца были учтены основные недостатки сгоревшей крепости. Так, северная и южная стены были поставлены дальше от берега Олонки и Мегреги. Это было сделано для того, чтобы обрубы у башен и вдоль стен не оплывали под воздействием воды. В связи с этим общий периметр стен стал меньше на двенадцать сажений. Количество башен в стенах крепости также уменьшилось до тринадцати, с тем «чтоб башня от башни были не близко и башня башню боем оберегала»⁸⁰. Выступая наружу из плоскости стен «до полу и менши полу башен», крепостные башни, как и прежде, обеспечивали ведение фланкированной стрельбы из огнестрельного оружия.

Извещая Москву о постройке крепости, И. Баклановский и дьяк В. Бульчев объяснили, почему они не построили среднюю стену, разделявшую город на две части. Оказывается, они ждали на то царского указа, предполагая, что вместо стены здесь нужно сделать ров, укрепленный с обеих сторон обрубками, а рядом со рвом насыпать земляной вал, чтобы «городу было прочнее и от неприятеля и от огненного запаления». В ответной царской грамоте, отправленной 1 марта 1672 года в Олонец, сообщалось: «... и мы великий государь за то городовое и всякое строенье тебя думнаго нашего дворянина и воеводу Ивана Ивановича и тебя дьяка Воина жалуя, милостиво похваляем»⁸¹. Отблагодарив воеводу с дьяком, царь тут же предписывает «досталное городовое дело, чего не достроено, достраивать, чтоб то городовое строенье было все достроено»⁸², в том числе и средняя стена с башней между Большим и Меньшим городом. К сожалению, документов, подтверждающих выполнение этой части царского указа, не сохранилось. Нет этой стены и на плане Олонца, относящемся к концу XVII века.

При сравнении описей 1649-го и 1670-1671 годов можно видеть, что во второй крепости, по сравнению с предыдущей, уменьшилась общая высота стены, а клетки (тарасы) приняли более удлиненную форму, так как стена стала шире на четверть сажени.

Нижние бои остались только в ячейках между тарасами, зато в самих тарасах, заполненных землей на высоту одной сажени, были устроены средние пищальные бои, попасть к которым можно было по лестницам с моста. Нижняя (внешняя) часть стены была двойной только на высоту четырех венцов, а облам, в отличие от прежнего, был сделан в две стены высотой в девять венцов. Сверху над обламами по всему городу были положены катки (по пять штук). В новой крепости изменилось и положение тарас - теперь они были обращены наружу широкой стороной. Крепостные стены нового укрепления стали более приземистыми и мощными.

Олонецкий деревянный город - прекрасный образец северорусской крепости. Многочисленные письменные источники, сохранившиеся со времени его возникновения и последующих перестроек, дают нам основание судить в целом об уровне крепостного деревянного зодчества и в частности об устройстве этого северного форпоста Руси в XVII веке.

* * *

ЛЯПИНСКИЙ ОСТРОГ

XVII век

В конце XIX века на тюменском Севере среди местного населения ходила полусказка-полулегенда о «высоком боярине», который чудом перевалил с войском через Камень (Урал), взял городок вогулов, известный под названием Ляпин, и срубил на его месте русскую деревянную крепость. Легенду эту узнал К. Д. Носилов. Он же и нашел остатки крепости. Вот как он об этом писал: «Раз, охотясь так как раз против поселка Саран-Пауль, за рекою Сыгвою, я, как сейчас помню, развел руками какой-то куст черемухи и так и застыл на месте. Передо мною в кустах - обугленная временем, бревенчатая, вся темная постройка, и все так поросло травой, так затянуло кустарником, что видны только стена, маленькое оконце и часть повалившегося частокола... Постройка представляла из себя старую бойницу-крепость, и когда я осторожно туда проник, то в ней оказались две низенькие, полукруглые двери и выше потолка такие кругом по стенам полати, которые явно служили жителям этой странной крепости местом сражения, потому что повсюду в стенах их, выдававшихся на улицу, были проделаны маленькие отверстия, в которые вставлялись старинные «пищали». Несомненно, передо мною была старинная русская крепость, за что говорила и стена около нее из высокого, плотного еще до сих пор частокола, хотя этой стене, этой крепости было ровно триста лет»⁸³.

88, 89 Проездная башня. фасад, план. Разрез, планы разных ярусов.

Реконструкция

Заинтригованный находкой, Носилов долго искал следы надписей, указывающих на дату постройки, но «стены так были обуглены временем, что все знаки ножа и топора уже сгладились», и загадку свою он надеялся разгадать с помощью местного старика Саввы, со слов которого и записал легенду⁸⁴.

Через пятьдесят лет после Носилова здесь побывал Г. Шершеневич, заседатель Тарского земского суда. По поручению тобольского губернского начальства Шершеневич описал развалины крепости и нанес их на чертеж, судьба которого осталась неизвестной. Через столетие после этого омский краевед А. Ф. Палашенков попытался произвести детальное археологическое исследование на месте Ляпинского городка. К сожалению, башни к этому времени уже не было - ее сжег в 1927 году местный крестьянин, поскольку

развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали. Так был безвозвратно утрачен неведомый нам деревянный острог, основанный русскими в самом начале освоения Сибири.

А. Ф. Палашенков нанес остатки еще сохранявшихся развалин на чертеж, а позднее отыскал в архивах редкие рисунки XIX века художника-самоучки Н. Шахова с изображением Ляпинского и Казымского (Юильского) городков (ил. 90, 142). Кроме башни (утраченной) среди развалин Ляпинской крепости находились и другие сооружения, тоже с бойницами. Судя по описаниям, это были постройки жилого и хозяйственного назначения. Из других источников известно, что в Ляпинской крепости в начале XVIII века была построена деревянная Богоявленская церковь, которую вскоре сожгли шаманы, не желавшие мириться с новой верой. Острог просуществовал до середины XVIII века, выполняя роль сторожевой заставы до тех пор, пока в 1751 году царским указом было объявлено все заставы в Березовском округе (в том числе и в Ляпинской волости) упразднить. Но еще и в XIX веке на месте острога проводились зимние ярмарки и сбор ясака. Для этой цели на противоположном берегу реки Ляпин, как раз напротив острога, были поставлены избы-юрты и несколько торговых амбаров и лавок. Вскоре острог оказался заброшенным, однако еще длительное время почитался местным населением, и это место считалось святым.

90 Ляпинский городок. С рисунка Н. Шахова XIX в.

91 Генплан острога. Реконструкция

Несмотря на то, что сведений о Ляпинском остроге не так уж много, они все-таки позволяют выявить некоторые характерные особенности его конструктивного устройства, главная из которых связана с верхней частью башни - обламом. Размеры башни, приведенные авторами описаний, показывают, что конструктивное устройство и габариты ее аналогичны другим, сохранившимся в Сибири. Не только форма башни, но и ее элементы - сруб, устройство ворот на пятах, бойницы и лестницы - все было типичным. Интерес вызывает более значительный отступ стены облама от стены основного сруба башни. Согласно обмерам Носилова, он составляет 61 см. Во всех известных нам сибирских башнях это расстояние почти втрое меньше. Можно было бы и не обратить серьезного внимания на эту разницу в расстоянии и принять ее как редкое исключение, но основная особенность заключается в том, что пространство (щель) между стеной сруба и стеной облама было закрытым. Как отмечал Носилов, здесь был сделан «уступ для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол»⁸⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что верхняя часть Ляпинской башни - это еще не тот облам, который позднее станет типичным для всех без исключения острогов и городов Сибири XVII века. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с прототипом облама - нагородней. Попутно отметим, что ни в одной сибирской постройке XVI-XVII веков не сохранилось ни самих нагородней, ни описания их конструктивного устройства. Тем более значительный интерес представляет описание К. Д. Носилова. И для реконструкции архитектурного облика Ляпинской крепости оно имеет существенное значение.

Сохранившиеся два других сооружения служили казармой и амбаром. Оба они кроме своих непосредственных функций выполняли еще и дополнительные, связанные с защитой крепости. Поставленные в углах противоположной от башни стены, они защищали напольную сторону крепости (ил. 91). Кроме них внутри острога зафиксированы остатки более десяти построек примерно одинакового размера. Можно только предположить, что это были амбары. Сохранившиеся в земле нижние венцы отдельных построек показывают конструктивное устройство срубов - рубку углов способом «в обло» и толщину бревен, равную 18 см.

Благодаря археологическому обследованию и описаниям планировочная структура Ляпинского острога реконструируется довольно просто. Воспроизводятся не только

постройки внутренней части, но и контуры тыновых стен крепости, которые состояли из заостренных и плотно пригнанных друг к Другу бревен толщиной 14-15 см и высотой около 3,7м. Тынины были врыты в землю на глубину 70см.

В плане крепость была близка к прямоугольнику, длинные стороны которого слегка изгибались, как бы повторяя контуры рельефа местности. Общая длина стен составляла 131,5м (северная - 42, южная - 39,5, восточная - 26, западная - 24м). Этих данных оказалось достаточно, чтобы с достоверностью графически воспроизвести архитектурный облик крепостных стен Ляпинского острога. По-другому выглядело дело с объемными элементами крепости. Их графическое воссоздание базируется на кратких описаниях, плановых размерах и предположительных высотных габаритах. На основе этих данных можно было выполнить только схематическую реконструкцию, а для более детального показа архитектуры башни и других построек потребовалось привлечение аналогов.

Многие исследователи, в частности Г. Шершеневич, указывали на большое сходство Ляпинского и Юильского острогов. Сравнение размеров башен того и другого подтвердило их сходство и наличие в них идентичных типовых элементов, что и позволило привлечь остатки Юильского острога в качестве исходных образцов для реконструкции отдельных фрагментов Ляпинской крепости, и прежде всего -ее проездной башни. Тот факт, что в Ляпинской башне стена облама больше отстоит от стены основного сруба, чем в башнях Юильского* и других острогов, принципиального значения не имеет, так как конструктивное устройство его и в том и в другом случае остается одинаковым.

Однотипность элементов и форм, однако, не исключает условности изображения реконструируемого объекта (ил. 88, 89). В данном случае, несмотря на известные габариты башни, в графической реконструкции мера условности довольно значительна, потому что не сохранилось ни одного ее конструктивного элемента. Другое дело - планировка. Следы тыновой стены и других построек позволили не условно, а с достаточной степенью достоверности восстановить первоначальный план крепости.

Как видим, даже в пределах одной крепости мера условности графической реконструкции различна. В целом же исходные данные позволяют воспроизвести внешний облик архитектуры Ляпинской крепости, отвечающий ее первоначальному состоянию. Предположительность отдельных форм и конструктивных узлов объемных элементов крепости подкрепляется сохранившимися в природе аналогичными элементами и основана только на них.

*Очерк об этом остроге см. на с. 130-143.

* * *

МАНГАЗЕЯ

XVII век

«Златокипящая вотчина государева», «сибирская сокровищница», «соболиный Клондайк» - как только не называли этот древнерусский город, просуществовавший чуть более семидесяти лет, а затем на долгие годы исчезнувший из памяти людской. За столь короткое время город успел «пережить шумную славу неслыханного богатства и горечь полного запустения»⁸⁶. Слишком быстро оскудел пушной промысел, к тому же новые, более выгодные пути в Сибирь оказались южнее, и Мангазея стала приходить в упадок, еще несколько десятилетий продолжая существовать, вероятно, просто по инерции.

92 Изображение Мангазеи в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

93 Генплан крепости. Реконструкция

Уже в первой трети XVII века встал вопрос о переносе города на Енисей, а после многолетних разногласий, отписок, предложений и просьб остатки мангазейского гарнизона наконец-то переселились в Туруханское зимовье, где 12 июня 1672 года была торжественно заложена Новая Мангазея, ставшая позже городом Туруханском.

А старый город, покинутый и брошенный, постепенно пустел и разрушался, зарос лесом, сровнялся с землей и забылся. И только в советское время, когда историки начали планомерное изучение процессов освоения Сибири русскими, появились исследования и о Мангазее. Выяснению архитектурного облика Мангазейской крепости посвятил свои работы В. И. Кочедамов. Он же выполнил и первую графическую реконструкцию города

87.

94, 95 Вид крепости со стороны реки Таз и со стороны посада. Реконструкция

96 Фрагмент крепости. Вид изнутри. Реконструкция

Менее всего сохранилось документов, проливающих свет на самый ранний период - основания Мангазеи. Первая экспедиция Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова в 1600 году окончилась, как известно, неудачей. Так и осталось загадкой, дошел ли князь Шаховской до места и основал ли острог. Не дождавшись результатов первого похода, правительство послало второй, более значительный отряд казаков, под предводительством Василия Мосальского и Савлука Пушкина.

Учитывая сложные сибирские условия и полное отсутствие сведений о казаках Мирона Шаховского, новым воеводам предписывалось идти «в Мангазею и в Енисею однолично наспех, днем и ночью, с великим береженьем, чтоб им в Мангазею и в Енисею притти водяным путем до заморозков. И в Мангазею и в Енисею идучи не зимовать»⁸⁸. На всем пути следования воеводы обязаны были «проведывать про Мирона и Данилу», а по прибытии на реку Таз использовать под укрепление какой-нибудь из городков промышленников «и князю Василью да Савлуку того городка или острогу прибавить кругом. А буде те все городки не у места стоят, и князю Василью и Савлуку, изыскав лутчее место и прося у бога милости... велети ставити острог, и башни, и в остроге всякие острожные крепости, и около острогу надолбы и поставити и укрепити острог накрепко, чтоб в нем впредь быти безстрашно»⁸⁹.

97 Раскоп на территории крепости. План

98 Раскоп на месте воеводского двора. План

Мы не можем с уверенностью сказать о том, было ли исполнено полностью предписание правительства, но документы того времени свидетельствуют, что до 1603 года острог уже существовал. Так, в наказе новым воеводам Ф. Булгакову и Н. Ельчанинову предписывалось «взяти у князя Василья Мосальского да у Савлука Пушкина государев наказ и грамоты о всяких государевых делах и острожные ключи и острог и на остроге наряд и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы и в житницах хлебной запас... а стоять им, приехав, в мангазейском остроге на прежних дворах. на которых дворах стояли князь Василий да Савлук»⁹⁰.

99 Давыдовская башня. Фасад. Реконструкция

Таким образом, можно считать, что первый Мангазейский острог с оградой из тына был заложен в 1601 году. О планировке, композиции и архитектурном облике этого

первого Мангазейского острога сведений, к сожалению, нет. Но зато они есть о городе-крепости, который был поставлен на его месте, о том самом городе, слава которого прокатилась по всей Руси. Этот город был заложен в 1607 году, чему подтверждением служит и сохранившийся архивный документ - отрывок мангазейской летописи: «Во 115 году зарублен город Мангазея на Тазу реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов»⁹¹. Кто был этот Давыд Жеребцов по своему общественному положению, летописец не указывает, как не дает он сведений и об архитектурных особенностях легендарного города, срубленного этим талантливым мастером. Поэтому представление об облике Мангазейской крепости - и пока еще самое общее - можно составить по данным, полученным из трех источников: графических изображений, росписного списка и археологических исследований, проведенных экспедициями В. Н. Чернецова и М. И. Белова.

100-102 Проездная Спасская башня. фасад. Разрез. Планы разных ярусов. Реконструкция

Чертежи С. У. Ремезова, при всей условности и схематизме изображения, дают представление о типе самого острога, о его планировочной схеме и объемно-пространственной композиции, о зданиях, находящихся непосредственно в крепости и за ее пределами (ил. 92). Росписной список сохранил нам подробное описание размеров всех пяти башен города и стен между ними. Этот документ позволяет представить не только конструктивные особенности основных элементов крепости, но и показывает их размеры, вплоть до толщины и количества бревен, из которых срублены башни, стены и другие постройки. Археологические исследования углубляют и уточняют сведения архивных источников, конкретизируют размеры и формы отдельных сооружений, выявляют их взаимную соподчиненность и тем самым вносят еще большую определенность в материалы первых двух источников.

На основании данных, почерпнутых из всех трех источников, четко вырисовывается плановая структура крепости, проливается свет на поэтапное ее развитие и в какой-то мере открывается возможность установить вертикальные измерения этой структуры, давно стертые временем и ныне полностью утраченные. Однако для более или менее достоверного восстановления Мангазейской крепости этих данных все же недостаточно. Для того чтобы воспроизвести деревянную крепость XVII века в традиционных архитектурно-конструктивных формах своего времени, надо быть знакомым и с самими этими формами. Следовательно, схему Мангазейской крепости, выявленную на основе трех указанных источников, надо было дополнить данными из четвертого источника - аналогов.

Что же представляла собой Мангазея в начале XVII века, в период ее наивысшего расцвета, когда на месте небольшого острога возникла монументальная крепость, ставшая композиционным центром архитектурного ансамбля всего города?

«Город деревянной рубленой, а у него пять башен, стоит над Тазом рекою. С приезде в стене башня Спасская проезжая четверугольная, а под нею двой ворота, одни с приезде, а другие изнутри города, брусчатые, высота по сажени печатной, а ширина тож...»⁹² - читаем мы в росписном списке (ил. 93). В 1968 году раскопками обнаружены следы всего только трех башен - Спасской, Успенской, Ратиловской, а две другие башни - Давыдовская и Зубцовская - вместе со стеной уже обвалились в реку Таз (ил. 97, 98).

103-106 Ратиловская башня, фасад. Разрез. Планы разных ярусов. Реконструкция

«Башня Давыдовская, что от Тазу реки, угловая четверугольная, в вышину по обломки 36 венцов, а мерою три сажени с аршином, а от обломков до кровли 10 венцов, мерою сажень, а стена три сажени, а кругом 12 сажень. Наряду на ней, в верхнем бою 2

пищали затинные железные, ядра железные, у одной ядро весом 12 золотников, а у другой 8 золотников. А от Давыдовской башни до Зубцовской угловой что от Тазу реки в стене 18 городень, а мерою 28 сажень с аршином, а в вышину по обломки 21 венцу, мерою 2 сажени без аршина, а от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень»⁹³.

Таким образом, видно, что Давыдовская башня (ил. 99) в плане была квадратной, со стороной 6,4х6,4 м. Пушечный наряд был здесь сосредоточен, как и в остальных башнях, в верхнем бою. Были, разумеется, у этой башни средние и нижние бои во всех стенах, к которым не примыкали городни. Давыдовская башня - самая массивная; по высоте (9,3м) она уступала только главной башне - проезжей Спасской (11,4м), которая выглядела парадной. В ней было «по обломки 45 венцов, а мерою 4 сажени, а от обломков до кровли 13 венцов, а мерою сажень с аршином»⁹⁴ (ил. 100-102).

107, 108 Зубцовская башня. фасад. План. Реконструкция

Ратиловская башня (ил. 103-106), стоявшая в северном углу крепости, - самая маленькая. Она составляла в высоту до обломков тридцать семь венцов (6 м), а от обломков до кровли - девять венцов, что соответствовало 1,6м. Сторона квадратного основания башни равнялась двум сажням (4,3м). Одинаковыми в плане и по высоте были Успенская и Зубцовская башни, расположенные по одной оси со Спасской, хотя облом Успенской башни был на 35 см выше, чем у Зубцовской (ил. 107-110).

Основные параметры стен и прясел Мангазейской крепости даются в росписном списке тоже довольно полно. Так, общая длина стен крепости составляла 281 м, а высота всех прясел была одинаковой и равнялась полутора сажням. Росписной список указывает даже количество городней в каждом из прясел, число венцов в них до облама и габариты самого облама. К сожалению, в росписном списке нет, да по его специфике и не может быть сведений о ряде архитектурно-конструктивных деталей и о конкретных приемах и способах сопряжения элементов стен и башен. Отсутствие сведений такого порядка в большой мере восполняется материалами натуральных исследований руин Мангазеи и данными археологических раскопок.

109,110 Успенская башня. фасад. План. Реконструкция

В прежние годы Мангазею посещали разные исследователи, но для нас среди их работ наибольший интерес представляет описание развалин крепости, сделанное в 1914 году И. Н. Шуховым, и первое археологическое исследование В. Н. Чернецова, проведенное в 1946 году. Среди многочисленных развалин крепостных стен и других зданий, тянувшихся вдоль высокого обвалившегося берега Таза, И. Н. Шухов видел и полуразрушенные башни, в которых были видны не только стены, но и такие характерные детали, как бойницы. А экспедицией В. Н. Чернецова были зафиксированы остатки всех пяти башен крепости. причем сам исследователь отмечал в своем отчете, что очертания острога прослеживаются весьма точно.

Значительно больше сведений о древней Мангазейской крепости дают новые археологические изыскания, проведенные в 1968-1973 годах экспедициями под руководством профессора М. И. Белова. Одним из результатов этих исследований, для нас особенно ценным, стала детальная фиксация планировочной структуры города в целом и каждого здания в отдельности. Кроме того, при этих раскопках было обнаружено немало новых данных, проливающих дополнительный свет на утраченные формы стен и башен. Как показали эти раскопки, стены и другие постройки Мангазеи ставились непосредственно на грунт, прямо на слой щепы. Вечная мерзлота здешних мест способствовала хорошей сохранности нижних венцов строений, и по этой причине не было необходимости устраивать специальные фундаменты.

Таковы в общих чертах объективные исходные данные, которые имеются на сегодня для графической реконструкции архитектурного облика Мангазейской крепости. Хотя их

и не мало, но все-таки недостаточно, потому что многое еще остается неизвестным и предположительным. Эти данные определяют главное - основные параметры крепости в трех измерениях, ее архитектурно-конструктивный строй, характер и формы отдельных частей и деталей. Но вместе с тем этих данных мало потому, что они не аргументируют воспроизведение ряда утрат в их подлинных, вполне конкретных и традиционных формах. Среди утрат такого рода - башенные шатры, кровли, прясла, полы и перекрытия, лестницы, двери, окна, бойницы и так далее. В данном случае перечислять все утраты даже нет надобности - к ним, по сути дела, относится почти все, что когда-то

находилось выше уровня земли. Вполне понятно, что воспроизвести все эти утраты можно было только по подобию с такими же элементами на других памятниках-аналогах, поэтому в качестве аналогов использовались не только общеизвестные и ныне существующие башни Якутского, Бельского, Илимского, Братского острогов и Николо-Карельского монастыря, но и многие другие памятники деревянного зодчества, сохранившие элементы, идентичные воспроизводимым утратам. Одним из аналогов был принят Юильский острог, так как на его сходство с Мангазейской крепостью обращал внимание еще И. Н. Шухов, который писал, что у строений в Мангазее архитектура аналогичная с башнями Юильского городка.

Таким образом, реконструкция Мангазейской крепости, показанная на прилагаемых чертежах (ил. 94-96), несет в себе именно ту долю условности и предположений, которая определена количеством элементов этого памятника, воспроизведенных по аналогам. А во всем другом она твердо подкреплена документальными материалами, поэтому ее нельзя упрекнуть в необоснованности, но она и не может претендовать на безупречность.

* * *

НОВАЯ МАНГАЗЕЯ (ТУРУХАНСК)

XVII век

«... Город Новой Мангазея на Турухане, деревянной, рублен городнями, а стоит над рекою Никольским Шаром, а в городских стенах по углу и с проезжею башнею 5 башен. А город стоит лицом на запад»⁹⁵ - так повествует росписной список о построении в 1672 году Новомангазейской крепости. Изображение этой крепости в книге С. У. Ремезова (ил. 111) и данные росписного списка позволяют довольно точно представить ее планировочную схему.

111 Изображение Новой Мангазеи в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

112 Вид Новой Мангазеи. Гравюра М. И. Махаева по рисунку И. Люрсениуса. XVI в.

Новая Мангазея возникла не на пустом месте. С 1607 года здесь существовало Туруханское зимовье, а с 1660 года - Троицкий монастырь, так что к моменту закладки крепости берега реки Турухана были довольно оживленными. Получив вначале название Новой Мангазеи, крепость стала впоследствии называться Туруханском. Руководство строительством осуществлял Данила Наумов - воевода, построивший новую крепость по образу и подобию прежней. В своей отписке, где сообщалось об окончании работ, он упомянул и имена градоделцев - енисейских плотников Николая Савина, Бориса Иванова и Федора Асташева.

В росписном списке нового города подробно зафиксированы размеры и система конструкций башен и крепостных стен. Повторяя в основном пятибашенную структуру Мангазеи на реке Таз, Туруханская Мангазея имела и отличия. Основное отличие - композиция главной, проездной башни, шестиугольной в плане. Высота ее была «с верхнего шатрика 12 сажень с полуаршином до земли»⁹⁶. Башня относилась к типу круглых, ее шестигранный сруб венчался обломом с крытой обходной галереей. Имелся и второй ярус башни, он представлял собой восьмерик с галереей, и дальше - высокий шатер с небольшой смотровой вышкой и шатриком (ил. 113-115). Эта выразительная многоярусная, высотой с современный девятиэтажный дом, главная башня была «построена для приезде всяких иноземцев и аманатов и обход учинен для караулу»⁹⁷.

113-115 Проездная башня. фасад. Разрез. Планы разных ярусов. Реконструкция

Воевода Данила Наумов, копируя в основных чертах прежнюю Мангазейскую крепость, творчески подошел к своей задаче. Такие башни он мог видеть в Тобольске, останавливаясь там по пути в Мангазею, и, вероятно, заимствовал кое-что из архитектуры Тобольского кремля. Известно, что его башни были самыми высокими из всех сибирских крепостных башен. Проездная башня Новой Мангазеи была срублена прочно и основательно - через сто лет отмечалось, что она надежно простоит еще долгое время.

116, 117 Угловая башня. фасад. Планы разных ярусов. Реконструкция

Угловые башни были одинаковыми между собой и в высоту достигали 15м (с шатрами и смотровыми вышками). Нижняя часть сруба угловой башни поднималась на тридцать венцов (6,4 м), а от обломов до кровли - на десять венцов (2,1 м). Сторона квадратного в плане основания сруба равнялась 5 м. Смотровые вышки были также рублены из круглых бревен двухметровой длины. Подробное описание всех башен, с точным указанием количества венцов и высоты каждого из элементов, также имеется в росписном списке; «... в вышину стороны у башни 28 венцов мерою 3 сажени, а от обломов до кровли 11 венцов, мерою сажень, а на башне вышка четвероугольная, стороны по сажени, а около вышки обход забран в косяк, а двери в обходе изнутри вышки, а на вышке шатрик, вышины вышка с шатриком по 3 сажени»⁹⁸ (ил. 116, 117).

Рубленные стены новомангазейского города представляли собой городни шириной в сажень с аршином (в нижней части). Верхняя, обламная часть городней была шире нижней на четыре вершка, что соответствовало 18см. Общий периметр стен вместе с выступающими частями башен составлял 146,5 сажени. Высотой стены до обломов были срублены в шестнадцать венцов да одиннадцать венцов облама. Двускатная тесовая крыша предохраняла стену и защитников крепости от атмосферных осадков. Новая Мангазея, срубленная Данилой Наумовым, стала наглядным воплощением традиций русского крепостного деревянного зодчества в суровых сибирских условиях.

118,119 Планы крепости. XVIII в.

Сохранившиеся от первой трети XVIII века несколько планов новомангазейской крепости (ил. 118, 119), дополняя подробный росписной список, значительно облегчают задачу воссоздания ее в графической реконструкции. Особую ценность имеет панорамный рисунок Новой Мангазеи, выполненный молодым художником отряда Второй Камчатской экспедиции Иоганном Вильгельмом Люрсениусом (ил. 112). Рисунок очень правдоподобен, как, впрочем, и остальные, относящиеся к другим сибирским крепостям. Для того чтобы убедиться в этом, сделаем небольшое отступление и обратимся вновь к историческим документам. Художникам экспедиции, занимавшимся «перспективным художеством», вменялось в обязанности зарисовывать все интересное. Для них была составлена специальная инструкция, в которой, в частности, были такие требования: «Ежели он какую землю малевать будет, то надлежит ему при светлой погоде по-всякий день в назначенный час перед обедом на выбранное им тому место итти и рисование так

расположить, чтобы горизонт при том хорошо усмотрен быть мог, по сем надобно ему оной пункт прилежно примечать и со всяким тщанием того смотреть, чтоб все притом ясно рассмотреть можно было и того ради свои рисунки наипаче совершеннее и пространнее, нежели сокращенно делать, леса, поля, каменистые места, степи, строения, деревни, города, морские гавани, водные пороги и прочее тому подобное по надлежащим местам располагать и, следовательно, так делать, чтоб оные узнать можно. На переди должны на всю вышину рисования редкие и всегда такие деревья изображены быть, какие в которой стороне растут. При том надлежит ему все так расположить, чтоб одна треть воздуха, а две трети земли казалось»⁹⁹.

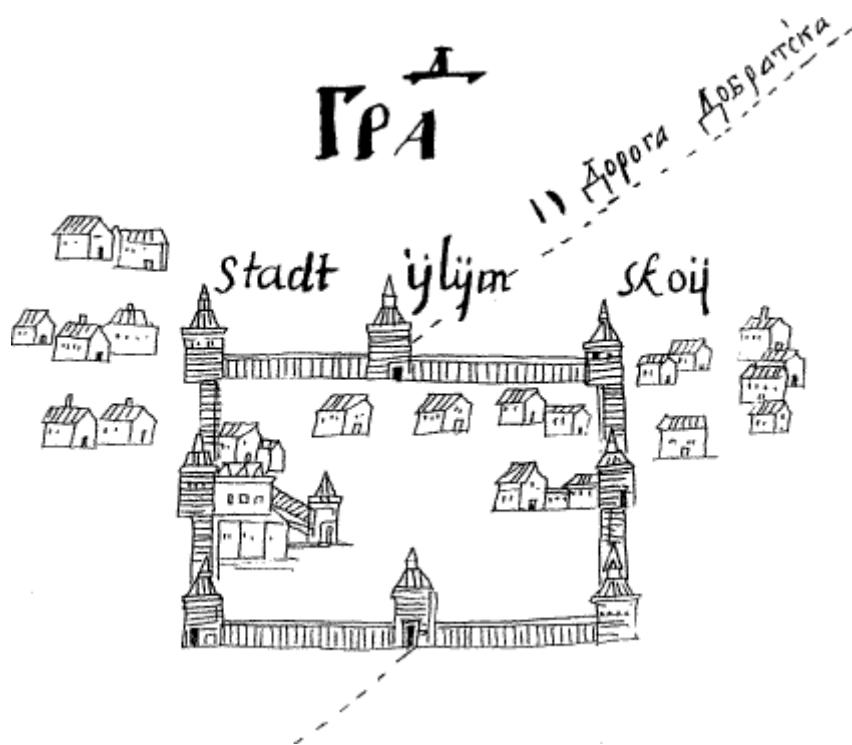
Строго выполняя инструкцию, художники, вне сомнения, стремились сделать как можно более достоверное изображение. Сравнивая сегодня эти панорамы-перспективы, или, как их еще называли, -проспекты, с планами, выполненными в то же время, мы поражаемся совпадению изображаемых объектов на тех и других чертежах-рисунках. То же самое можно сказать и о Новой Мангазее (ил. 112, 118). Пятибашенная крепость и комплекс из двух церквей и колокольни, расположенный перед проездной башней (вне стен города), показаны на панорамном рисунке в точном соответствии с планом.

Таким образом, разнообразные исторические документы, сохранившиеся в архивохранилищах страны, помогают нам составить представление о деревянных крепостях и заполнить недостающее звено в цепи общей картины развития русского деревянного зодчества. Наглядный пример тому - две Мангазейские крепости, при изучении которых был использован довольно большой арсенал средств: историческая литература, письменные архивные источники, графические материалы и натурные археологические исследования. Именно такой комплексный подход позволил заново открыть деревянный город Мангазею, пополнив тем самым скудные сведения о крепостном деревянном зодчестве.

* * *

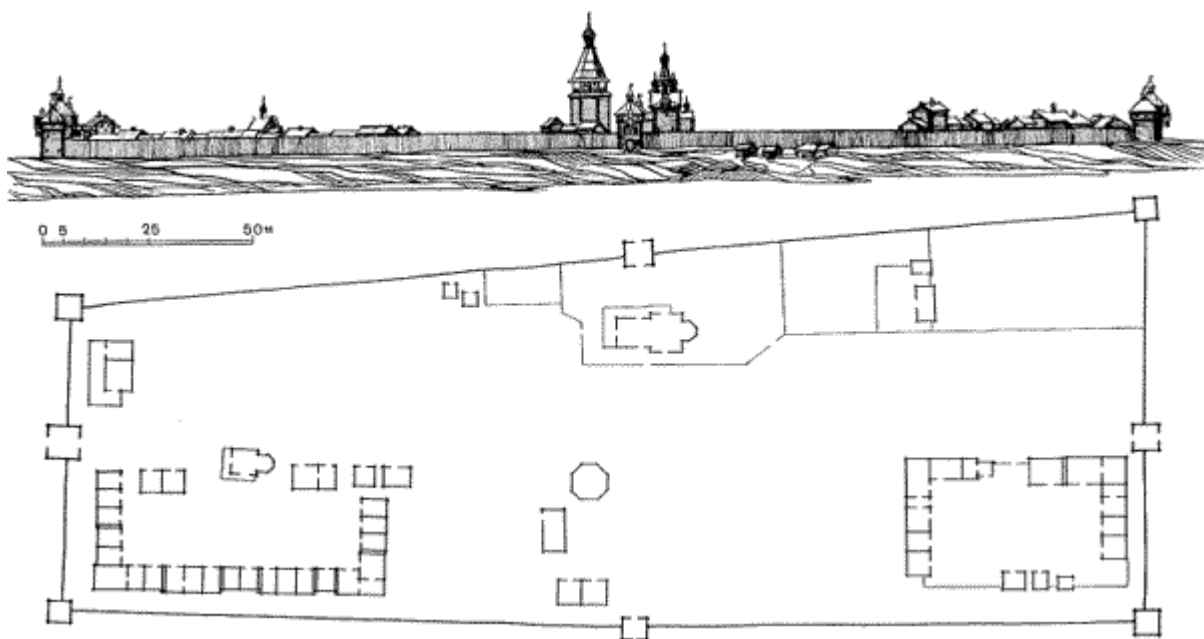
ИЛИМСКИЙ ОСТРОГ

XVII век

120. Изображение Илимска в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

Трудно представить в своем воображении Илимск, не зная его истории. «Кажется, невозможно вообразить, чтобы эта деревня могла быть когда-то одним из крупных административных центров Сибири, городом на оживленном и единственном пути из Руси на Дальний Восток. Еще меньше можно представить себе, что этот город - «град Илимск», «острог Илимской», был средоточием огромного воеводства, с территорией, немногим уступавшей пространству современной Иркутской области и превосходившей десяток среднерусских губерний»¹⁰⁰, - писал исследователь Сибири В. Н. Шерстобоев.

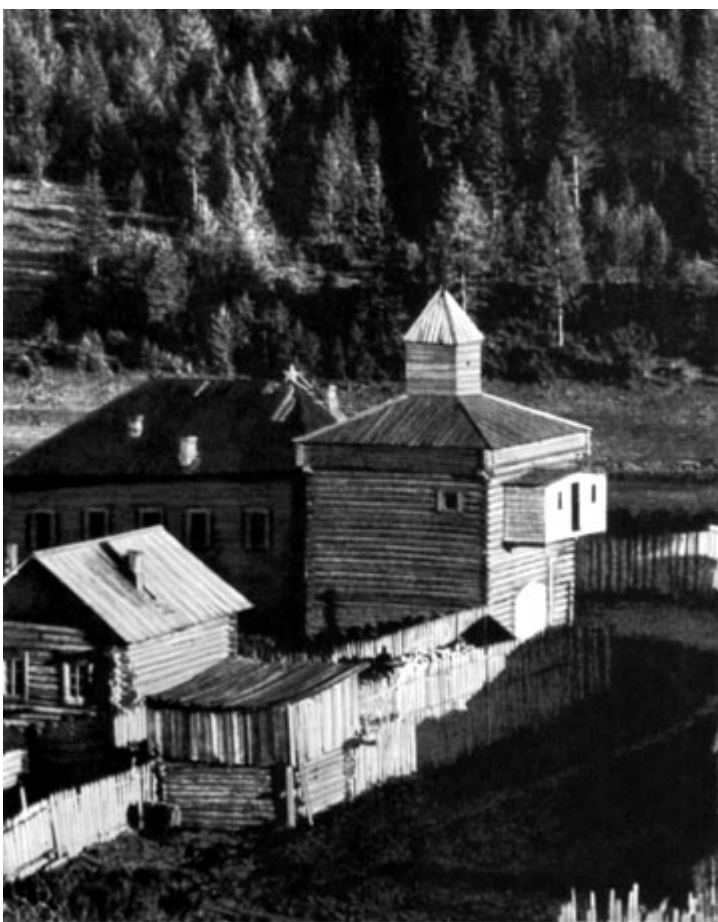

121. Общий вид острога. Реконструкция

Сегодня на месте бывшего острога и селения плещут волны Усть-Илимского водохранилища, а свидетели прошлой жизни Илимска, Спасская башня (ил. 122) и Казанская церковь, перевезены в «Ангарскую деревню» - музей деревянного зодчества

под открытым небом, что раскинулся вдоль берега Ангары в сорока семи километрах от Иркутска¹⁰¹.

Начало Илимского острога относится к 1630 году, когда енисейские служилые люди под руководством атамана Ивана Галкина поставили укрепленное зимовье на волоке при переходе с реки Илим на Лену. Через семнадцать лет на месте, зимовья вырос острог, а еще через два года он уже стал центром учрежденного правительством Илимского воеводства. Тимофей Шушерин, ставший первым воеводой Илимска, оставил нам и первое описание острога, сделанное им в 1649 году. В стенах, поставленных тыном, были срублены две башни - проезжая и глухая, а внутри крепости - Спасская церковь, воеводский двор, таможня, съезжая изба, хлебные, соляные и соболиные амбары, тюрьма, аманатская изба и ряд других построек. Общая длина стен вокруг острога составила чуть более двухсот пятидесяти метров.

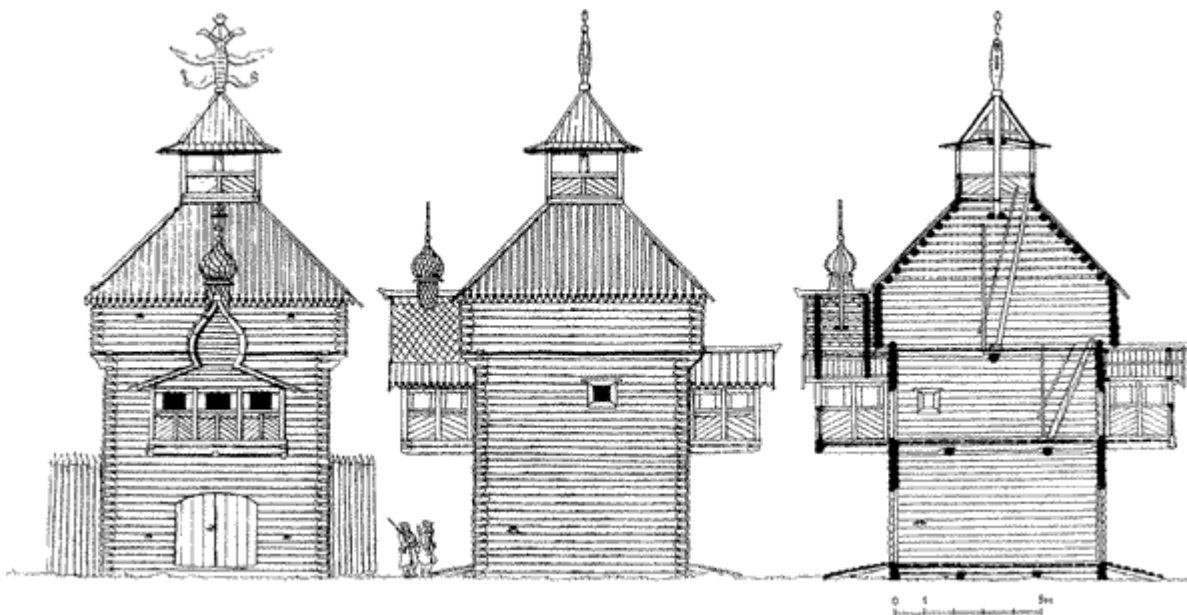

122. Вид острога. Фото В. Робинова

В 1666 году при сыне боярском А, Ларионове, временно исполнявшем обязанности воеводы, острог сгорел, и прибывший на службу новый воевода Оничков с грустью отписал царю: «... приехал я, холоп твой, в Ылимской на пустое илимское городище»¹⁰². Предстояло строительство. Анализ прежнего местоположения привел к выводу, что для острога «местишко малое, меж высокими каменными крутыми невъезжими горами, подле ручей»¹⁰³. Новое место для будущей крепости было выбрано в полутора километрах ниже по течению реки Илима. Составив смету и организовав зимой заготовку бревен, ровно через год после пожара, 21 июня 1667 года, воевода Оничков «острожное место очертил, и первую Спасскую большую башню того же числа заложил»¹⁰⁴.

Крепость срубили из сосновых бревен, с восемью башнями, три из которых были проезжими. Именно такой ее и изобразил С. У. Ремезов в своей книге (ил. 120). Длина стен крепости составляла 319 саженьей. Все строительство вел подьячий Никита Лазарев. Он же изготовил после окончания строительства чертеж крепости и отправил его в

Москву. К сожалению, как и многие другие чертежи того времени, он не дошел до нас. Острог 1667 года нам интересен более всего, потому что от него сохранилась ныне существующая проезжая Спасская башня, самая крупная и выразительная из всех восьми, являющаяся ныне главной достопримечательностью музея «Ангарская деревня» (ил. 123-125).

123. Проезжая башня. фасады, разрез. Реконструкция

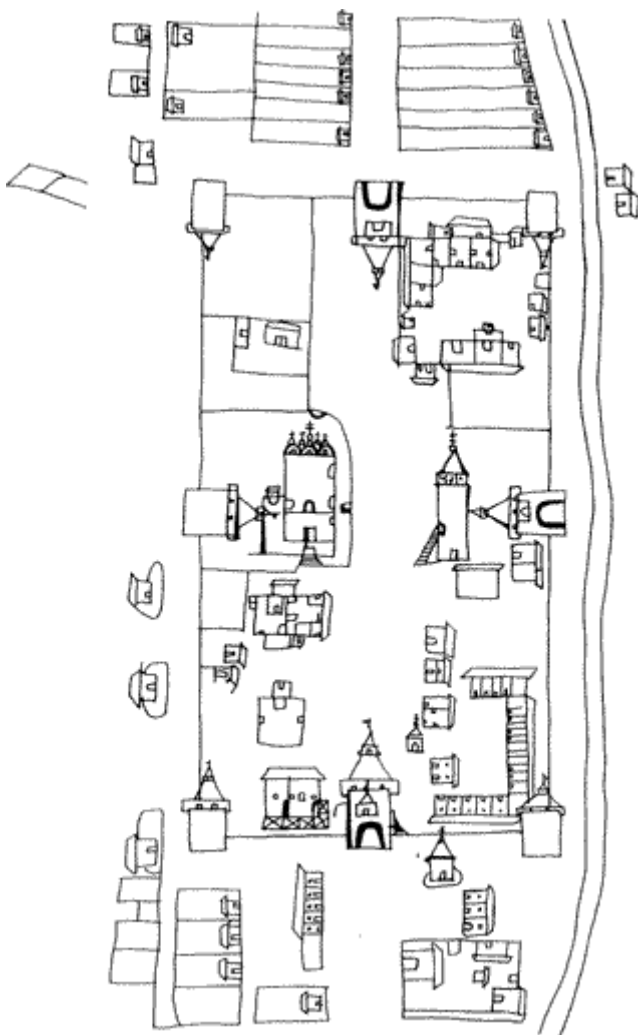
После строительства острога в 1667 году несколько раз подвергались ремонтам и перестройкам отдельные его части, в основном стены, о чем мы находим сведения в описях, составленных в разное время. Так, в описи 1694 года сообщается, что построен «новой острог против прежнего ж 333 сажени... а башни по тому острогу те ж, и вновь башен не прибавлено и не убавлено и не переставлены и не починиваны, только покрыты новым тесом»¹⁰⁵. Острог обрастал посадом, развивавшимся вдоль реки по обе стороны от крепости. Строился он своими силами. Воеводы стремились к тому, чтобы «острожная поставка и башенное и хоромное дело было не в тягость»¹⁰⁶ народу, поэтому ставили его «всяких чинов служилые люди» вместе с посадскими. Эта последняя перестройка острога была зафиксирована в 1703 году в подробнейшей описи, составленной при воеводе Качанове, а также в чертеже (ил. 126). Два отмеченных документа вместе с сохранившейся Спасской башней составляют ценнейший источник для изучения истории крепостного деревянного зодчества.

124, 125. Спасская башня

Что же представлял собой и как выглядел Илимский острог в XVII веке? «Опись Илимскому городовому и всякому строению» дает нам об этом вполне конкретное представление. Сама по себе опись очень подробна и охватывает не только крепостные сооружения, но и все остальные постройки. Приведем выдержки из описи, относящиеся непосредственно к крепости: «... с приезде в острог Спасская проездная башня - построена среди острожные стены - четыре сажени без аршина, другие стены - полу четыре сажени; до обломов 30 рядов, да обломов 8 рядов, рублена в лапу под скобель, вершена шатром с вышкою, крыта тесом, вышина башне до орла 8 сажен печатных. Снаружи за острогом часовня - у той башни на свесе, часовня вершена бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом... Да в остроге у той же башни другая часовня на свесе, крыта на обе стороны... Ход в часовню из острогу по лестнице. В башне ворота брусяные, створные, с калиткою»¹⁰⁷ (ил. 123-125).

126. План острога. 1702

Как видим, опись дает сведения не только о размерах башни, но и о способе ее устройства - «рублена в лапу под скобель», - расположении отдельных элементов (часовни, лестницы), типе ворот. Крепость представляла собой прямоугольник, вытянутый вдоль реки. В середине одной из коротких сторон этого четырехугольника («едучи из Енисейска с низу Илима реки») и была поставлена Спасская башня. От нее направо, по направлению к реке, до угловой башни расстояние равнялось 12 сажням, и, как сообщает опись, здесь «острогу стоит 115 тынин». Эта угловая башня имела в плане квадратную форму со стороной «по 3 сажени без полуаршина», ее сруб поднимался вверх на тридцать венцов, над срубом нависал облам из десяти венцов, завершенный шатром со смотровой вышкой. Вдоль береговой стены до проезжей Богоявленской башни в стене стояло 648 тынин, что соответствовало 61 сажени. По размерам она была такой же, как и предыдущая угловая, только сруб ее был на один венец выше, а облам на два венца ниже. Отличие состояло в том, что в этой башне имелись «ворота брусяные, проезжие», а над воротами с внешней стороны - «часовня на свесе». Вход в часовню осуществлялся непосредственно из башни по лестнице.

Далее вдоль стены до верхней наугольной береговой башни расстояние составляло 55,5 сажени (584 тынины «с столбами и переклады»). В непосредственной близости к этой угловой башне внутри острога, вплотную к крепостной стене, стоял воеводский двор, из которого в стене была сделана калитка «для взносу на воевоцкой двор из Ылиму реки воды»¹⁰⁸. Верхняя угловая башня была на семь венцов (вместе с облагом) ниже предыдущих. Внутри нее были устроены два моста с лестницами. В середине поперечной стены располагалась Введенская проезжая башня с воротами и калиткой. Имея квадратный план (3x3 сажени), она мало чем отличалась от других проездных башен,

была вершена шатром с вышкой, покрыта тесом¹⁰⁹. За острогом, то есть с внешней стороны башни, имелась «на свесе часовня». В башне - три моста и две лестницы с рундуком. Общая длина поперечной стены между угловыми и средней, Введенской, башней составляла 41 сажень.

«... Башня наугольная нагорная, четверугольная, стены по 3 сажени без полуаршина. Вверх до обломов 25 рядов, обломов 6 рядов; вершена шатром с вышкой, покрыта тесом. В ней два моста»¹¹⁰. Из всех восьми башен эта была самой маленькой: вместе с обломом - тридцать один венец. Две остальные башни нагорной острожной стены (средняя и угловая) были совершенно одинаковыми: в плане 2,5х2. 5 сажени, сруб до обломов из тридцати одного венца и шести венцов облама. Но одинаковое количество венцов в башнях еще не означает одинаковость их высоты. Так и здесь: высота угловой башни была на полсажени меньше, чем средней. В связи с этим внутри у нее имелось не три, а два моста.

От башни к башне, от прясла к пряслу опись снова подводит нас к Спасской башне, замыкая четырехугольник крепости. Таким образом, судя по описи, «вкруг всего острогу длинных и поперешных стен мерою 333 сажени печатных. Кругом всего острогу стоит 2961 тынина с столбами и переклады»¹¹¹ - так заканчивается описание в историческом документе крепостных сооружений Илимска.

Интересно посмотреть структуру внутренней планировки крепости на плане, составленном в 1702 году (ил. 126). Острог имеет двухчастное деление: в западной его части размещались казенные сооружения, а всю восточную часть занимал воеводский двор. Проездные башни поперечных стен крепости объединены большой проходной площадью, по краям которой, напротив средних башен, поставленных в продольных острожных стенах, возвышалась Спасская церковь и колокольня. Справа при входе через главную проездную башню, охватывая угол крепости, размещался гостинный двор. Крыши амбаров, казенных домов и других построек возвышались из-за острожных стен, создавая своеобразный фон для композиционного и смыслового центра крепости - колокольни с церковью. Великолепно крепость воспринималась с реки, на фоне высоких, покрытых густым лесом холмов.

Сохранившийся чертеж Илимска показывает, хотя и в очень схематическом виде, что собой представляли все постройки в архитектурном плане. Он не повторяет росписной список, а дополняет и расширяет его данные. Из чертежа видно, какую форму имели шатры башен, и особенно на интересующей нас Спасской проезжей, так как известно, что именно этот элемент в ней подвергся сильным искажениям, в связи с чем общая высота башни «до орла» уменьшилась более чем на пять метров. Кроме того, что были утрачены четыре нижних венца сруба, основное уменьшение высоты произошло за счет устройства шатра более пологой формы. Все эти изменения сильно исказили пропорции башни, сделав ее более приземистой и менее выразительной. Данные росписного списка относительно количества венцов этой башни и высоты основных ее элементов настолько подробны, что послужили ценнейшим источником при ее реконструкции.

Подробные натурные исследования на месте Илимского острога, включая и археологические раскопки, проводились в 1967-1975 годах¹¹². Были изучены следы всех острожных стен, найдены нижние венцы нескольких башен, а также хорошо сохранившиеся остатки укрепленной обрубам береговой полосы, названной «набережной». Многочисленные находки, обнаруженные археологами, открывают мир прошлого, помогая «войти» в него и познакомиться с бытом и культурой наших предков.

Спасская проездная башня Илимского острога представляет собой один из замечательных памятников оборонного зодчества. Однотипность ее с другими сохранившимися башнями касается лишь общей композиции, в деталях же она, как, впрочем, и все остальные, имеет особенности, присущие только ей одной. И особенности эти, надо думать, - следствие почерка мастеров-плотников, возводивших Илимскую

крепость. Мы можем сегодня только гадать, чем руководствовались они, выбирая те или иные пропорции, но наверняка можем утверждать, что понятие «как мера и красота скажут» было совсем не чуждо им. Они великолепно чувствовали красоту природы, пейзажа, окружающего город, который они строили, и вносили в постройку коррективы, делавшие город слитным и неразрывным с окружающей природной средой.

* * *

БРАТСКИЙ ОСТРОГ

XVII век

«... Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Много мышей было, я их скуфьею бил, - и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей много было. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» - да сила божия возбранила, - велено терпеть»¹¹³ - так описывал протопоп Аввакум свое безрадостное пребывание в Братском остроге зимой 1656/57 года. К этому времени основанный в 1631 году Максимом Перфильевым на реке Ангаре у Падунского порога острог уже был перенесен на новое место, к устью реки Оки, и поставлен у впадения ее в Ангару. В «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова на разных ее листах имеется несколько изображений Братского острога. Основываясь на этих изображениях, более поздних описаниях (И. -Г. Гмелин, Ф. Ф. Ласковский, И. И. Воротников, Н. В. Султанов) и, самое главное, на сохранившихся в натуре двух башнях, можно получить довольно точное представление и о самом остроге и об устройстве его башен.

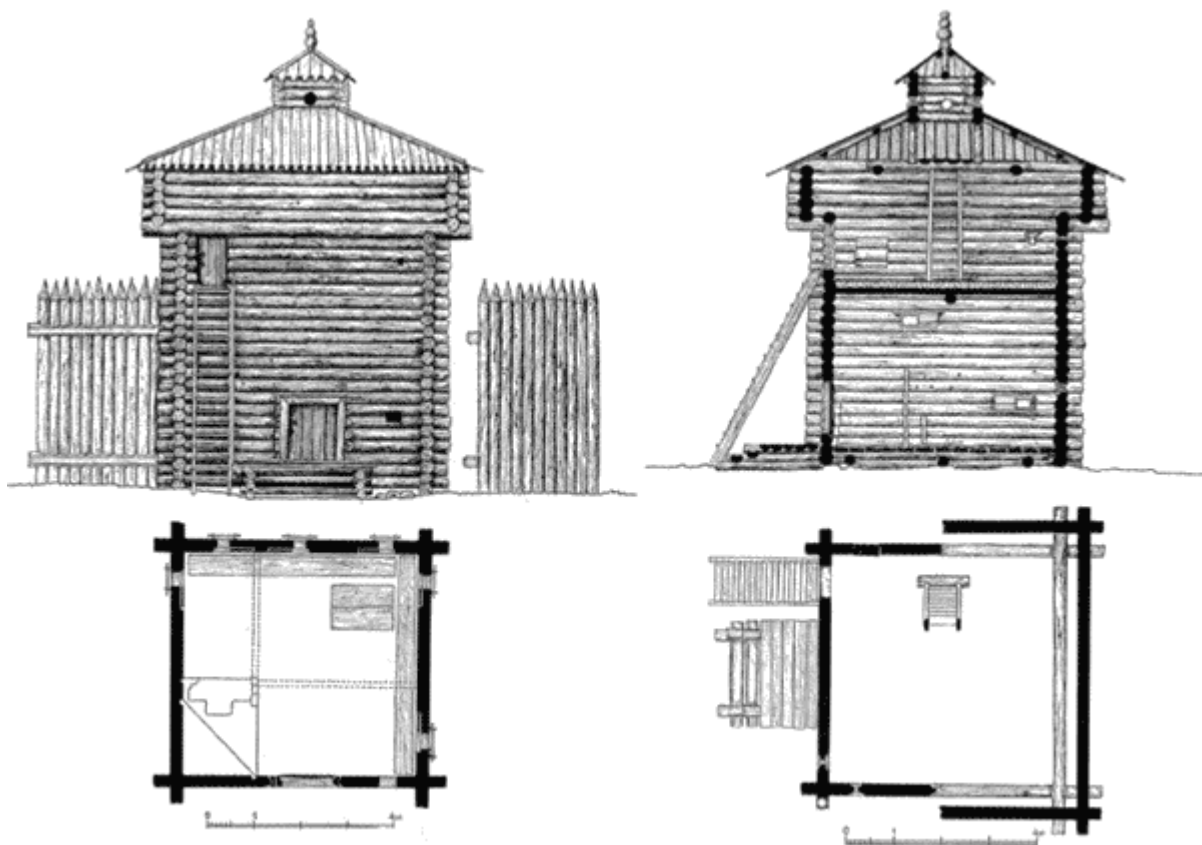

127. Угол сруба юго-западной башни

128. Северо-западная башня

В имеющейся литературе о Братском остроге очень много противоречивых сведений, особенно в описаниях дореволюционного периода. Однако детальные натурные исследования, проведенные в советское время, помогли в значительной степени привести в систему эти сведения и многое уточнить. Самое подробное и тщательное обследование, включая археологические раскопки, было проведено в 1957-1958 годах многочисленной группой археологов, этнографов и искусствоведов, занимавшихся изучением материальной культуры в зоне затопления Братской ГЭС. Тогда же был решен и вопрос о переносе братских башен в другое место.

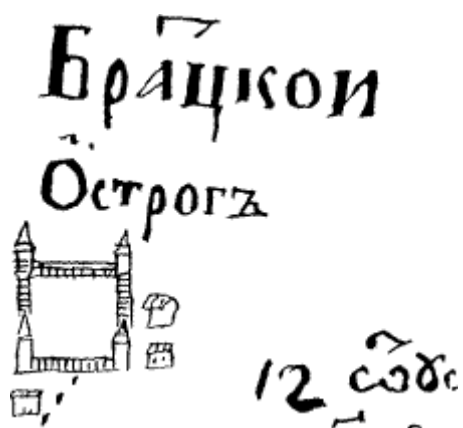

129. Северо-западная башня, фасад, разрез, планы двух ярусов. Обмер

Обследованные остатки Братского острога относятся уже к третьей крепости, построенной в 1654 году. При ее возведении часть сооружений была, видимо, перенесена со старого места, на что указывают существенные различия в конструкции обеих сохранившихся башен. Новый острог был поставлен на небольшом пригорке и имел «под тремя башнями три избы, четвертая порожняя да ворота проезжие. На воротах поставлена часовня да анбар новой рублен с перерубом трех сажен печатных»¹¹⁴. Наглядное изображение этой четырехбашенной крепости имеется в книге С. У. Ремезова (ил. 131). В своем донесении о проведенных в 1654 году работах Дмитрий Фирсов сделал краткое описание острога и сообщил его размеры: «... острог мерою поставлен, круг его сто двадцать сажен», не забыв назвать и имена мастеров: «... а в работе был у острога Иван Козьмин да Василий Хороший с товарищи»¹¹⁵.

130. Крыльцо и дверь северо-западной башни

131. Изображение Братского острога в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

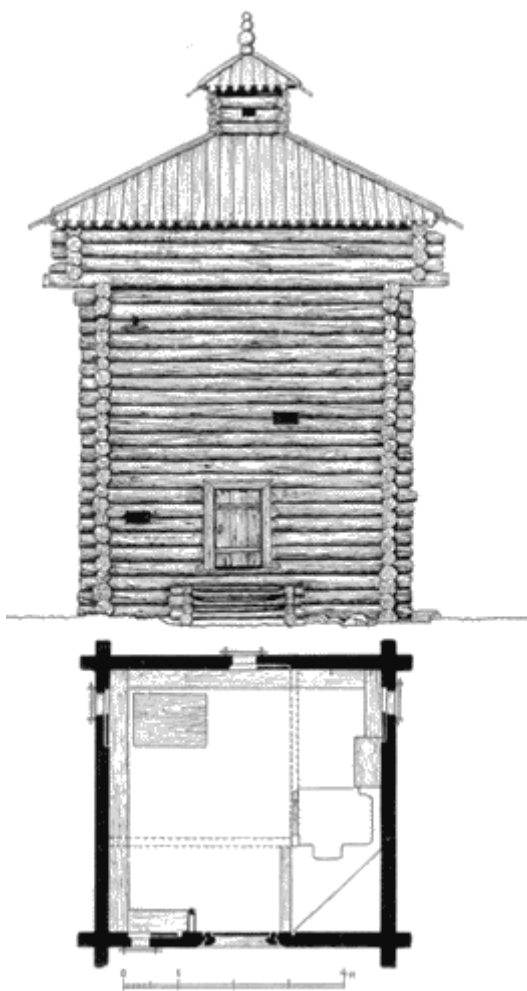
Острог имел квадратную в плане форму со стороной в тридцать саженей, с четырьмя башнями по углам. Расположенный в довольно равнинной местности, он занимал между тем очень удобное положение - недалеко от впадения реки Оки в Ангару. Реки, плодородные пашни и богатые окрестные леса способствовали превращению небольшого укрепления в развитое поселение, просуществовавшее более трех веков. Благоприятные условия для налаживания хозяйственной деятельности вокруг острога не раз отмечали его основатели и приказчики, и тот факт, что около острога было «земель пашенных добре много», не остался без внимания - Братский острог стал вскоре опорным пунктом в процессе дальнейшего освоения Прибайкалья.

132, 133. Юго-западная башня

После отписки Д. Фирсова ни в одном из последующих документов нет сведений о том, перестраивался ли острог заново. Наиболее подробные описи XVIII века упоминают уже только о двух острожных башнях и дают некоторые сведения о серьезных перестройках проездных ворот. Данные описей послужили основанием к тому, что вопрос этот больше не поднимался в исторической литературе. Однако археологические исследования 1957-1958 годов, и в частности поиски следов острожных стен, привели к тому, что раскопками были обнаружены остатки двух, а местами и трех рядов стен, расположенных параллельно друг другу на расстоянии около метра. По убеждению археолога А. В. Никитина, руководившего раскопками, это свидетельствует о существовании до постройки острога в 1654 году на его месте «каких-то других укреплений, погибших от пожара»¹¹⁶. Этим предположением дело, однако, и ограничилось.

134. Юго-западная башня. фасад, план. Обмер

Сложное переплетение самых разнообразных функций, выполняемых Братским острогом, нашло отражение в его подробном описании 1724 года, составленном после включения острога в состав Илимского воеводства. Опись появилась на свет во время передачи крепости И. Толстоуховым его преемнику, М. Ознобихину. Подчиняясь с момента основания Енисейскому воеводству, Братский острог в 1696 году обрел самостоятельность, став подотчетным непосредственно Сибирскому приказу, минуя Енисейск, что было оговорено и в царском указе: «... а енисейскому воеводе того Брацкого острогу ни в чем ведать не велено»¹¹⁷. Около тридцати лет продолжалось управление Братским острогом из Москвы. Очень рано утратив свои военно-оборонительные функции, он превратился в сельский погост, и две его оставшиеся башни постепенно ветшали, всеми забытые и брошенные. И все-таки судьба оказалась благосклонной к ним - ни у кого не поднялась рука «пустить красного петуха» или разобрать башни на дрова, как это случилось с остатками Якутской крепости, одной из выдающихся деревянных крепостей в Сибири.

Описание Братского острога, сделанное в 1724 году, довольно наглядно рисует то, что от него к этому времени осталось: «Острог мерою в четырех стенах 120 сажен. Около острогу надолбы ветхие. В нагорную сторону по углам того острогу 2 башни на жилых избах... В решную сторону того же острога проезжие ворота, у тех ворот запор железный. А на тех воротах построен казенный анбар, где бывает яшная и денежная и товарная всякая казна... Около того анбару перила, забраны с трех сторон досками в косяк, покрыты тесом. А на тех перилах с двух сторон створные двери на крюках железных... В стене острожной в нутрянную сторону в углу приказная изба старого строения без анбара и без сеней... В остроге 3 анбара ветхие, крыты драньем... В остроге ж 2 погреба, в том числе один с выходом, ветхой, другой зелейной, творило выкладено кирпичем... Над ним покрыт

сарай тесом. Две лавки с перерубами, у перерубов двери особые, без замков... По верхнюю сторону острога 2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою, крыты тесом в зубец, под одной кровлей ... семеры двери, 4 оконницы. На задворье башня ветхая, да анбар ветхой, крыты драньем.

За острогом у Оки реки на угоре две государевы житницы, без замков, ветхие, крыты драньем. Выше Брацкого острогу вверх по Оке, на Черной речке государева мельница ветхая... В Брацком остроге в Нижнем посаде изба ветхая с клетью и с сеньем, в которой преж сего живали приказной избы подьячие»¹¹⁸.

При всем сходстве с башнями других сибирских крепостей башни Братского острога имеют одну существенную особенность: кроме оборонительных они с самого начала выполняли функции жилых помещений. Такое разделение функций нашло четкое отражение в структуре башен и их конструктивном устройстве. Во-первых, особо следует отметить различие между самими башнями. Это различие касается способа рубки (укладки) венцов сруба. В северо-западной башне выемка паза производилась в верхней части каждого венца (ил. 128), а в юго-западной - в нижней части, способом, более распространенным в русском деревянном зодчестве XVI-XVII веков. Сегодня мы имеем лишь несколько памятников деревянного зодчества, срубы которых сложены более древним способом - с выемкой паза в верхней части венца. Этот древний способ оказался непрактичным, а потому не получил широкого распространения. Дело в том, что такой паз, располагаясь в верхней части венца, представлял собой своеобразный лоток и вода, попадая в него, служила причиной быстрого загнивания бревен.

Второе отличие уже характерно для обеих братских башен и касается устройства нижней части их срубов. Первые этажи башен были изолированы от вторых и предназначались для проживания казаков. Причем таковыми башни были с самого начала их строительства. Первый этаж башен утеплен (между венцами проложен слой мха), а второй - нет. Междуэтажное перекрытие представляет собой сплошной бревенчатый настил, утепленный глиной и слоем земли. Внутри изб располагались печи, топившиеся по-черному. О том, что в башнях деревянных крепостей совмещались различные функции, в том числе военно-оборонительные и жилые, нам известно из многих письменных источников. Но если относительно других крепостей мы об этом знаем только лишь по документам, то башни Братского острога демонстрируют это сами, и в этом их непреходящая ценность и основная особенность.

Северо-западная башня (ил. 128-130) была в 1959 году перевезена и установлена в селе Коломенском под Москвой, а юго-западная - на территории Братской ГЭС (ил. 127. 132-134). Обе башни идентичны: прямоугольные в плане срубы размером 5,2х4,9 м, поднимавшиеся на высоту 4,5 м. Над срубом нависал облам высотой 1,3м. В процессе сборки башен на новых местах были восстановлены их утраченные элементы - в частности, нижние четыре венца сруба, обнаруженные раскопками в земле, крыльцо и лестница на второй ярус. Восстановлены были и дозорные вышки.

Таким образом, проведенное комплексное исследование остатков Братского острога позволило на вполне достоверной основе выполнить реконструкцию этого уникального памятника крепостного деревянного зодчества, восстановив архитектурный облик двух его башен, и осуществить мероприятия по их дальнейшему сохранению.

* * *

ИРКУТСК

XVII век

Основанный небольшой крепостью, Иркутский острог уже к 1670 году «погнил и развалился» и в случае нападения в нем «служилым и ясачным людям и пашенным крестьянам з женами и з детьми вместитца было негде»¹¹⁹. С самого начала острог строился трудно. Основатель его, енисейский сын боярский Яков Иванович Похабов, писал летом 1661 года в Енисейск воеводе И. И. Ржевскому: «... июля в шестой день против Иркута реки на Верхоленской стороне государев новой острог служилыми людьми ставлю, и башни и потолок срублены и государев житный анбар служилые люди рубят, а на анбаре башня, а острог не ставлен, потому что слег недостает, лесу близко нет, лес удален от реки»¹²⁰. При выборе места для крепости предпочтение было отдано другим факторам, и свой выбор Похабов объяснил тем, что «тут место самое лучшее, угожее для пашен и скотинной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко»¹²¹.

135 Изображение Иркутска в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

136 Вид Иркутска. фрагмент рисунка И. Люрсениуса. XVIII в.

Через год после основания острог стал именоваться Иркутским - по названию реки, устья которой он находился. Небольшой по размерам (9x8 сажений), острог не мог долгое время оставаться таким, поэтому после 1670 года он, значительно расширяется и заново перестраивается. Правда, стены его по-прежнему остаются тыновыми. Периметр новой крепости составил 200 сажений. В плане она представляла собой квадрат. Енисейские плотники Федор Хлызов, Трифон Никифоров, Григорий Шукин, Иван Родионов и Семен Яковлев под руководством «служилого человека» Андрея Барнешлева срубили великолепную по красоте крепость-острог.

139 Глухая башня. XVII в. Литография Б. И. Лебединского. 1929

Через три года, проезжая с миссией в Китай, известный дипломат-посланник Николай Спафарий с удивлением и восторгом отметил, что «острог строением зело хорош»¹²². История сохранила нам не только восторженное замечание ученого-путешественника, но и подробное описание самого острога, сделанное Андреем Барнешлевым. Описаний, подобных этому, не столь уж много сохранилось от прошлых времен. Более того, данное описание стало известным не так давно, поэтому имеет смысл привести его здесь чуть более подробно¹²³.

Излагая в начале отписки цель постройки острога, А. Барнешлев сообщал, что 1 сентября 1670 года он возле Ангары пониже устья Иркуты-реки, вниз по Ангаре на правой стороне «новой Иркутской острог поставил: мерою того острогу длиннику и поперешнику по пятидесяти сажень печатных в стене и всего, государь, мерою Иркутской острог в стенах, кроме башен, двести сажень печатных, а острожины поставлены длиною (высотой. - Н. К.) по три сажени печатных с аршином, да от Ангары реки на передней острожной стене сверху на углу башня о трех жильях снизу анбары, над анбары горница, над горницею развал с жильем, над развалом вышка с перилами и подле той башни двор, где живут приказные люди, да на той же острожной стене в середине башня Спаская, под нею ворота проезжие, над ворота анбар казенной, над анбаром развал з жильем, над развалом вышка с перилами, да у той же, государь, башни с острожную сторону зделан предел, а в пределе стоят нерукотворный образ господа бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, а с переднюю сторону от Ангары реки предел, а в пределе стоят образ знамение Богородицы, на нижнем углу той острожной стены башня, снизу казачья изба, над избою анбар, над анбаром развал с жильем, над развалом вышка с перилы. И те, государь, все три башни з боями крыты тесом, вышина башням по девять сажень печатных с аршином, а на горной, государь, острожной стене с верхнюю сторону на углу башня, сысподи изба казачья, в середине острожной стены проезжая башня с ворота, над ворота анбары, над анбаром развал с жильем, поверх развалу вышка, а на нижнем углу острожной стены башня, снизу

изба казачья, над избою развал з житьем, над развалом вышка, а те, государь, башни крыты тесом, а вышина тем башням по осьми сажень печатных с верхними и средними и нижними боями. И кругом башен для вылазов и для очищенья башен и острогу построены по углам острожные выводы з боями. А на верхней острожной стене в середине построен анбар о трех жильях для збору десятинных хлеба, на нижней острожной стене в середине ворота проезжие в посад, над вороты анбар з боем. Да в остроге же, государь, поставлена изба для стенного караулу, да в том же остроге поставлен анбар, под ним погреб с выходом для твоей государевы зелейной пороховой и свинцовой казны, а около того острогу поставлены надолбы мерою четьреста сажень»¹²⁴.

Само по себе описание, в общем-то, дает не много сведений о конструктивном устройстве крепости. Здесь даже нет размеров башен в плане, поэтому выполнить их графическую реконструкцию по одним лишь высотам практически невозможно. Но недостающую информацию, необходимую для графического воссоздания острога, можно получить в последующих описаниях. Ценность и уникальность этого документа заключается в другом. В данном случае мы имеем довольно подробное описание башен, которые кроме своих непосредственных функций выполняли еще и функции жилых и хозяйственных помещений, причем не отдельные, а все башни острога, включая и проезжие.

140 Сергиевская башня. XVII в. Литография Б. И. Лебединского. 1929

Иркутск стал центром самостоятельного воеводства в 1682 году, а через четыре года был возведен в ранг города, получив в 1690 году свой герб и печать. Это обстоятельство послужило основанием очередной перестройки крепости, наглядное представление о которой дают сохранившиеся исторические документы.

Принимая летом 1697 года у воеводы Афанасия Савелова «Иркуцкий рубленый город», малолетний Николай Полтев (сын погибшего по дороге в Иркутск нового воеводы, Семена Полтева) с приставленным к нему «мирским советом» сыном боярским Иваном Максимовичем Перфильевым приняли и «городовые ключи и всякую великого государя городовую казну и снаряд, пушки и разное ружье, хлебные и пушечные запасы, порох и свинец»¹²⁵. Тогда же, согласно установленному правилу, было составлено новое описание крепости.

Иркутск имел в это время размеры «в длину и ширину по 60 сажень, крыт тесом, в вышину до обламов 21 венец, обламов 5 венцов, по городу строенья 6 башен новых в вышину до обламов по 40 венцов, обламов по 6 венцов, в том числе 4 башни четьреугольные, пятая проезжая 8-угольная вверх о трех уступах большая, да башня ж 4-угольная проезжая с мосты»¹²⁶.

Таким образом, мы видим, что габариты крепости изменились по крайней мере в третий раз. Город рос, увеличиваясь в своих размерах, постепенно обрастая с трех сторон развитым посадом. К сожалению, все первые описания Иркутска не могут быть подкреплены подлинными чертежами, хотя они и составлялись. Так, в своей челобитной известный нам Андрей Барнешлев сделал такую приписку: «Да тому ж, государь, новому Иркуцкому острогу, написав подлинный чертеж, я, холоп твой, в Енисейском остроге в съезжей избе стольнику и воеводе Кирилу Аристарховичу Яковлеву подал, чтоб для ведома послать тебе, великому государю к Москве»¹²⁷.

Вполне возможно, что и этот чертеж вместе с описанием послужил основой при выполнении С. У. Ремезовым «Чертежа земли Иркуцкого града» для «Чертежной книги Сибири». Кроме того, после постройки в 1693 году воеводой И. Гагариным «в Иркуцке деревянного города со всяким городовым строением, с башнями, и с вороты, и с верхними и серединными и подошвенными боями»¹²⁸ в Москву через Енисейск вместе с отчетом о строительстве был также отправлен чертеж. Нет, не оставила нам история этих ценнейших сейчас документов.

Сопоставляя цитированные выше документы с изображением Иркутска у Ремезова (ил. 135) и сравнивая это изображение с другими, приходишь к убеждению, что именно чертежи с мест послужили основным графическим материалом для «Чертежной книги Сибири». Изображения большинства населенных мест в книге индивидуальны и, надо полагать, строго документированы. Довольно наглядно и убедительно это можно проследить на Иркутске. Обратимся снова к описям, в которых кроме описания башен и стен даются также описания и других построек. Так, в острожной стене была поставлена приказная изба (на рисунке Ремезова - слева внизу между двумя башнями), «а посреди острога церковь во имя нерукотворного образа господа нашего Иисуса Христа, да в пределе Николы Чудотворца, а под папертью кругом 6 лавок о 2 житья; колокольня новая рубленая шатровая с переходы, а под нею 4 лавки да анбар церковный; в остроге же анбар житничный об одном житье, крыт тесом. В острожной же стене государев двор, где живут иркуцкие воеводы, две горницы, одна под башней, а другая на жилом подклете»¹²⁹. И церковь с шатровой башней и государев воеводский двор изображены (в правом нижнем углу рисунка, в стене) в соответствии с описанием и, надо полагать, с присланными из Иркутска чертежами. При всей схематичности ремезовского изображения Иркутска чертеж в совокупности с подробными описаниями предстает бесценным дополнительным источником при выявлении характеристики этой крепости.

141 Улица старого Иркутска. Литография Б. И. Лебединского. 1929

Любопытно будет проследить, как изменялись конфигурация и размеры крепости на разных этапах ее развития, тем более что исторические документы позволяют это сделать. Изменение размеров Иркутского острога происходило под воздействием тех условий, в которых он развивался. Далеко не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что Иркутск уже к концу XVII века постепенно превратился, по словам сибирского историка Ф. А. Кудрявцева, в торгово-складскую, продовольственную и военно-административную базу для целого потока людей, переселявшихся с запада на восток. Достаточно сказать, что в самом Иркутске в 80-е годы XVII века поселились на жительство выходцы из Москвы, Пскова, Переславля-Залесского, Пинеги, Устюга Великого, Мезени, Соли Вычегодской, Шацка и других мест. Такой бурный приток населения обусловил и рост посада, и расширение крепости. Сохранилось интереснейшее замечание, в котором сделана попытка объяснить этот приток населения: «А как стал город несколько известен как по хорошему местоположению, так и по всем выгодам жителей, а особливо по сей славе, будто прежде соболей иркуцкие женщины били коромыслами: от сего с разных сторон число жителей умножилось»¹³⁰.

Очередная перестройка крепости в 1693 году изменила и конструкцию стен: вместо тыновых они стали срубными. Правда, ни в одном документе не говорится, какой конкретно конструкции - в виде городней или тарас. Некоторый свет на этот счет проливают изображения Иркутска у Ремезова, а также панорамный рисунок «Вид города Иркутска», сделанный художником экспедиции Г. Ф. Миллера И. Люрсениусом (ил. 136). На всех рисунках конструкция стены более всего напоминает тарасы. Нет никаких сведений и о том, были ли срубные ячейки стен заполнены землей или камнями. Скорее всего, нет, так как в отсутствие военных действий крепость выполняла свою функцию символически и не подвергалась осадам и пушечным ударам. Но строилась она по всем правилам военного искусства - с верхними, средними и «подошвенными» боями.

В Иркутске очень ярко была воплощена основная особенность сибирских крепостей ~ сочетание в постройках военного назначения одновременно нескольких функций. Кроме того, здесь мы видим включение в систему оборонительных стен различных гражданских и культовых построек. И описи и рисунки иллюстрируют это достаточно хорошо.

В острожной стене, как свидетельствует опись 1684 года, находился государев воеводский двор, изба для воеводских людей, амбар, погреб с ледником, поварня, мыльня. Позднее здесь появилась деревянная приказная изба на подклете, взамен которой в начале

XVIII века была поставлена каменная, а в противоположной от нее стене в 1706-1710 годах построена, тоже каменная. Спасская церковь. Таким образом, силуэт крепостных сооружений существенным образом изменился, дополненный гражданскими и культовыми постройками, и приобрел характерную выразительность. Располагаясь на фоне однообразной и плотной застройки посада. Иркутская крепость занимала доминирующее положение, гармонируя с рельефом местности, изгибами рек и силуэтом гор на горизонте.

В 1729 году М. Зиновьевым был выполнен схематичный план Иркутска, уже много раз публиковавшийся в исторической литературе. На плане кроме крепости показано ограждение посада, сделанное в 1728 году. К этому времени изменилась и конфигурация крепости, что было вызвано пожаром 1716 года, который уничтожил часть городских стен. Через несколько лет члены Второй Камчатской экспедиции во главе с Г. Ф. Миллером, прибывшие в Иркутск, сделали его описание, геодезическую съемку и панорамный рисунок.

Анализируя сделанный И. Люрсениусом рисунок города (ил. 136) и сравнивая его с одновременным ему планом (ил. 138), поражаешься точности, с какой они выполнены. На рисунке изображены все постройки, включая приделы, прирубы, навесные балконы и крыльца. Центром композиции в рисунке является группа, в которую входят самые высокие постройки: Богоявленская церковь с шатровой колокольней и восьмигранная проездная Сергиевская башня. В композицию панорамы включены также шатры и главы церквей, расположенных за пределами крепости в разных местах посада. Расстановка их хорошо показана на приведенном здесь плане. Крепость и посад надежно защищены рекой и острожной стеной, в которой были сделаны четырнадцать редутов и трое ворот: Монастырские, Мельничные и Заморские. Параллельно стене был выкопан ров и установлены рогатки. На плане представлены почти все укрепления, распространенные в крепостном деревянном зодчестве Сибири XVII века.

На ил. 137 приведен еще один малоизвестный, но чрезвычайно интересный, хотя и фрагментарный, план части Иркутска, выполненный в 1738 году. На этом плане детально показаны гостиный двор, Богоявленский собор с колокольней, таможня, торговые ряды (мясные, молочные), амбары и часть крепостной стены с тремя башнями. Казалось бы, что нового можно узнать, глядя на план? Оказывается, многое!

Во-первых, на нем с потрясающей для того времени подробностью показаны аксонометрические изображения и фасады гостиного двора, торговых рядов, таможни, изб и амбаров. Великолепно передан даже материал построек - камень и дерево. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, этот чертеж снимает вопрос о характере конструкции крепостной стены. Справа от средней башни стену расчленяют четыре вертикальные линии. Всего четыре линии, а как много они говорят! Так могли изобразить только тарасы. Дело в том, что при устройстве стены городнями поперечные стены срубов верхней части (обламов) были, как правило, наполовину сдвинуты по отношению к нижним срубам. Здесь же линия перерубов в нижней части совпадает с перерубами облама. Художник (или чертежник) даже не стал расчленять всю стену, он только показал нам способ ее конструктивного устройства.

И, наконец, последнее: на чертеже показаны абрис и устройство (обрамление косячными колодами) проездных ворот в средней башне. Это тоже новая и весьма ценная информация, несмотря на то, что масштабное соотношение ворот со стенами на чертеже не выдержано.

Попытки выполнить графическую реконструкцию Иркутского острога предпринял в 20-е годы XX века иркутский художник Б. И. Лебединский. Прекрасно понимая всю сложность предстоящей работы, он начал с поисков и изучения исторических документов. Архивные и археологические исследования, изучение в натуре всех сохранившихся башен сибирских острогов (в Бельске, Братске, Илимске) послужили тем фундаментом, на

котором и возник не потерявший до сих пор своей ценности уникальный в своем роде альбом «Иркутский острог»¹³¹.

Кроме прекрасных литографий с видами Иркутска XVII века в альбом включены натурные зарисовки сохранившихся острожных башен и тот исторический текстовый материал, который послужил основой для рисунков. Следует отметить, что в реконструкциях Б. И. Лебединский опирался в основном на опись 1684 года. Судя по изображениям, ему не были знакомы панорамный рисунок И. Люрсениуса и те чертежи, о которых говорилось выше, - ни на одной из литографий нет самой интересной и выразительной восьмигранной проездной башни (ил. 139-141).

Хотя художник и стремился к исторической достоверности, ему не удалось избежать некоторых неточностей. Так (это хорошо видно на рисунке «Глухая башня»), он неверно изображает примыкание крепостных стен к башне (ил. 139). Как правило, башня в большей степени должна выступать наружу, чтобы с нее в случае необходимости можно было вести обстрел вдоль стен, поэтому угла башни, довольно сильно выступающего внутрь крепости, практически не должно быть видно. На этой же литографии художник показал нависание верхней части стен (облам?), которого также не должно быть внутри крепости. Облам у стен делался только снаружи. Разумеется, художник имеет право на художественный вымысел, но, когда сообщается, что выполнялось подробное историческое исследование, необходимо придерживаться правды во всем и до конца.

Деревянная крепость с оставшимися четырьмя башнями сохранялась в Иркутске вплоть до конца XVIII века, хотя уже давно не выполняла своих функций, так как надобность в крепости отпала. Вызывавшее некогда восторг и уважение сооружение превратилось в «ветхое деревянное крепостное строение, которое было подвержено совершенной гнилости и время от времени разваливалось и безобразило собою все окружающее место»¹³². Такую уничтожающую характеристику крепости дал в конце 90-х годов XVIII века иркутский военный губернатор Лещано, приказав сломать остатки острога и очистить место, на котором он стоял.

Так завершилась почти полуторавековая история деревянной Иркутской крепости, положившей начало одному из красивейших ныне городов Сибири.

* * *

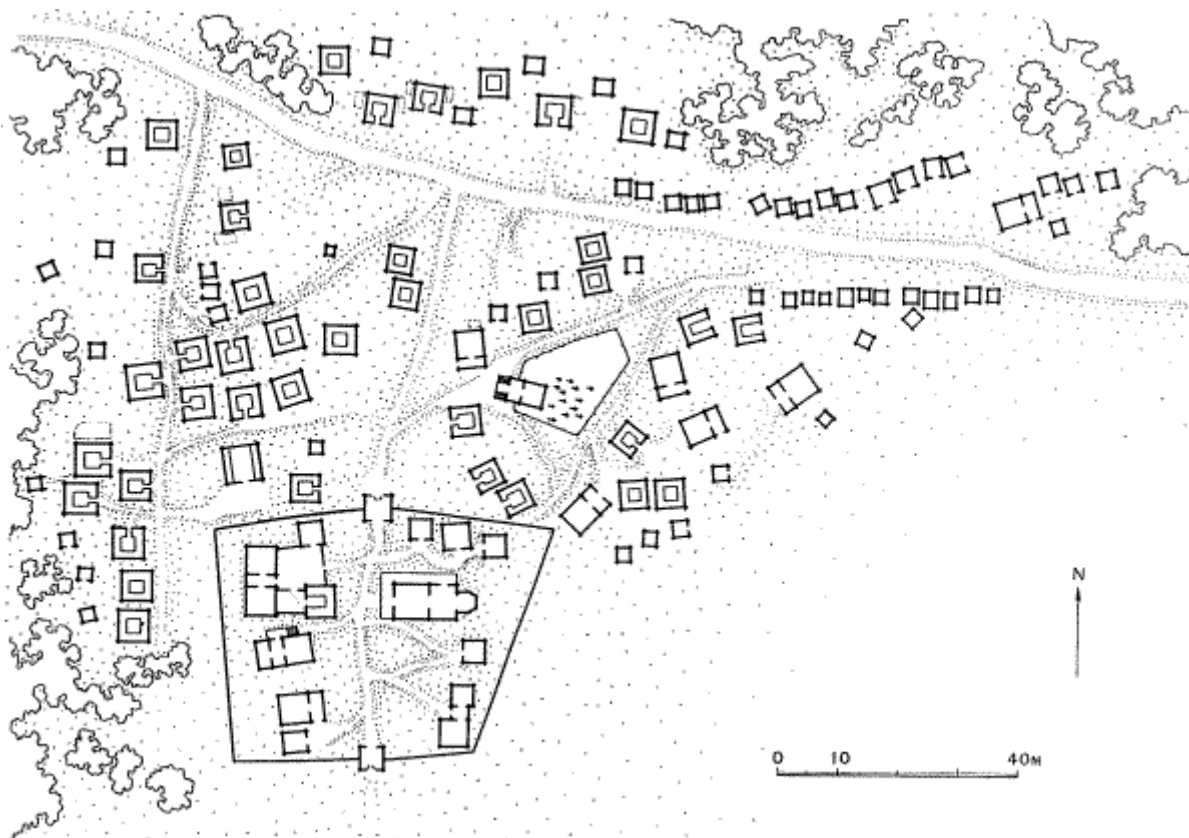
ЮИЛЬСКИЙ (КАЗЫМСКИЙ) ОСТРОГ

XVIII век

142. Первое изображение Казымского городка. С рисунка Н. Шахова. XIX в.

Исследованные недавно башни Юильского острога на реке Казым позволяют не только расширить наши представления о деревянных крепостях, но и проследить традиции и единство композиционных и строительных приемов, существовавших в древнерусском зодчестве. Сохранившиеся две башни и некоторые другие постройки острога свидетельствуют о воплощении здесь всего богатства и разнообразия приемов русской деревянной архитектуры, выработанных веками и передаваемых из поколения в поколение руками мастеров-плотников. Обследование и анализ острога дают богатый материал, наглядно подтверждающий также влияние этих традиций на архитектуру местных сибирских народов.

143. Генплан острога. Обмер-реконструкция А. В. Ополовникова и Н. П. Крадина

Детальное изучение остатков острога позволяет ввести в научный обиход новые, ранее неизвестные документы и материалы, полученные в результате обмеров и проекта реконструкции. Натурное обследование, выполненное автором, базируется на широком привлечении литературных и археологических материалов, относящихся к острогу.

Первые упоминания о «хантском граде» Казыме встречаются в летописном первоисточнике XVI века и в архивных документах, сохранившихся от XVII века. Например, о попытке покорения в марте 1582 года казымских городков Ермаком сообщает «Краткая сибирская летопись», а в государевой грамоте 1607 года в Березов воеводе Петру Черкасскому есть упоминание о том, что «кунная самоядь приходит с нашим ясаком в Казым»¹³³. Это значит, что уже в начале XVII века на Казыме существовал сборный ясачный пункт.

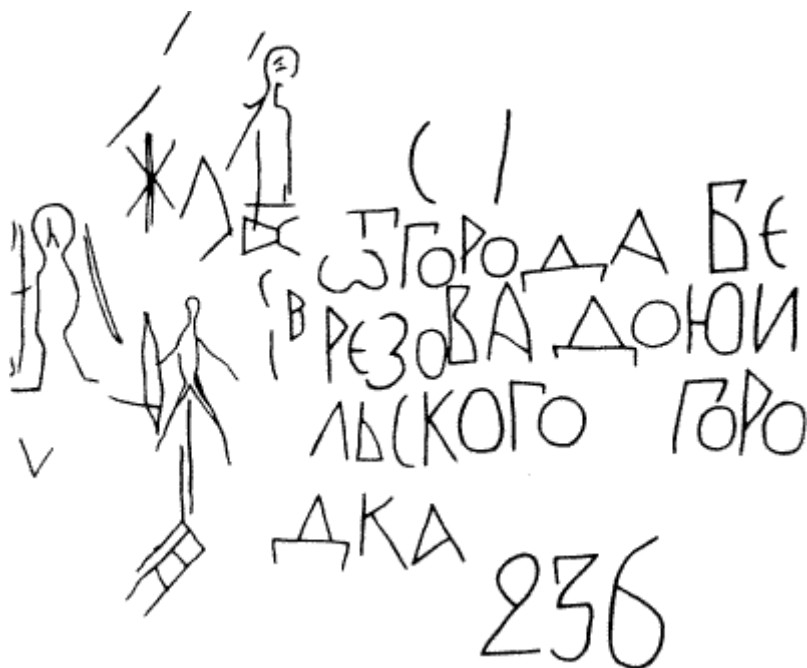

144. Северная башня

145. Южная башня

О существовании острога на Казыме свидетельствуют и источники XVIII века. Так, в 1748 году Березовская воеводская канцелярия доносила в высшие инстанции о количестве расквартированных казаков «у содержания острогов для охранения ясашных остяков от воровской самояди»¹³⁴ и отмечала, в частности, что в Казымском остроге находятся четыре казака. Из этого документа мы узнаем о существовании на Казыме не отвлеченного укрепленного пункта, а вполне конкретного - острога.

146. Надпись на створке ворот Северной башни. Обмер

Самое раннее описание острога относится к первой половине XIX века. Зимой 1843 года на месте его развалин побывал Г. Шершеневич и сделал краткое описание и схематичные обмеры двух башен. В начале XX века некоторые новые данные о различных постройках острога на Казыме сообщил известный исследователь Сибири А. А. Дунин-Горкавич, а в 1914-1915 годах, путешествуя по Оби, Казыму и Тазу с целью пополнения своих зоологических коллекций и одновременно посещая остатки старинных городков и острогов, здесь побывал омский этнограф И. Н. Шухов. В отчетах о поездке он кратко описал и развалины Юильского острога. К середине XIX века относится также графическое изображение Казымского городка, выполненное художником-самоучкой Н. Шаховым (ил. 142). Ни один из исследователей не сообщает точной даты основания острога, но в своих предположениях все они сходятся на первой половине XVIII века. Решительному сомнению эту дату подвергал В. И. Кочедамов, также базировавшийся на предположениях. Между тем интерес к памятнику был возбужден, и экспедициями архитекторов и историков были выполнены детальные обмеры, фотографирование башен и других сооружений острога. Кроме того, удалось выявить и утраты, показывающие степень возможности восстановления острога в графической реконструкции.

147. Конструктивное устройство двери на деревянных пятах

148. Обвалившийся угол облама Северной башни

Четкое и достаточно полное представление о планировочной структуре острога дают остатки различных построек в виде бугров и ям, в которых сохранились нижние венцы бревен. Контуры крепостных стен прослеживаются по всему периметру, и точные их размеры были определены путем вскрытия верхнего слоя грунта (ил. 143).

В плане острог представляет собой четырехугольник, близкий по своим очертаниям к трапеции. Длина северной его стороны составляет 58 м, восточной и западной - 40 м, южной - 41 м. Тыновые стены из плотно пригнанных и заостренных сверху бревен диаметром 14-15 см поднимались на высоту более трех метров. В южной и северной стене находились две башни с воротами, причем створки ворот были устроены только с внешней стороны башен. Крепость располагалась чуть в стороне от дороги (зимника).

149. Южная башня во время обмера в 1969г.

150. Способ рубки угла Южной башни

Северная башня была несколько больших размеров, нежели Южная (ил. 144, 145). Очевидно, она была главной. На это указывает и такая деталь, как ворота. Ориентированные в сторону зимника, они имеют полуциркульные очертания, на левой створке их вырезаны изображения людей с луками в руках, нарты, какие-то знаки и надпись: «От города Березова до Юильского городка 236» (ил. 146). Дверные проемы без косячных колод. В каждой башне сохранилось по одной створке (ил. 147). Доски рублены топором и между собой скреплены брусками-шпонками. Нижние венцы башен положены на песчаный грунт. Толщина сосновых бревен срубов в среднем 18-20 см. Над срубом башни нависает облам, выдаваясь наружу на 27 см. В его сохранившейся части (шесть венцов) по всем четырем сторонам прорублены бойницы размером 30х30 см. С западного и восточного фасада в башнях (в местах примыкания к ним тына) на высоте около трех метров сохранились небольшие вертикальные отверстия размером 20х10 см. В них, по-видимому, вставлялись горизонтальные бревна-бруски, служившие связями для тынин.

Высота башен (в сохранившейся части) немногим более пяти метров. Однако остатки элементов шатра позволяют восстановить и их полную высоту.

151. Западный фасад Северной башни

В плане башни почти квадратной формы с размерами 4,6х4,5 м (Северная) и 3,8х4,1м (Южная). Почти таких же размеров были башни и у многих других сибирских острогов - например, Мангазеи, Братского, Бельского, Ляпинского, Енисейского.

Набор основных элементов башен Юильского острога типичен для деревянных крепостных сооружений Сибири. Квадратный в плане сруб, круговой облам, бойницы, деревянные полы из плах и междуэтажные перекрытия, створки ворот с пятами, шатровая конструкция верха - это характерно и для всего деревянного зодчества Руси. При этом следует отметить, что не все элементы сохранились в юильских башнях полностью. Утрачены перекрытия башен вместе с шатрами, дверные створки, лестницы и полы. Тем не менее об их существовании свидетельствуют «следы» в башнях, а также упоминания у И. Шухова, Г. Шершеневича и А. Дунина-Горкавича.

152. Развалины острога

Воссоздать эти утраченные элементы помогают и остатки самих элементов. Так, внутри Южной башни сохранились две тетивы от лестницы, остатки обвалившейся стропильной конструкции верха, два тыновых бревна и одна створка наружных ворот, а гнезда балок в стенах и пазы для настилов показывают местоположение перекрытия. Можно сказать, что ни один конструктивный элемент или форма не утрачены здесь бесследно (ил. 148-151).

Следовательно, основные оборонительные сооружения Юильского острога (башни и тыновая стена) могут быть восстановлены даже без привлечения аналогов. По существу, здесь налицо не только конструктивное устройство башен, острожных стен и отдельных их элементов, но и вся планировочная структура крепости и посад.

153. Остатки амбаров на территории городка

Расположение сооружений в крепости и за ее пределами характеризует некоторые ее особенности. В отличие от подобных острогов здесь было много построек внутри крепостных стен, что свидетельствует не о большом служилом гарнизоне, а о том, что крепость «села» на давно существовавший здесь городок хантов, взяв их под защиту от нападавших ненцев. Таким образом, значительная часть жилых построек хантов оказалась в пределах крепости. Кроме функций по сбору ясака острог призван был помирить враждовавшее население, взяв под защиту менее агрессивную сторону (хантов). Не случайно до сих пор ханты считают это место святым и поклоняются ему.

154. Казенный амбар

155. Изба-казарма

На территории крепости и вокруг нее насчитывается более сотни остатков построек различного назначения (ил. 152-155). Поскольку настоящей книгой преследуется цель

выяснения особенностей оборонительных сооружений, поэтому рассмотрение других построек нами сознательно опускается.

Остатки крепостных стен Юильского острога показывают, что здесь нет поздних и чуждых наслоений, которые изменили бы облик памятника, поэтому исследование его заключалось в выявлении количества утрат и их характера.

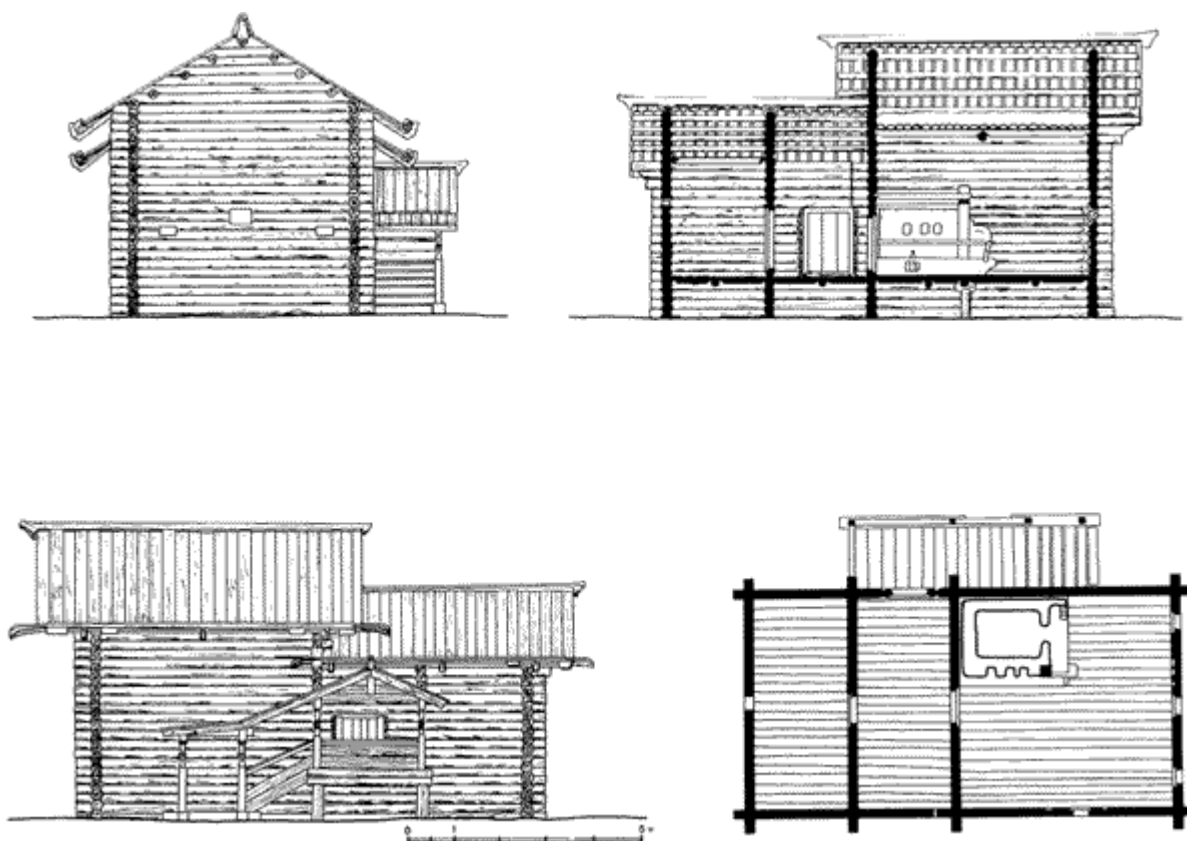
156. фрагмент остатков тыновой стены острога

Восстанавливая отдельные детали башен такими, какими они были прежде, мы тем самым восстанавливаем в подлинном виде всю башню. Самая значительная часть утрат относится к верхней части башен - нет ни перекрытий, ни шатров. Внутри Южной башни среди большого количества полусгнивших бревен удалось отыскать и бревна, принадлежащие стропильной конструкции шатра (ил. 157). По врубкам в бревне и по направлению этих врубок вначале была восстановлена схема шатра, а размер (длина) бревен позволил определить и высоту шатровой конструкции. Немаловажный вопрос: как и чем был покрыт шатер? И тут на помощь пришли косвенные источники. В своем кратком описании Г. Шерщевич отмечал, что у бойницы, то есть у облама. - «тесовая кровля»¹³⁵. Естественно, что для натурной реконструкции одного только этого упоминания было бы недостаточно, но на стадии графического воспроизведения даже такие данные становятся ценными. Наверное, вполне возможно было бы восстановить шатры башен и по аналогам, но тогда эти элементы предстали бы в чисто условной форме. В таком случае условность была бы принята нами как объективная необходимость, как закономерность. Нельзя сказать, что сохранившиеся части стропильной конструкции позволили полностью избежать этой условности, - они ее значительно снизили, определив достаточно верно лишь схему шатра, его высоту и пропорции.

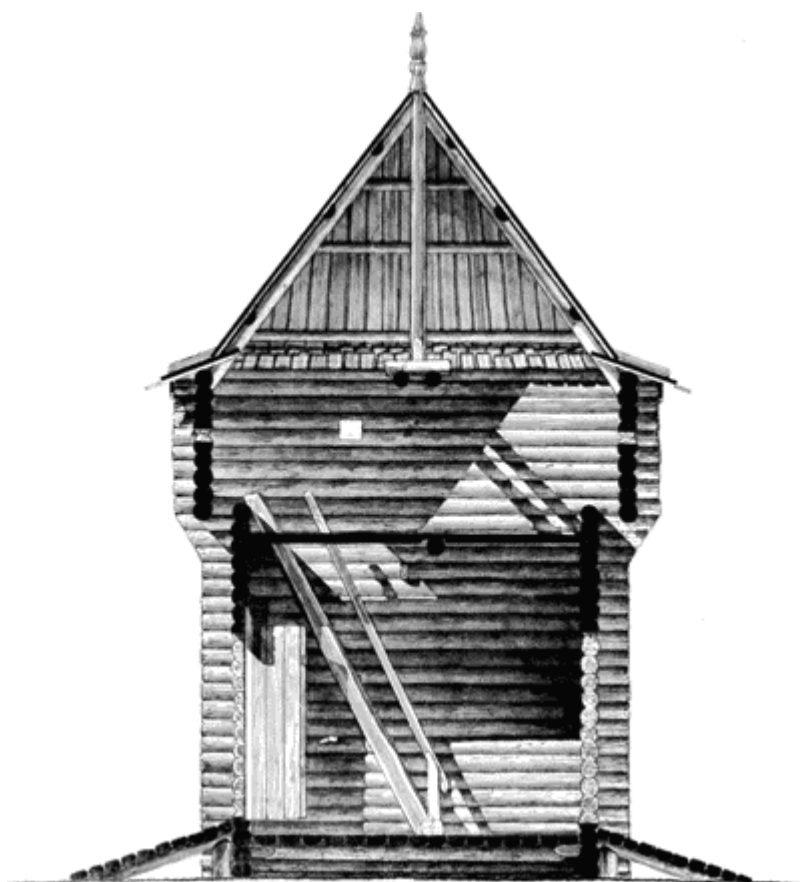
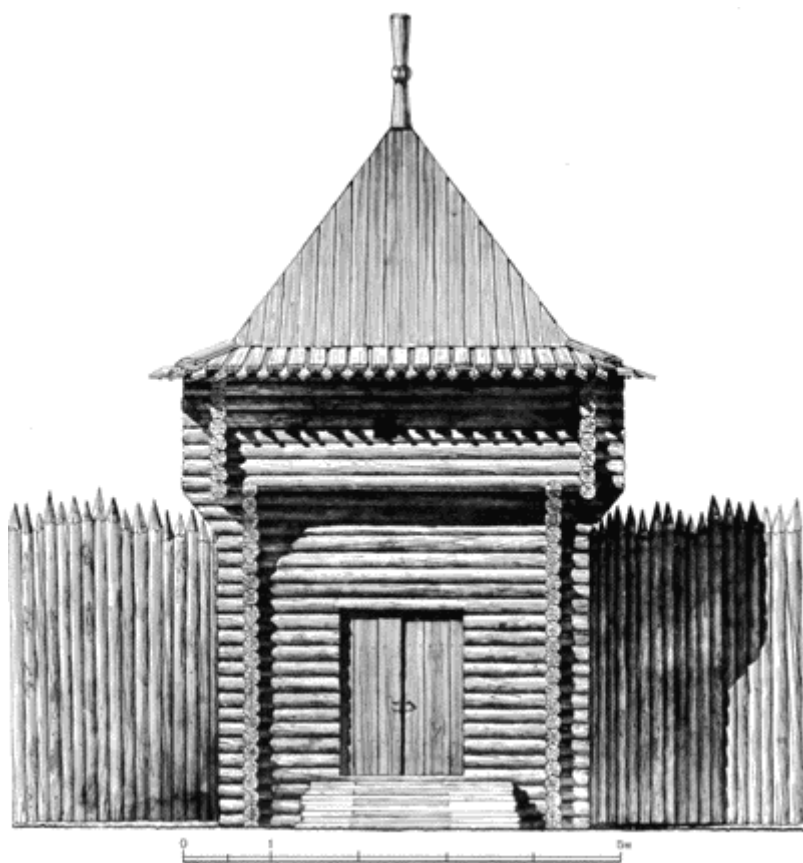
157. Остатки конструкции лестницы и шатрового перекрытия Южной башни

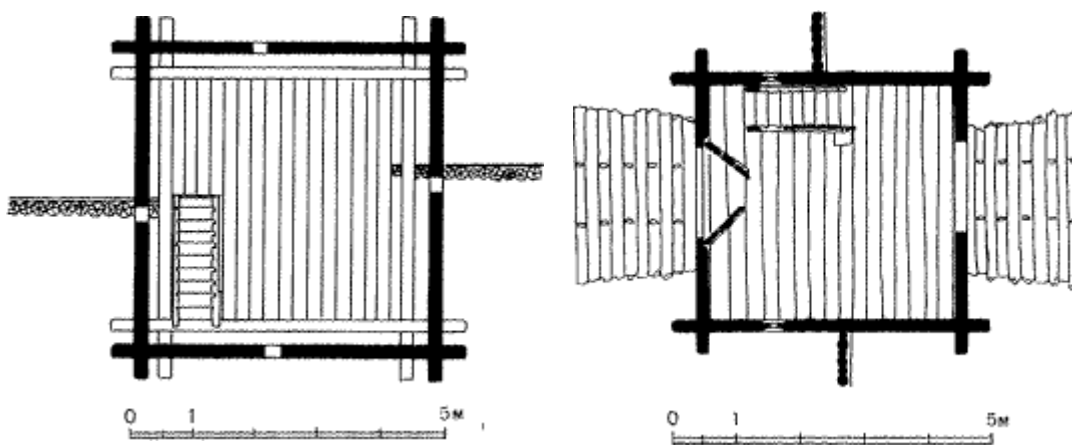
По-видимому, при исследовании памятника и выявлении утрат должен быть весьма тщательным поиск исходных данных в пределах самого памятника. Часто среди кажущегося на первый взгляд хлама обнаруживаются именно те недостающие детали, которые уже занесены в список полностью утраченных и которые порой трудно найти даже среди аналогов. Именно так обстояло дело с тыновыми стенами. Раскопками в 1969 году были определены только лишь диаметр бревен и глубина заложения их в земле (ил. 156). Примерную высоту тынин можно восстановить по отверстиям в стенах башен в местах примыкания к ним тына. Известно, что в эти отверстия вставлялись бревна - связи тыновых стен. Только в результате более тщательного обследования башен в 1972 году были обнаружены две полусгнившие тынины с ясно различимыми поперечными пазами для связей и, таким образом, вопрос о высоте стен был решен. Определение высоты стен - вопрос довольно серьезный, так как именно стена с башнями, их пропорциональные соотношения формируют тот архитектурно-художественный строй крепости, который мы и пытаемся воссоздать в реконструкции. Поэтому, учитывая решающую роль и значение данного элемента оборонительных сооружений в общей композиции крепости, поискам истинной высоты стен было уделено такое пристальное внимание.

158. Изба-казарма. фасады, разрез, план. Обмер-реконструкция

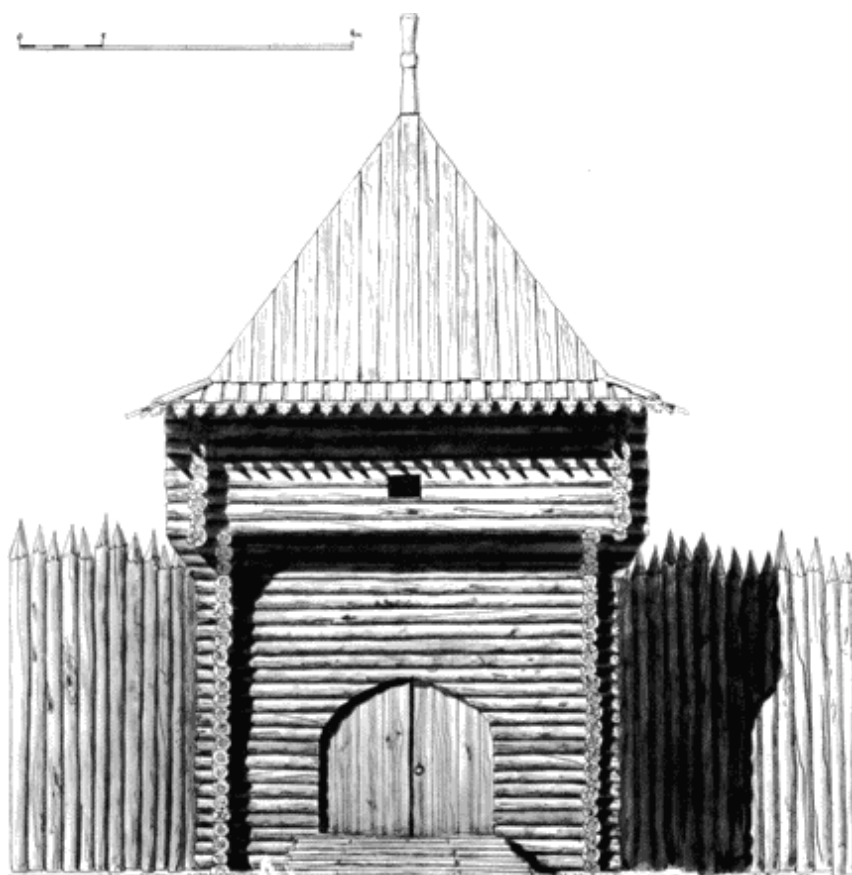
Исходные данные относительно других утрат более полные. Так, по двум тетивам, сохранившимся от лестницы, легко и просто восстанавливается сама лестница. В каждой тетиве остались следы ступеней (врубki), которые показывают их ширину и толщину. Длина ступеней, то есть ширина лестницы, в данном случае может быть принята условно по аналогии (например, в башнях Братского, Бельского и Якутского острогов). Пазы настила (моста) в уровне облама и гнезда балок, поддерживающих этот настил, указывают точное расположение перекрытия и примерную толщину бревен (которая в графической реконструкции принципиального значения тоже не имеет). Еще более просто восстанавливаются ворота башен. Сохранившаяся створка несет в себе всю полноту информации, начиная от габаритов и кончая конструктивным устройством, поэтому по левой створке воспроизводится (копируется) и правая.

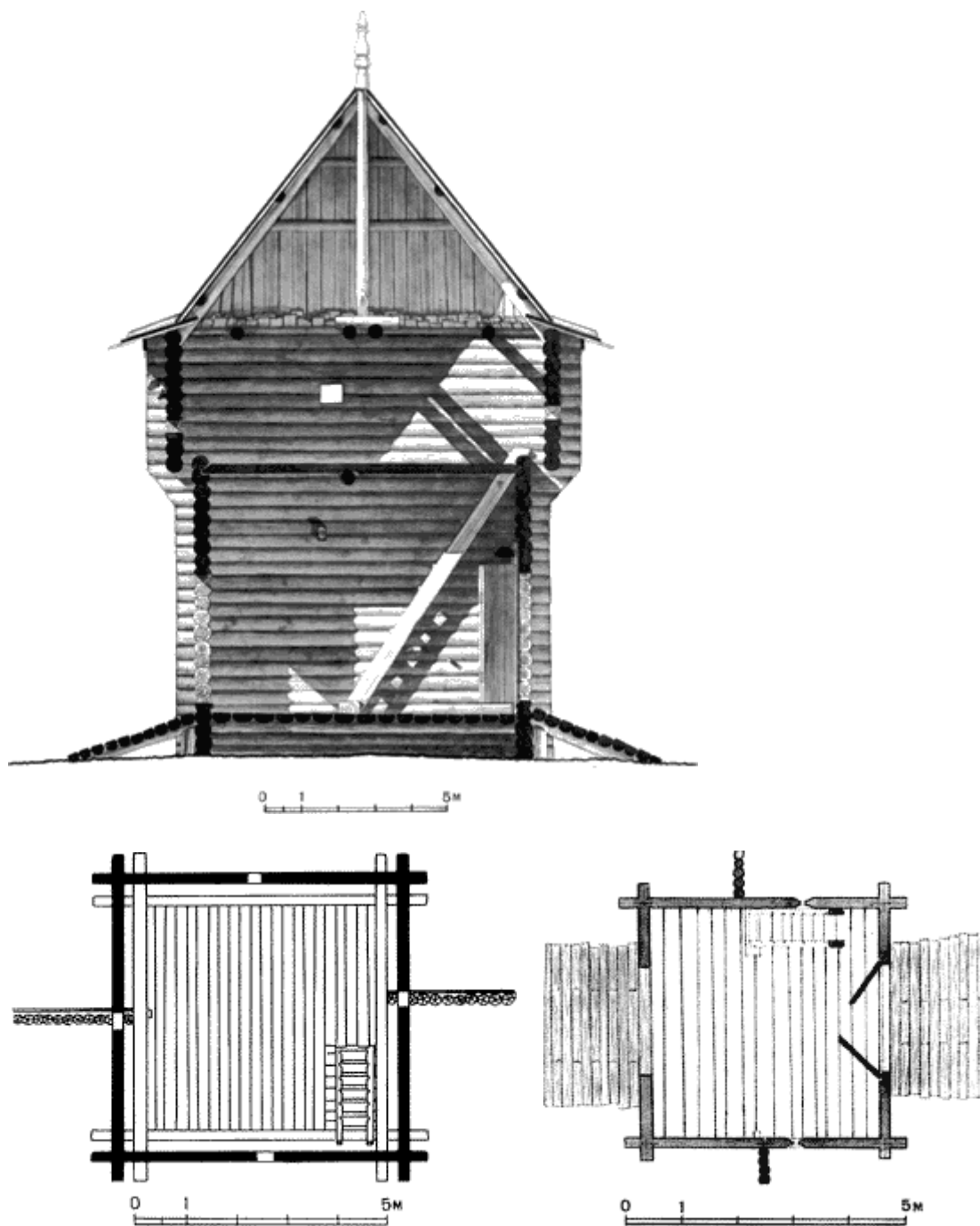

159-162. Южная башня. фасад. Разрез. Планы разных ярусов. Обмер-реконструкция

Как видим, значение сохранившихся даже частично отдельных деталей и конструктивных элементов настолько велико, что по ним может быть восстановлен весь архитектурно-художественный облик крепостных башен. Именно эти сохранившиеся детали, как единственно достоверные, позволяют наиболее правдоподобно графически воспроизвести каждую башню острога в отдельности, а с ними и весь острог в целом (ил. 159-166).

163-166. Северная башня. фасад. Разрез. Планы разных ярусов. Обмер-реконструкция

Рассмотренный памятник крепостного деревянного зодчества может быть отнесен к числу уникальных. Уникальность его заключается, во-первых, в том, что он сохранился хотя и со значительными утратами, но без чуждых наслоений, часто искажающих до неузнаваемости памятник деревянного зодчества; во-вторых, в том, что легко реконструируется благодаря частичной сохранности утраченных элементов; в-третьих, реконструированный, он становится аналогом для воссоздания памятников крепостного деревянного зодчества, сохранившихся со значительными искажениями или полностью утраченных, но зафиксированных в подробных описаниях. Именно в силу указанных качеств он становится своеобразным эталоном, так как сохранил свою подлинную архитектуру и по праву должен быть включен в группу памятников, на которые сегодня ориентируется практика реставрации.

* * *

БЕЛЬСКИЙ ОСТРОГ

XVII век

В небольшом селе Бельском, что раскинулось в живописной местности вдоль реки Белой, находится сторожевая башня - уникальный памятник деревянного зодчества конца XVII века. Расположенное в стороне от железных дорог, село сохраняет уединенность и тишину, так характерные деревням прошлых времен. О прежней глухомани напоминает и тайга, вплотную подступившая к противоположному от села берегу реки.

Добравшись в Бельское на попутке или пешком от узловой станции Черемхово, сразу при входе в село видишь на пригорке полушарие купола каменной колокольни с нелепым конусообразным шпилем наверху, а чуть ниже - деревянный шатер сторожевой вышки. Это и есть знаменитая бельская башня. Может быть, «знаменитая» - слишком громко сказано, ведь среди всех известных нам сохранившихся остатков деревянных крепостей бельская башня более всех обделена вниманием исследователей.

167. Облам башни

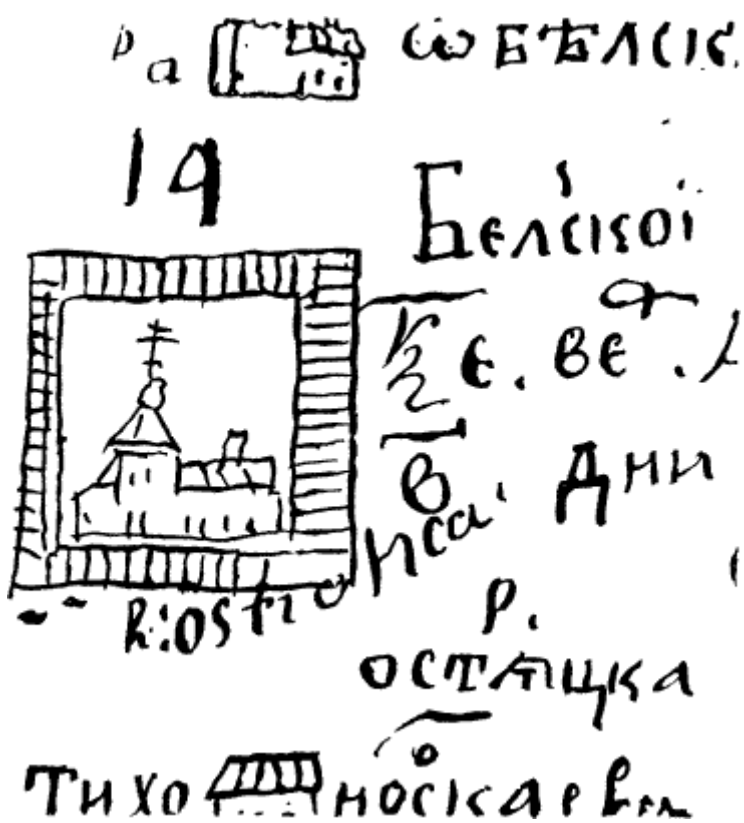
168. Башня. Вид с северо-востока

Проходя вдоль деревянной изгороди по проулку и поднимаясь на холм, где поставлены башня и церковь, начинаешь постепенно замечать, что башня становится все выше и выше, как бы вырастая из холма, а колокольня церкви, наоборот, опускается ниже, словно вращаясь в холм. Невольно начинаешь прогонять от себя вдруг возникшее ощущение, что они «живые». Прекрасно понимаешь, что этого не может быть, но сразу отделаться от возникшего ощущения трудно.

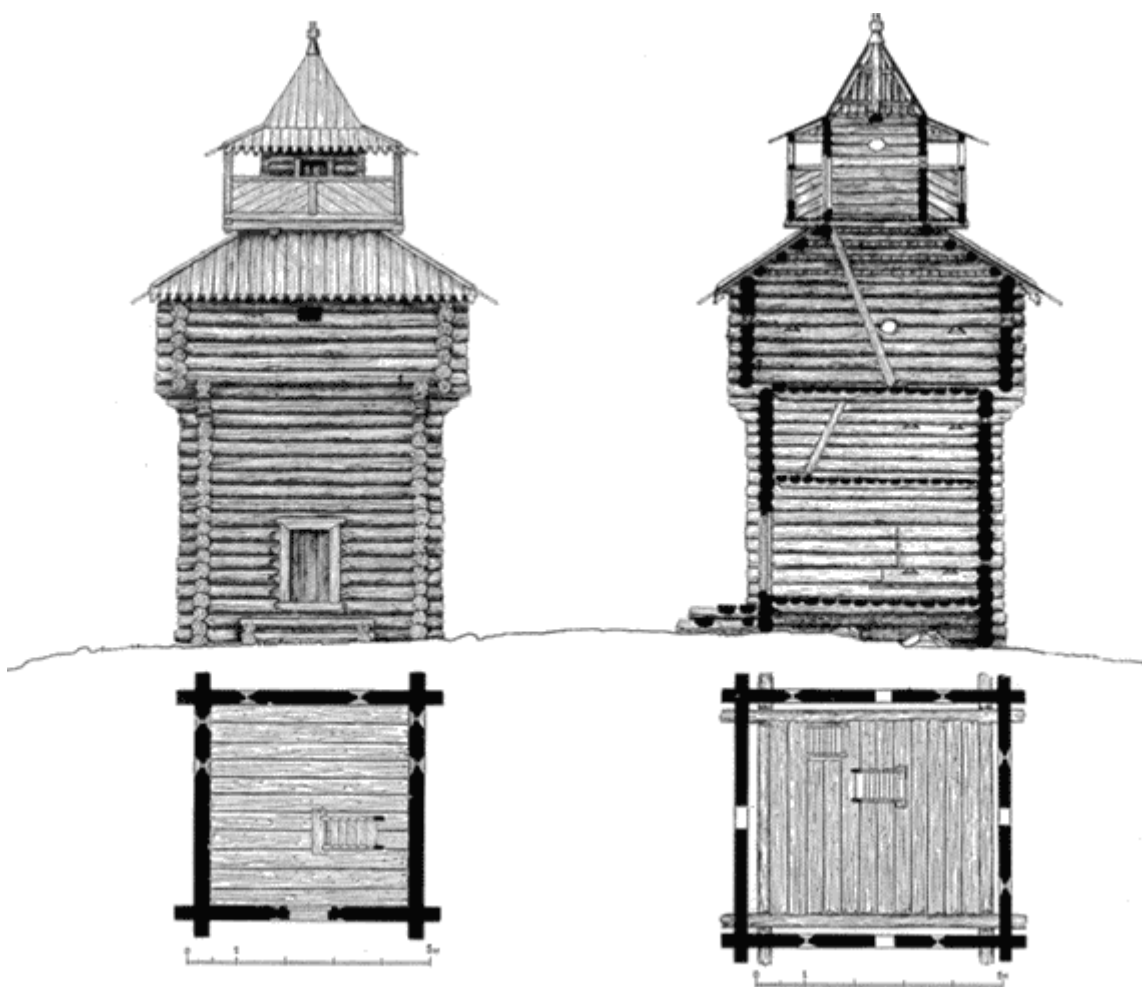
169. Общий вид сохранившейся башни

Увиденное при подходе к башне несравнимо с тем, что видишь от нее. Казалось бы, обычный сибирский пейзаж, но в том-то и дело, что обычность эта исчезает благодаря присутствию башни. Поднявшись на сторожевую вышку, видишь панораму всей деревни с огородами на переднем плане: крепкие ухоженные деревянные дома рядками выстроились вдоль реки, сверкающей в лучах солнца. Башня вдруг превратилась в некий центр огромного пространства, все окрестности которого прекрасно видны с вышки. Воображение рисует картину прошлого: река - надежная защита для деревни, а все ближние подходы «с поля» хорошо просматриваются с башни. Дозорный, обходя размеренным шагом срубик вышки, видит все, что происходит на самых дальних подступах к острогу.

170. Изображение Бельского острога в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

Расположенный в глубине Сибири, Бельский острог был основан в конце XVII века, когда Приангарье уже прочно вошло в состав России. Однако прочность границ налажена не была, и для защиты отдельных воеводств и торгово-промышленных центров подновлялись прежние укрепления, а вместе с ними возводились и новые. Причем возводились не крупные крепости, а небольшие дозорные или сторожевые посты. Именно роль такого сторожевого пункта и отводилась небольшому Бельскому острожку с его единственной дозорной башней.

171. Башня, фасад, разрез, планы разных ярусов. Обмер-реконструкция

В небольшой заметке, опубликованной в 1911 году в одном из номеров журнала «Сибирский архив», приводятся сведения о том, что «вторая такая же башня, стоявшая на другом углу ограды, сгорела несколько лет тому назад»¹³⁶. Сведения, впрочем, без всякой ссылки на документ. Последняя часть фразы - «сгорела несколько лет тому назад» - вызывает более всего сомнений, потому что известно архивное дело Технического строительного комитета министерства внутренних дел от 1869 года, свидетельствующее лишь об одной башне¹³⁷. Между 1869 и 1911 годами лежат не несколько лет, а несколько десятилетий. Предположение о том, что вторая башня могла быть построена после 1869 года, более чем сомнительно. В XIX веке таких башен и острогов уже не строили, тем более вдали от границ.

172. Угол сруба башни с бойницами

Самое раннее изображение Бельского острога имеется в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (ил. 170). Это был типичный безбашенный острог «малой статьи». На рисунке изображена лишь церковь, окруженная острожными (тыновыми) стенами, да изба в углу острога. Через несколько лет появилась башня, поставленная на фундамент из бревенчатых обрубков, врытых в землю вертикально вплотную друг к другу по всему периметру сруба. В башне ярко выражена ее сторожевая функция - наверху вокруг вышки устроена обходная галерея, предназначенная для несения караульной службы (ил. 168, 169).

При всем сходстве конструкции бельской башни с башнями других сибирских острогов ее дозорная галерея не только вносит своеобразие в композицию башни, но и делает ее отличной от других. Более того, бельская башня - единственная среди них, где есть такая галерея. И еще одно немаловажное обстоятельство: сегодня это единственная из всех сохранившихся башен, которая осталась на своем месте. Этот факт делает ее более значимой по сравнению с остальными башнями.

Конструкция бельской башни традиционна: квадратный в плане сруб, состоящий из семнадцати венцов. Длина бревен 4,8м при толщине 30-35 см. Нависающая над срубом обламная часть состоит из восьми венцов и завершена шатром, над которым сооружена сторожевая вышка. Общая высота башни вместе с вышкой составляет почти 12м. Кроме нижнего в башне есть еще два яруса, один из которых - в уровне облама. Для подъема на сторожевую вышку внутри башни сделаны три лестницы. В отличие от основного сруба башни смотровая вышка рублена из бруса способом «в лапу».

За время своего существования башня не претерпела серьезных изменений. Кроме замены кровли в ней был увеличен дверной проем, а также исчезло ограждение галереи вокруг вышки. На основании детального натурального обследования башни и ее обмеров была выполнена графическая реконструкция (ил. 171).

Общий вид башни, ее фрагменты и отдельные детали, включая даже такие мелкие, как бойницы (ил. 167, 172), - все свидетельствует о ее совершенстве. Небольшая по размерам, хороших пропорций, башня Бельского острога отражает оборонительные функции и вместе с тем олицетворяет творческое кредо русского градодельца, умевшего наделять свои постройки и сугубо утилитарными и художественными качествами.

Другие статьи:

Сторожевая башня Бельского острога, Памятники истории России

* * *

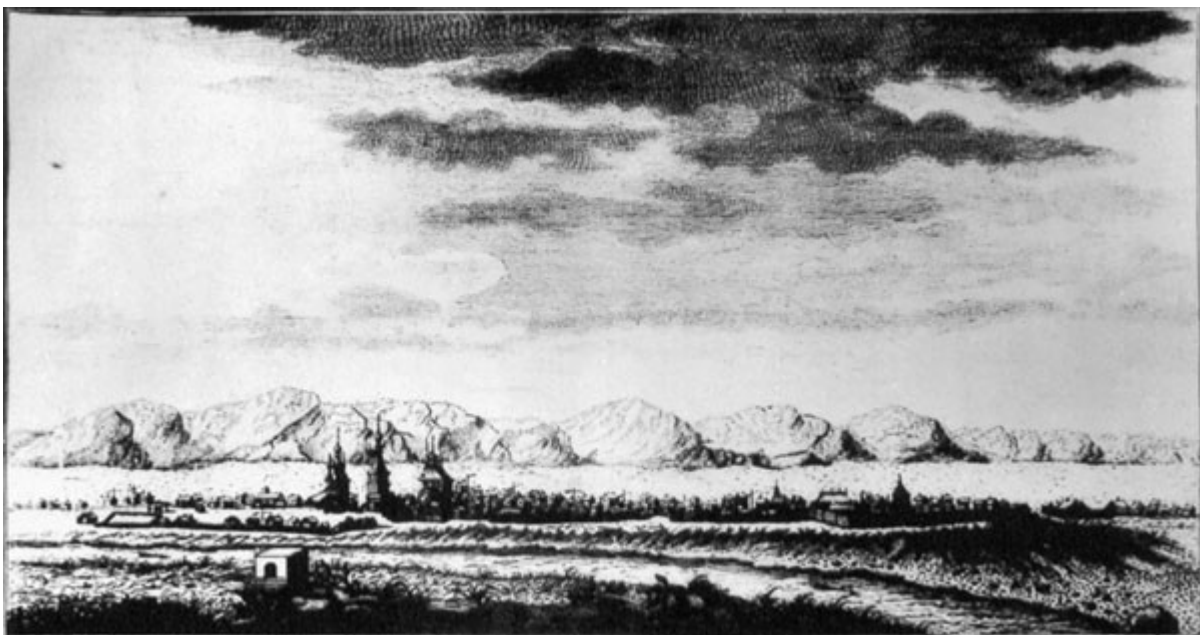
НЕРЧИНСК

XVII век

Город этот прожил уже три с четвертью века. Возраст для сибирских, а тем более для забайкальских или дальневосточных городов более чем внушительный.

Имя свое город получил по названию реки Нерчи, в устье которой и был вначале поставлен. Каким он был, что собой представлял в первые годы своего существования - об этом лучше всего могут рассказать первоисточники - отписки первопроходцев. Обратимся к ним.

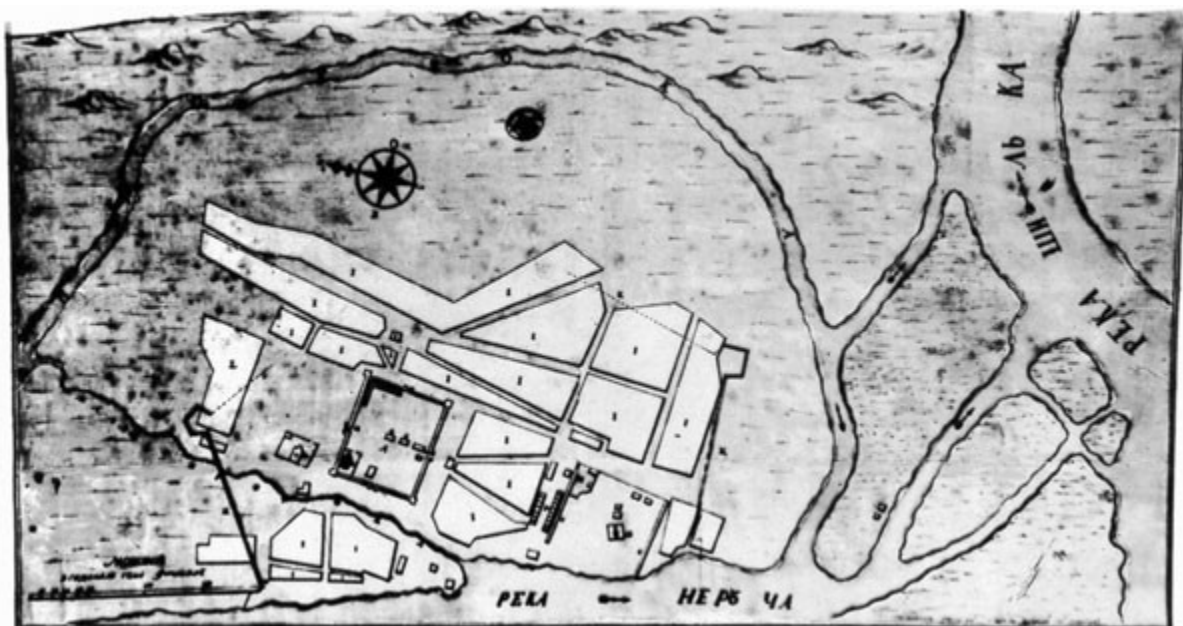
Год 1653-й... Сын боярский Петр Бекетов, прославивший свое имя «поставлением» многих острогов и городов, пришел холодной осенью в даурскую землю «на государеву цареву службу на Иргень озеро и на великую реку Шилку» с целью поставить два острога «в самых крепких и в угрожих местах»¹³⁸. Одним из двух этих острогов и должен был стать Нерчинск. Справившись с постройкой острога на Иргенском озере, Бекетов отправился с частью отряда на Шилку. Сделав плоты на берегу реки Ингоды, казаки стали сплачивать к месту назначения, но проплыли не более десяти верст. Холодная осень уже сковала льдом реку, и Бекетов решает рубить на берегу зимовье, амбар для припасов и три избы, оставляя в них зимовать нескольких казаков под начальством пятидесятника Ивана Котельникова. Другую группу из десяти человек он посылает конным путем «на усть Нерчи реки для заимки острожно поставленья и для государева ясачного збору и вновь землиц приводу под его государеву царскую руку»¹³⁹, а сам с несколькими казаками возвращается в Иргенский острог. Было это в ноябре месяце, а уже «генваря в 20 день» с Шилки пришли известия о том, что десятник Максим Уразов с казаками «на великой реке Шилке, против устья Нерчи реки, Шилкою рекою на низ пловучи на правой стороне, приискав крепкое и угрожее место где быть государеву острогу, у рыбных ловель и у пашенных мест, для заимки, поставили малой острожек, а в нем одна изба с нагороднею»¹⁴⁰. Укрепленное зимовье, огражденное частоколом, просуществовало недолго.

173. Вид города Нерчинска. Гравюра М. И. Махаева. XVIII в.

Год 1658-й... Для учреждения в Приамурье воеводства на Шилку прибыл Афанасий Пашков, до этого исполнявший воеводскую службу в Енисейске. Он и стал первым воеводой даурской земли. Почти полтора года добирался Пашков до Иргенского озера. Прибыв сюда осенью 1657 года, он решает здесь и зазимовать, но времени зря не теряет, перебравшись волоковым путем на реку Ингоду, где «срубил и изготовил» на острог в «Даурскую землю восемь башен... да на четыре стены... двести сажен острогу», а также на «верхней Шилкской острог четыре башни да к тем башням изготовил острог весь сполна»¹⁴¹. По первой полой воде, «остроги сплота в плоты», сплыл Афанасий Пашков по Ингоде и Шилке до устья Нерчи и там поставил острог и «многих иноземцев под государскую высокую руку лаской и приветом призвал»¹⁴². С этой вот весны 1658 года и начинается более чем трехсотлетняя история Нерчинска (ил. 177).

Чрезвычайно интересным в этой истории является прием, которым воспользовался даурский воевода при возведении крепостных сооружений Нерчинска. Это прием сборного строительства, хорошо известный еще с XVI века, когда под Казанью был тайно срублен город Свияжск. И вот спустя более ста лет мы видим тот же прием при строительстве Нерчинска и других даурских острогов. В данной ситуации Афанасий Пашков руководствовался соблюдением мер предосторожности и использовал старый прием для того, чтобы, как он сам писал в цитированной выше отписке, «богдойские и иных неверных земель люди не помешали бы мне холопу вашему на башенное и на острожное дело в Даурской земле лес сечь и башни рубить и острог ставить»¹⁴³.

174. План крепости

Острог был поставлен в благоприятном месте, у «хлебных» пашен и у соболиного промысла, на одном из островов в устье реки Нерчи. После окончания строительства крепости рядом была срублена Воскресенская церковь, окруженная острожными стенами и надолбами, сохранявшаяся до середины XVIII века. Первоначально острог имел тыновые стены с четырьмя башнями по углам. Позднее крепость была значительно расширена, а в 1689 году укреплена Ф. Головиным, прибывшим из Москвы для переговоров с Цинским правительством. Тыновые стены были заменены рублеными, и в них поставлено четыре угловых и столько же проездных башен.

Если о первом, тыновом остроге не сохранилось ни описаний, ни графических изображений, то рубленую крепость конца XVII века можно видеть на чертежах XVIII века, сохранившихся в архивах. Есть о ней и краткие описания с указанием некоторых размеров. Кроме того, изображение Нерчинской крепости есть и на старинных гравюрах. Самое раннее из них опубликовано в книге И. Идеса «Трехлетнее путешествие в Китай», изданной в начале XVIII века, а в 1770 году Н. Челноковым была выполнена гравюра по рисунку И. Люрсениуса. Из всех графических материалов наибольший интерес представляет «Чертеж старой и новой крепости Нерчинска», выполненный С. Немцовым в 1728 году, а также «План и проспект города Нерчинска» работы М. Татарина (ил. 174). На плане С. Немцова (ил. 176) изображена восьмибашенная крепость с одной обвалившейся угловой башней, а слева показано предлагаемое размещение ее на новом месте. В декабре 1699 года нерчинский воевода Иван Николаев доносил в своей отписке царю о том, что башню подмыло на полсажени и «впредь та башня непрочна и городу в том месте стоять нельзя, потому что тое башню укрепить от воды никоими мерами невозможно»¹⁴⁴. Описанная ситуация показана на чертеже Немцова с большой точностью. На нем можно также видеть, что в пределы проектируемой новой крепости были включены и культовые сооружения (деревянная Воскресенская церковь, колокольня и каменная Троицкая церковь), размещенные на своем прежнем месте и окруженные острогом и надолбами.

175. Панорамный рисунок Нерчинска. Начало XVI II в.

Чертеж Михаила Татаринова (ил. 174) выполнен позднее, так как на нем крепость изображена уже перенесенной на новое, указанное на плане С. Немцова место. Правда, при переносе, как видно из чертежей, крепость изменила свои пропорции, стала меньше по размерам и была смещена ближе к старой крепости, поэтому внутри нее оказалась только лишь одна каменная церковь. Из старой крепости были частично перенесены стены и некоторые башни, а амбары, избы и торговые ряды были срублены заново. Вместе с планом на чертеже Татаринова показана также развертка (проспект) крепости и посада с западной стороны. Изображение на развертке строго соответствует плану и при всей своей условности дает достаточное понятие об архитектуре крепости и конструкции ее стен и башен.

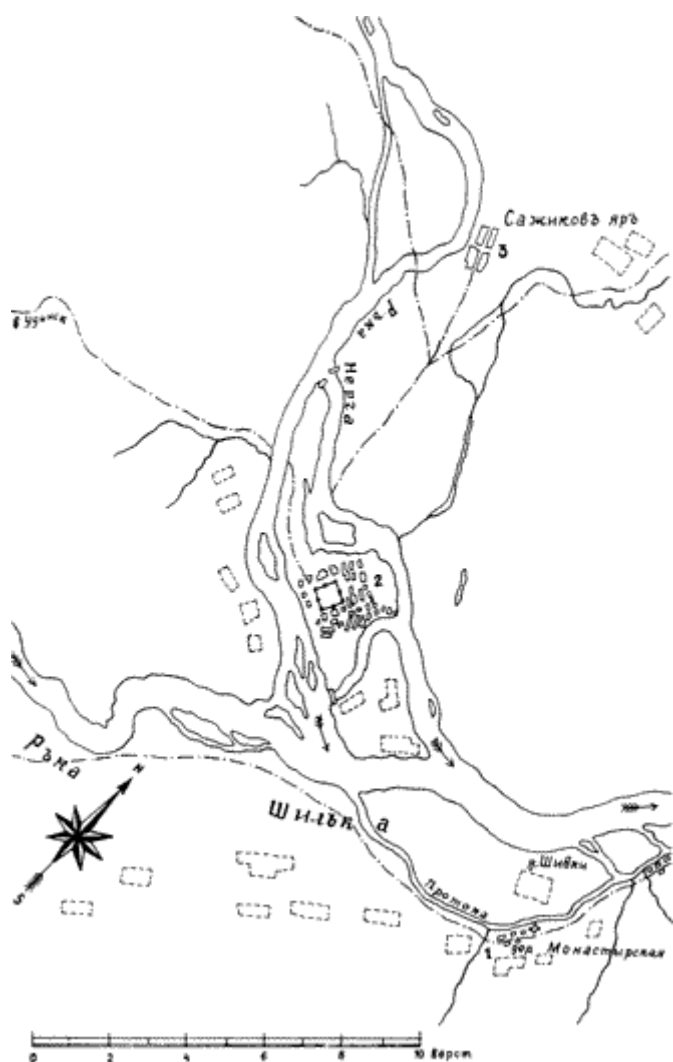
Согласно росписным спискам 1701 и 1704 годов, периметр рубленых стен Нерчинской крепости составлял 282, а с башнями - 308 саженей. Внутри крепости размещались: воеводский двор, канцелярия, купеческие торговые лавки, сараи с пушками, баня, поварня и другие постройки. Композиция Нерчинской крепости и набор построек в ней были традиционными для Сибири, а конфигурация плана очень сходна с такими крепостями, как Якутск, Илимск, Енисейск. Особенно большое сходство, даже по размерам, Нерчинская крепость имела с Енисейском. И это, видимо, не случайно, так как первый воевода прибыл в Нерчинск именно оттуда. Наверняка в его отряде были мастера-плотники, принимавшие участие в строительстве Енисейска.

176. План крепости

Нерчинск занимал выгодное положение, имея судоходную связь с Амуром, через него проходили и караванные пути в Китай. Придавая большое значение Нерчинску, царское правительство возвело его в степень воеводства. Город в течение короткого времени прошел путь от военно-опорного пункта до экономически развитого центра. Торговые пути обеспечивали ему постоянный приток купцов с товарами и экономическое развитие. Это в свою очередь требовало строительства большого количества торговых лавок и амбаров для хранения товаров.

Перестройки Нерчинской деревянной крепости, произведенные в первой трети и в середине XVIII века, в большей степени были вызваны необходимостью ее переноса на новое место. Частые подъемы воды в Нерче изменили ее русло около Нерчинска, вода стала обрывать береговые постройки, и в течение XVIII века сменявшие друг друга воеводы поднимают вопрос переносе города на более возвышенное место. Это было сделано в 1812 году.

177. Ситуационный план расположения Нерчинска

Скупые сведения о Нерчинской крепости в совокупности с графическими материалами все-таки позволяют составить о ней некоторое представление и получить определенную картину ее развития. Эти сведения, дополняя общие данные о русском оборонном зодчестве, помогают выяснить начальный этап развития в исторической судьбе одного из первых русских городов Забайкалья, который положил начало градостроительному освоению этого района.

* * *

ЯКУТСКАЯ КРЕПОСТЬ

XVII век

Материалов, посвященных Якутской крепости, пожалуй, больше, чем по всем другим крепостным сооружениям Сибири, взятым вместе. Достаточно назвать хотя бы капитальное исследование Н. В. Султанова, вобравшее в себя известные до него сведения о Якутском остроге. И тем не менее многое осталось еще невыясненным. Не было сделано и главное - представить хотя бы в графической реконструкции облик этого великолепного памятника русского оборонного зодчества XVII века.

178. Остатки Якутского острога. Рисунок из альбома И. Булычева. XIX в.

Основанный в 1632 году как небольшой острожек, Якутск несколько раз переносили на новое место и перестраивали. В последней четверти XVII века крепость представляла собой величественную композицию из шестнадцати башен, нескольких церквей и хозяйственных построек. Как и многие сибирские города, Якутск имел мощные рубленые стены и такие же башни. Кроме срубных стен город был окружен вторым поясом стен (острожных), повторявшим прямоугольные очертания первого.

179. Якутск в XVII в. Гравюра XVIII в.

Как ни парадоксально, но исследования крепости начались лишь тогда, когда от нее остались жалкие остатки. Они были зафиксированы в рисунках, чертежах, моделях и фотографиях, однако ни один из исследователей не предпринимал попытки на основе документальных источников и еще сохранявшихся остатков графически воссоздать образную и полную характеристику Якутской крепости. Между тем для этого есть все основания, так как она представляет собой выдающееся произведение древнерусской деревянной крепостной архитектуры XVII века.

180, 181. Остатки крепостной стены. Рисунки Н. Щукина. XIX в.

В начале XX века Н. В. Султанов писал: «... горько за памятник прошлой славы и обидно за современных русских людей»¹⁴⁵. Он первым предпринял попытку собрать воедино известные ему сведения по истории Якутска. Но, к сожалению, в его работе много противоречий, ошибочных выводов. В стороне от его внимания оказались и некоторые важные архивные документы, относящиеся к истории Якутской крепости, опубликованные в разных источниках. Основным недостатком в целом насыщенной и богато иллюстрированной работы является отсутствие авторских натуральных исследований памятника. Отсюда - неубедительность многих выводов и предположительность отдельных высказываний относительно архитектурных форм и конструктивных элементов.

182. Последние остатки крепости. фото начала XX в.

Для истории архитектуры якутских оборонительных сооружений важное значение имеют росписные списки. Наряду с общими сведениями в них довольно много данных о размерах крепости, количестве башен и характере планировочной структуры. Все

сведения о Якутской крепости относятся к разным этапам ее развития, поэтому важен строгий и тщательный отбор только необходимых, наиболее полно характеризующих период расцвета архитектуры крепости, которого она достигла после завершения строительства в 1681-1687 годы. Именно от этого времени сохранилась до сих пор одна из шестнадцати крепостных башен (ил. 192), Этот период крепости характеризуют и все росписные списки и описания, составленные после 1685 года.

183. Изображение Якутска в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

Таким образом, облик памятника в данном случае складывается из первоначального облика, без традиционных наслоений, так как позднее крепость не перестраивалась, а лишь исчезали отдельные ее элементы, что зафиксировано в многочисленных документах. Все данные о крепости после XVII века относятся уже к ее остаткам, которые примерно с первой половины XIX века стали фиксироваться в рисунках, а затем в фотографиях, чертежах и моделях. С начала XVIII века в Якутске началось каменное строительство, и деревянные здания на территории крепости стали постепенно исчезать. В 1824 году была сломана острожная стена, а к середине XIX века от рубленной крепости оставалась целиком только лишь западная стена с тремя башнями. Именно к этому времени относятся первые изображения памятника, сделанные Н. Щукиным и И. Булычевым. Если рисунки Н. Щукина (ил. 180, 181) не отличались большой точностью, то изображение части крепости с пятью башнями, сделанное И. Булычевым (ил. 178), носит вполне правдоподобный характер.

184. План остатков крепости. Конец XIX в.

Пожалуй, это наиболее ранние документальные изображения Якутского рубленого города. Через несколько лет В. Киприянов в очерках по истории русской архитектуры приводил в качестве иллюстраций чертежи фасадов одной из стен крепости, а уже в конце XIX века имелись архивные дела с чертежами и описаниями Якутской и некоторых других крепостей Сибири.

185. План 1806г.

Примерно с конца 70-х годов XIX века начинается многолетняя письменная дискуссия между якутской администрацией, министерством внутренних дел, иркутским генерал-губернатором и императорской Археологической комиссией на тему: «сносить или не сносить?» Более четверти века продолжалась эта волокита, пока наконец в 1907 году Археологическая комиссия не сообщила якутскому губернатору свою просьбу «принять все зависящие от него меры для поддержания острога»¹⁴⁶. Правда, несколько ранее, в 1904 году, та же комиссия дала свое согласие на разборку, то есть снос, остатков деревянной крепости при условии изготовления под наблюдением архитектора точной деревянной модели¹⁴⁷, новых фотографий крупного размера, составления подробного технического описания остатков стен и башен и нанесения их на план. Почти тридцать лет переписки понадобилось для того, чтобы определить ценность Якутского острога как «единственного образчика деревянных крепостных сооружений XVI-XVII веков не только в России, но и во всей Европе»¹⁴⁸.

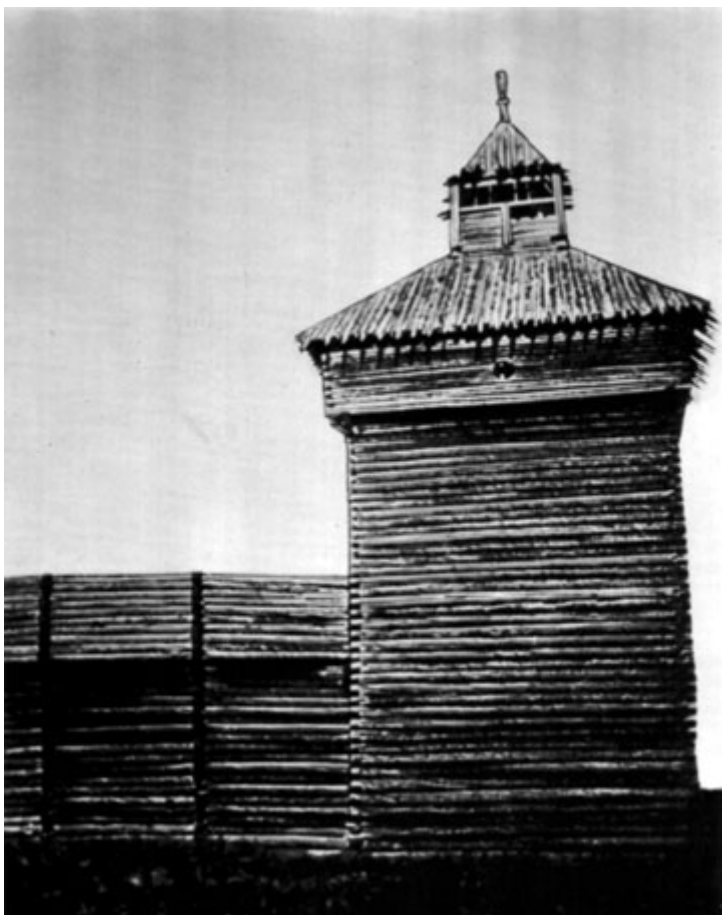
186. План крепости. XVIII в.

Каковы же те сведения, из которых складывается наше представление об архитектуре Якутского города и которые необходимы для воссоздания в графической реконструкции его облика? Первый и основной источник - это единственная сохранившаяся башня острога. Сюда же следует отнести и документальные фотографии с изображением других башен, а также фрагмента крепостной стены (ил. 187-191). Вторая группа данных - росписные списки и описания крепостных сооружений, сделанные сразу же после

окончания строительства во второй половине XVII века и позднее - в начале и середине XVIII века. Росписные списки и описания дополняются графическими материалами (изображение крепости С. Ремезовым, Н. Щукиным, И. Булычевым и другими), составляющими третью группу источников (ил. 178-181, 183).

187-191. Башни крепости во второй половине XIX в. По материалам Археологической комиссии

Уточнению возникающих неясностей по поводу некоторых форм или конструкций могут помочь письменные источники, относящиеся не только к данному памятнику, но и ко всему крепостному деревянному зодчеству. Все они группируются вместе и представляют, таким образом, дополнительный источник. Следует сказать также, что графическая реконструкция не может быть начата без деятельного обследования в натуре как якутской башни, так и других сохранившихся крепостных сооружений в Сибири.

192. Западная проездная башня после реконструкции 1981 г.

Знание деревянного зодчества и особенностей крепостной архитектуры помогает правильно ориентироваться во всем многообразии архитектурно-конструктивных форм и приемов, находить среди них наиболее типичные и характерные, присущие не какому-то одному, а целому ряду памятников оборонной архитектуры.

193-195. Западная проездная башня. фасад, разрез. Планы разных ярусов. Обмер

В архитектуре стен и башен Якутского острога было сконцентрировано, пожалуй, самое типичное из сибирского деревянного зодчества. Это позволяет выделить памятник из числа других и отнести его к выдающимся образцам крепостной архитектуры Руси. Основная особенность Якутской крепости заключается в ее планировочной структуре. В отличие от других сибирских, а также и древнерусских крепостей Якутск имел в плане два одинаковой конфигурации прямоугольника (почти квадраты): внутренний - собственно город, рубленный, и внешний, огражденный тыновыми стенами. Симметричное

расположение башен в углах и в серединах сторон квадратов еще более выявляло регулярность планировки, вносило в нее определенные классические черты (ил. 186). Шестнадцать башен в сочетании с тыновыми и мощными рублеными стенами создавали величественную, монументальную архитектурно-художественную композицию. Крепость олицетворяла собой силу и мощь Русского государства.

196-198. Западная проездная башня. Боковой фасад, разрез. Планы разных ярусов. Обмер

Для воссоздания планировочной структуры Якутской крепости необходимы данные о размерах и конструкции стен. О них сохранились сведения в исторических документах. В 1682 году воевода Приклонский доложил в Москву о строительстве рубленого города, отметив при этом, что «те... четыре стены мерою в длину по 60 сажен, а попереk в ширину по две сажени, а с кровлею до охлупня в вышину же мерою всего по три сажени с полусаженью печатных»¹⁴⁹. Новый воевода, Кравков, в 1684 году увидел при осмотре, что крепость недостроена, но подтвердил ее габариты. Ведомость 1701 года приводит те же данные относительно размеров города и, кроме того, показывает величину острожных стен. Они отстояли от городских стен на 60 сажений с восточной стороны и на 40 сажений от остальных трех стен города. Данные острога и города подтверждаются и росписным списком 1715 года.

199.

После пожара в начале XVIII века, в результате которого значительно пострадали восточная и южная стены города, в нем осталось всего пять башен, да восемь было в острожных стенах. Вместо сгоревших прясел был поставлен забор, «рублен в лапу». С этого времени в пределах города появляются каменные постройки: приказная изба, кладовая, отдельные участки стен, церковь Троицы. Деревянные постройки города и острога приходят в ветхость. Правда, воеводы прилагают некоторые усилия к исправлению башен и стен. В таком же количестве (пять и восемь) башни сохранялись и в середине XVIII века, как показывает ведомость Якутска, составленная в 1759 году. Через семь лет, в 1766 году, геодезистами Чемесовым и Турчаниновым был выполнен план крепости и ее окрестностей (ил. 186), который почти в точности соответствует данным росписных списков и описаний. Таким образом, размеры и конфигурация стен и башен Якутской крепости легко воссоздаются благодаря историческим документам.

200, 201. Проездная башня. фасад, разрез. Планы разных ярусов. Реконструкция

Воссоздание в графической реконструкции архитектуры Якутской крепости облегчается не столько сохранившимися историческими документами, сколько вещественными остатками самой крепости. фрагменты стен и башен были отражены в чертежах, фотографиях и моделях. Имея точные габариты стен и зная их конструктивное устройство, остается воспроизвести облик крепости в формах не только традиционных для сибирской крепостной архитектуры, но и вполне конкретных для данного памятника. Мера условности в этом случае будет незначительной (ил. 193-198, 200, 201).

202, 203. Угловые башни внутренней крепости. Реконструкция

Согласно описанию крепости воеводой Приклонским, угловые глухие башни Якутска были квадратными в плане с размерами 3х3 сажени, а высота их составляла 9 сажений. Такими же были и две глухие башни, расположенные в боковых стенах (ил. 202, 203). Самая крупная башня - главная проездная (ил. 204, 205), расположенная в середине восточной стены; размер ее в плане 6х6 сажений, а высота - 14 (почти 30м). Вторая проездная башня высотой была чуть ниже (12 сажений). Расстояние между всеми башнями было одинаковым. Как доносил Приклонский, «промежду башнями во всех четырех стенах мерою в длину по 30 сажень печатных от башни до башни»¹⁵⁰.

204, 205. Восточная проездная башня внутренней крепости, фасад. Разрез, план. Обмер

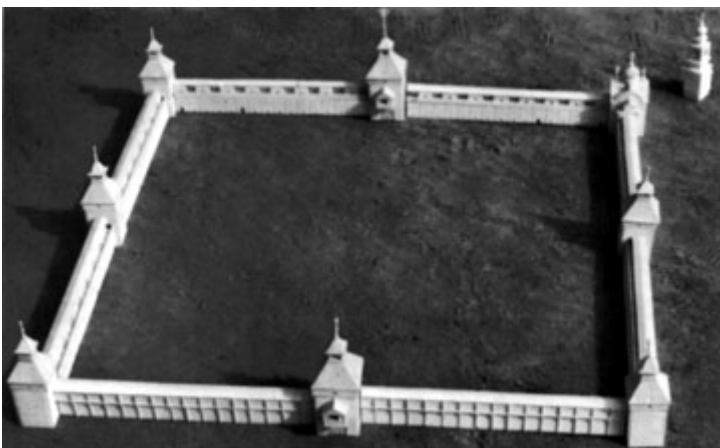
206. Западная башня после реконструкции 1981г.

О характере конструктивного устройства и размерах острожных башен свидетельствует сохранившаяся западная проездная башня (ил. 192, 206). Рубленая «в лапу», размером в плане 4х4 сажени, с навесными часовнями, она становится эталоном при воссоздании других башен Якутской крепости. Квадратный в плане сруб, круговой облам, шатер, рубленный «костром» («в реж»), двери на деревянных пятах, лестницы и сторожевая вышка наверху - все эти элементы в натуре красноречивее самых подробных описаний и графических чертежей. Именно они позволяют с высокой степенью достоверности воссоздать все якутские башни в отдельности и в то же время получить представление о композиции крепости в целом (ил. 207-209). Не возникает затруднений и при восстановлении конструкции и архитектуры срубных и острожных стен Якутска. Натурные фотографии и обмерные чертежи в данном случае, именно тот материал, на базе которого основывается их графическая реконструкция. Основные размеры стен и отдельных ячеек достаточно подробно были обозначены в работе Н. Султанова. Документальные фотографии показывают не только конструкцию стены, но и способ соединения ее с башнями. Размещение бойниц в башнях и стенах позволяет судить о системе организации обороны крепости. Из фотографий видно, что и в башнях и в стенах бойницы верхнего боя располагались на одном уровне. Все ячейки (клетки) стен имели сообщение друг с другом, а также с башнями. Таким образом, оборона в верхнем ярусе (относительно башен это средний ярус) была гибкой, подвижной. Защитники могли свободно перемещаться по всей стене, обходя крепость по периметру, концентрируя силы на нужных участках. Уровень мостов в стенах и башнях был одинаковым.

207. Фрагмент тыновой стены внешней крепости

208. Общий вид крепости XVII в. Реконструкция И. В. Попова

209. Внутренняя крепость. Макет

В объемно-пространственной композиции Якутской деревянной крепости отразились лучшие достижения древнерусского крепостного зодчества. Почти вековая практика строительства в суровых условиях Сибири нашла здесь наиболее концентрированное выражение. Трудно переоценить значение Якутской крепости для истории крепостного

деревянного зодчества, для реставрационной науки и практики. Воссоздание архитектурного облика крепости, основанное на глубоко достоверном материале, позволяет не только представить образную характеристику конкретного оборонительного сооружения, но и показать возможность достижения положительных результатов при реконструкции других подобных памятников.

* * *

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ЯКУТИИ

XVII-XIX века

Летописные источники, архивные и другие документы сохранили сведения о существовании у якутов укрепленных сооружений задолго до прихода в Сибирь русских. Сведения эти не подтверждены, однако, археологическими или натурными находками, поэтому остается неизвестным, что собой представляли такие крепости.

Отписки и челобитные не сообщают никаких подробностей о конструкции и технике возведения крепостей до прихода русских. Позднее, когда якуты ближе познакомились с конструктивными приемами строительства русских и стали перенимать их опыт, обнаруживается прямое заимствование многих приемов и архитектурных форм.

Укрепления якутов не были предназначены для постоянного пребывания в них и чаще всего носили временный характер.

В 1636 году Иван Галкин, например, столкнулся в якутских улусах с заранее подготовленными укреплениями - острожками, которые были «сделаны крепко и в две стены засыпаны хрящем и кругом снегом и водою улито»¹⁵¹.

210-212. Крепостные амбары

Из этого упоминания можно понять, что укрепление вряд ли представляло собой срубное сооружение. Скорее всего, место, в котором спрятались якуты, было огорожено двойной деревянной стеной с засыпкой внутри, а по пути к нему «кругом снегом и водою улито». Стена, кроме того, могла располагаться на возвышении. Такие крепостцы не были приспособлены к защите от огнестрельного оружия, с которым якуты раньше совершенно не были знакомы.

Любопытно народное предание о первом боевом крещении якутов. «Что это значит, - недоумевали они, - прилетит какая-то муха, укусит и человек умирает»¹⁵². Якутам не были знакомы не только пушки и пищали, но и такие крепости, которые стали возводить русские на новых землях.

По достоинству оценив преимущества русских крепостей, якуты постепенно стали делать свои острожки «по-русски», превращая их в сложные фортификационные сооружения. Новые укрепления могли вмещать значительное количество (до трехсот и более) человек. В одной из отписок упоминается такой острожек, срубленный в две стены и с башнями.

Острожек с башнями - это уже прямое влияние русских. И все-таки, в отличие от русских крепостей, эти укрепления продолжали оставаться временными сооружениями. Как только наступала весна, якуты покидали их и откочевывали к местам промыслов.

Совершенно очевидно влияние русских деревянных построек на формирование народной архитектуры якутов. Справедливо будет признать, что влияние это носило взаимный характер и продолжалось в течение длительного времени.

Известно, что с приходом русских началось и знакомство якутов с новыми строительными приемами. Освоение Сибири в XVII веке сопровождалось размахом деревянного строительства, образцы которого и стали вскоре перенимать местные народы. В частности, якуты издавна отличались склонностью к плотничьему ремеслу, поэтому

знакомство их с новыми архитектурными формами и строительными приемами не прошло бесследно.

Очень скоро они стали помогать русским в возведении их домов, а также по-новому строить свои жилища, широко применяя при этом срубные постройки¹⁵³.

Причем они не копировали русские приемы, а трансформировали их в соответствии со своим жизненным укладом и местными климатическими условиями. Отсюда - своеобразие якутских срубных построек XVII-XIX веков, среди которых особое место занимают крепостные сооружения.

Об их характере могут дать представление сохранившиеся в большом количестве на территории Якутии укрепленные амбары XVIII и XIX веков (ил. 210-212).

В исторических документах XVI II-XIX веков встречаются упоминания о таких амбарах-крепостях, построенных тойонами (якутскими феодалами) для охраны своего богатства. Причем строительство их обычно связывают с освободительным движением якутской бедноты в начале XIX века под руководством национального героя Василия Федорова-Манчары.

213. Башня тойона Пономарева в селе Майя Мегино-Кангаласского района. Якутская АССР. XVIII-XIX вв.

Наиболее интересной с архитектурной точки зрения представляется башня тойона Пономарева (ил. 213), построенная на правом берегу Лены, близ устья реки Солы, в местности Туруйалаах Сайылыга, или Томтор Мегино-Кангаласского района. В настоящее время башня перевезена на территорию краеведческого музея в селе Майя Мегино-Кангаласского района.

Дата постройки башни точно не известна; одни исследователи связывают ее возведение с движением Манчары и относят к началу XIX века, другие называют датой сооружения XVIII век.

Первое обследование и краткое описание башни Пономарева было выполнено в 1942-1943 годах Ленской историко-археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова, а реконструкция выполнена в 1973 году А. В. Ополовниковым.

214. Входная дверь башни тойона Пономарева

Конструктивное устройство башни очень сходно с подобными русскими сооружениями в Якутии, в частности с сохранившейся башней Якутской крепости. Круговой облам, несколько ярусов бойниц, устройство шатра перекрытия «костром» в башне Пономарева - все это указывает на сходство не только архитектурных ее форм, но и конструктивных приемов с формами и приемами в русских крепостных башнях. Если размеры башен в плане отличаются незначительно (8x8 м - в якутской башне; 5,8x6 м - в башне Пономарева), то высотные габариты башни Пономарева почти в два раза меньше, чем в башне Якутского острога (8м и 15,6м соответственно).

Башня Пономарева выглядит более приземистой, она как бы ближе к земле. Несмотря на сравнительно небольшую высоту, внутри башни имеются кроме нижнего еще два яруса. Различен в обеих башнях и такой конструктивный прием, как рубка углов: в башне Якутского острога - «в лапу», а в пономаревской - «с остатком». Если же сравнивать башню Пономарева с другими сохранившимися в натуре (башни Братского, Бельского, Юильского острогов), то сходство будет еще более полным. И сходство это носит не формальный характер - здесь налицо влияние традиций русского деревянного зодчества. Подтверждение тому ~ идентичность многих архитектурных элементов, начиная от композиционной схемы и кончая мельчайшими деталями - бойницами (ил. 215, 216).

215, 216. Башня тойона Пономарева. Разрезы, планы разных ярусов. фасады. Обмер

Бревенчатый сруб, поставленный непосредственно на землю, рубка углов «с остатком», оформление дверей косячными колодами, полы из толстых плах и настилы межъярусных перекрытий на мощных круглых матицах - все это свидетельствует не только об устойчивости в течение многих десятилетий конструктивных приёмов в древнерусском деревянном зодчестве, но и показывает многообразие их применения и эволюцию в суровых условиях Сибири.

Проникновение типичных для древнерусского деревянного зодчества черт в народную архитектуру сибирских аборигенов, в частности якутов, сказалось в применении одних и тех же композиционных приемов срубных построек.

Из всех башен, сохранившихся в Якутии, башня Пономарева единственная имеет круговой облам и шатер. Правда, очертания шатра несколько криволинейны, но криволинейность эта придает силуэту башни определенную живописность и выразительность и в то же время подтверждает в ней черты национальной народной архитектуры.

217. фрагмент стены с бойницами башни тойона Пономарева

Устройство шатра «костром» (ил. 219) и круговой облам не только роднят башню Пономарева с подобными ей русскими башнями, но и дают основание отнести ее к более раннему периоду, чем XIX век.

Внимательное рассмотрение архитектурных форм и деталей, башни позволяет сделать довольно интересные выводы. Речь идет о количестве и размещении бойниц по стенам башни. Ни в одной русской башне нет такого количества отверстий для стрельбы, как в башне Пономарева (ил. 217). Шестьдесят восемь бойниц, равномерно распределенных по трем ярусам, словно глазницы, обращены во все четыре стороны. В русских же башнях бойницы размещались только на внешних сторонах, а стены, обращенные внутрь острога или города, как правило, бойниц не имели.

Такое размещение бойниц по всем четырем стенам в якутских крепостных башнях делает их схожими с древнерусскими «столпами» и «вежами». Не случайно якутские оборонные башни называли крепостями. Именно большое количество бойниц и размещение их по всему периметру позволяет признать эти башни в качестве самостоятельных крепостей, в отличие от русских, представляющих собой целую систему сооружений из башен, рубленых и тыновых стен.

Якутские деревянные крепостные сооружения не только восприняли лучшие черты русской архитектуры, но и повлияли впоследствии на конструктивные приемы народной гражданской архитектуры. Сохранившись в натуре без изменений и чуждых им позднейших наслоений, они дают нам реальное представление об архитектурных формах и конструктивных приемах древнерусского деревянного зодчества, помогая проследить развитие этих форм и приемов в специфических условиях Сибири (ил. 218).

218. Башня тойона Пономарева. Реконструкция

219. Конструкция шатра «костром» башни тойона Пономарева

Простота и конструктивная логика, цельность и гармоничность, взаимодействие с окружающим ландшафтом, активное сочетание утилитарно-практической, конструктивно-технической и архитектурно-художественной функций - вот, пожалуй, лучшие черты русской деревянной архитектуры, нашедшие блестящее воплощение в крепостных якутских сооружениях, что дает основание признать их подлинными памятниками народного деревянного зодчества.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крепостное деревянное зодчество неотделимо от истории архитектуры, как последнее неотделимо от общерусской культуры. Время безжалостно стерло с лица земли эту наиболее хрупкую часть архитектурного наследия, но, как указывал В. И. Ленин, «каковы бы ни были разрушения культуры - ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных

материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении»¹⁵⁴.

Нет сегодня деревянных крепостей, но цепкая память поколений сохранила о них свидетельства, летописные источники и архивные документы прошлых веков оставили их описания, которые время от времени дополняются археологическими находками. На основе исторических документов художники и архитекторы разных поколений предпринимали попытки представить изобразительными средствами образ крепостных сооружений древнерусских городов. Это стремление хоть как-то восполнить безвозвратно утраченные временем образы деревянных крепостей характерно и для современных исследователей. Понимание того, что история зодчества - часть общечеловеческой культуры, часть истории народа, его героических и трудовых подвигов, заставляет исследователей искать и искать, чтобы как можно больше восполнять пробелы в этой истории, ее недостающие звенья.

Оборонное зодчество в своем развитии прошло огромный путь - от примитивного укрепления, огражденного лишь земляным валом, до мощной крепости, созданной по последнему слову техники, в соответствии с достижениями военного искусства своего времени. Цепь крепостей, опоясавших северо-западные, южные и юго-восточные границы Русского государства, отражала достижения Руси в области фортификационного искусства. Многочисленные крепости разных типов, прекрасно проявившие себя в многочисленных войнах, свидетельствовали о передовом характере русской военно-технической мысли, выразившемся в новаторских достижениях в области сборного строительства. Деревянные крепости отражали также все достижения и в области архитектурно-художественной мысли, являясь концентрированным выражением многообразия форм и конструктивных приемов древнерусского деревянного зодчества. Они оказали большое влияние на процесс возникновения русских городов на новых местах, в новых условиях, где из небольших крепостей в дальнейшем развились крупные населенные пункты, а их планировка легла в основу планировочной структуры городов.

Черты регулярности и типизации, проявившиеся в оборонных сооружениях, распространились и на другие типы сооружений. Одинаковые не только по конфигурации плана, но и по размерам, с одинаковым набором элементов, типовые крепости нашли широкое распространение при освоении русскими новых территорий. Единство материала, где типизирован был размер бревна, а также требования компактности плана - вот главные слагаемые такой крепости.

Из-за отсутствия памятников деревянного оборонного зодчества и недостаточной их изученности невозможно пока представить полной картины его развития и выявления особенностей. Но даже исследования, которые охватывают историю показанных в этой книге крепостей, и в особенности сохранившихся их остатков в виде отдельных башен, убедительно свидетельствуют, что оборонная архитектура представляет собой одну из значительных ветвей русского деревянного зодчества. Деревянные крепости, их эпическая мощь и величественные образы рубленых стен и башен - примеры яркого воплощения в архитектуре прогрессивных идей русского народа, его мастерства, мудрого понимания и чувства красоты.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 164.

- 2 Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. Сост. П. П. фон-Винклер. Спб., 1899. с. 70.
- 3 Раскопки были проведены в 1968-1973 годах под руководством профессора, доктора исторических наук М. И. Белова.
- 4 Исследование и обмеры остатков острога проводили архитекторы В. П. Афанасьев, В. Н. Захаров, Ю. И. Кононов, Н. П. Крадин, Э. А. Тяхт. Проводником экспедиции был охотник хант И. П. Рандымов.
- 5 Раскопки и обследование острога были проведены группой ученых историков и архитекторов под руководством академика А. П. Окладникова.
- 6 Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, с. 33.
- 7 Цит. по кн.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. Иркутск, 1941, с. 344.
- 8 Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Спб., 1908, с. 116.
- 9 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. -Л., 1941, с. 485.
- 10 Цит. по кн.: Савельев А. Материалы к истории инженерного искусства в России. Спб., 1853, с. 27.
- 11 См.: Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Спб., 1858, с. 83.
- 12 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, 1937, с. 375.
- 13 Дополнения к актам историческим (далее - ДАИ), т. 11. Спб., 1869, с. 198.
- 14 Цит. по кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М. , 1959, с. 101.
- 15 Цит. по кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949, с. 44.
- 16 См.: Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. М., 1956, с. 91.
- 17 Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960, с. 226.
- 18 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, с. 387.
- 19 Там же, т. 2, с. 524.
- 20 Там же, с. 330.
- 21 Там же, с. 544.
- 22 Там же, с. 544, 545.
- 23 ДАИ, т. 4. Спб., 1851, с. 29.
- 24 Там же.
- 25 ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 61-65.
- 26 Там же, с. 61.
- 27 Там же.
- 28 Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы (из истории русского оборонительного зодчества конца XVI - начала XVIII в.) - В кн.: Материалы и

исследования по археологии СССР. № 77. М., 1958, с. 200-246.

- 29 См.: Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1980, с. 78.
- 30 Там же, с. 78-92.
- 31 Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Ф. 137, кн. 10а, л. 2.
- 32 Цит. по: Карпова М. Г. Новый материал об Осташковской крепости. - В кн.: Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982, с. 228-230.
- 33 См.: Монеойт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. - В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, №31, т. 2. М., 1952. с. 55.
- 34 Цит. по: Косточкин В. В. Из истории русского сборного строительства в XVI в. - «Архитектурное наследие», № 18. М., 1969. с. 120.
- 35 Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, с. 113.
- 36 Царственная книга. Спб., 1769, с. 165, 170.
- 37 Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI-XVII вв. - В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М., 1955, с.122.
- 38 Яковлев А. Засечная черта в Московском государстве в XVII веке. М., 1916, с. 286.
- 39 Цит. по: Марголин С. А. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в. - «Труды Гос. Исторического музея». Вып. 20. Военно-исторический сборник. М.,1948, с. 6.
- 40 Там же, с. 6.
- 41 См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 71-76.
- 42 ДАИ, т. 9. Прибавления. Спб., 1875, с. 220-301.
- 43 См.: Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 235-239.
- 44 ДАИ, т. 9. Прибавления, с. 286.
- 45 Там же.
- 46 См.: Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 81.
- 47 Цит. по: Марголин С. А. Оборона русского государства..., с. 15.
- 48 ДАИ, т. 9. Прибавления, с. 258.
- 49 Цит. по: Кошелев В. И. Чертеж Белгорода Меньшого. - В кн.: Известия Воронежского государственного педагогического института. Вып. 1, т. 12. Воронеж, 1950, с. 145-156.
- 50 Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, с. 198.
- 51 Там же, с. 356.
- 52 Там же, с. 401.
- 53 Там же, т. 2, с. 330.
- 54 Там же.
- 55 Там же, с. 331.

- 56 Цит. по кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4, С. 22.
- 57 Там же.
- 58 Цит. по кн.: Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1966, с. 9.
- 59 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, с. 347.
- 60 Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886, с. 17.
- 61 Там же;
- 62 Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1, с. 128.
- 63 Архив Академии наук (ААН) СССР, Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 29, л. 7.
- 64 См.: ДАИ, т. 11. Спб., 1869, с. 186-187.
- 65 Ополовников А. В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974, с. 162.
- 66 Там же.
- 67 Цит. по кн. -. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, с. 402.
- 68 Русская историческая библиотека. Т. 8. Спб., 1884, с. 909.
- 69 Там же.
- 70 См.: Мильчик М-И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера, с. 93-122.
- 71 Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ), колл. № 11, ед. хр. 228, л. 1-17.
- 72 ДАИ, т. 3. Спб., 1848, с. 230.
- 73 Там же, с. 228.
- 74 Архив ЛОИИ АН СССР, л. 12.
- 75 ЦГАДА, Ф. 214, оп. 5, л. 2-3 об.
- 76 Там же, л. Юоб. - 12об.
- 77 Там же, л. 12 об.
- 78 ДАИ, т. 3, с. 225.
- 79 Русская историческая библиотека. Т. 8, с. 915.
- 80 Там же, с. 926.
- 81 Там же, с. 936.
- 82 Там же, с. 936.
- 83 Носчлов К. Д. Увогулов. Очерки и наброски. По следам князя Курбского (из путешествия по Северному Уралу). Изд. А. С. Суворина, 1904, с. 214.
- 84 См. там же, с. 214-216.
- 85 Носима К. А. Исторические памятники племени маньсы. - В кн.: Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 49, вып. 5. Труды антропологического отдела, т. 9, вып. 3. М., 1890, с. 564-565.

- 86 Александров В. А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. М., 1964, с. 11.
- 87 Кочедомов В. И. Город Мангазея. - «Строительство и архитектура» (Известия вузов), 1969, №2, с. 82-88; Его же. Первые русские города Сибири. М., 1978, с. 112-116.
- 88 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, с. 396.
- 89 Там же, с. 402.
- 90 Там же, т. 2, с. 174, 176.
- 91 ААН, Ф. 3, оп. 10а, ед. хр. 193, л. 6 об.
- 92 ААН, Ф. 21, оп. 4, №21. А. 274.
- 93 Там же, л. 274об. -275.
- 94 Там же, л. 274.
- 95 ЦГАДА, Ф. 214, с. 635, л. 126-130.
- 96 Там же, л. 127.
- 97 Там же, л. 130.
- 98 Там же, л. 128.
- 99 ААН, Ф. 3, оп. 1, д. 2331, л. 27.
- 100 Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1, с. 30.
- 101 Башня реконструирована и восстановлена в 1984 году. Автор реконструкции архитектор-реставратор Г. Г. Оранская.
- 102 Цит. по кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1, с. 38.
- 103 Там же.
- 104 Там же.
- 105 Там же, с. 42, 43.
- 106 Там же, с. 43.
- 107 Там же, с. 44, 45.
- 108 Там же, с. 46.
- 109 См. там же, с. 47.
- 110 Там же.
- 111 Там же, с. 48.
- 112 Исследования проводились экспедицией Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
- 113 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979, с. 33-34.
- 114 ААН, Ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 336.
- 115 Там же, л. 337.
- 116 Никитин А. В. Братский острог. - «Сов. археология», 1961, М» 2, с. 218, 226.

- 117 Цит. по кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1, с. 72.
- 118 Там же, с. 72-73.
- 119 Полевой Б. П. Забытое описание Иркутского острога 70-х годов XVII в. - «Записки Иркутского обл. краеведческого музея». Вып. 2. Сборник к 300-летию Иркутска. Иркутск, 1961, с. 39.
- 120 ДАИ, т. 4. 1851, №104.
- 121 Там же.
- 122 Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. - «Записки Императорского Географического общества». Т. 10, вып. 1. Спб., 1882, с. 115.
- 123 Полевой Б. П. Забытое описание.... с. 36-39.
- 124 ААН, Ф. 21, оп.4, д. 23, л. 249-250.
- 125 Первое столетие Иркутска. Спб., 1902, с. 2 (Опись 1697г.).
- 126 Там же.
- 127 Цит. по: Полевой Б. П. Забытое описание..., с. 39.
- 128 Цит. по: Манассеин В. С. Иркутский острог (историко-археологический очерк). - В кн.: Известия общества изучения Восточносибирского края. Т. 1. Иркутск, 1936, с. 13-14.
- 129 Первое столетие Иркутска, с. 1.
- 130 Древняя Российская вивлиофика. Т. 18. Спб., 1791, с. 286.
- 131 Лебединский Б. Иркутский острог. Иркутск, 1929.
- 132 Цит. по: Манассеин В. С. Иркутский острог..., с. 24.
- 133 Цит. по кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2, с. 200.
- 134 Материалы для истории Сибири. Состояние укреплений и войск. -- В кн.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1866, с. 25.
- 135 Сделанное на месте описание городков Казымского и Ляпинского. - «Журнал Министерства внутренних дел». Спб., 1844, №6, с. 507.
- 136 «Сибирский архив», 1911, №3, с. 199.
- 137 См.: Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. - «Известия императорского Археологического общества». Вып. 24. Спб., 1907, с. 151.
- 138 ААН, Ф. 21, оп. 4, №22, л. 326.
- 139 Там же, л. 329.
- 140 Там же, л. 330.
- 141 ЦГАДА, Ф. 214, С. 508, л. 325.
- 142 Там же, л. 326.
- 143 Там же.
- 144 Акты исторические. Т. 5. Спб., 1842, с. 536.

- 145 Султанов Н. В. Остатки Якутского острога..., с. 30.
- 146 Там же, с. 117.
- 147 В Государственном Историческом музее в Москве есть великолепный макет остатков Якутской крепости - четыре башни и три прясла стены. Надо полагать, что это очень точная уменьшенная копия тех остатков, которые были описаны Н. В. Султановым.
- 148 Цит. по: Султанов Н. В. Остатки Якутского острога.. ., с. 116.
- 149 ДАИ, т. 10. Спб., 1867, с. 313-314.
- 150 Там же, с. 313.
- 151 Цит. по: Ионова О. В. Из истории якутского народа (XVII в.). Якутск, 1945, с. 74.
- 152 См.: Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 4. Спб., 1883, с. 626.
- 153 См.: Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов. - Сибирский этнографический сборник. Вып. 1. М. -Л., 1951, с. 293.
- 154 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 46.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ КРЕПОСТНОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Аманатская изба - изба для содержания заложников (аманатов).

Бастион (франц.) - выступ в укреплении, образованный изломом линий вала и рва, для обстреливания куртин, пространства между бастионами; раскат, мысок, оголовок.

Башня - крепостное сооружение.

Бой огненный - артиллерийский (ружейный) огонь.

Бойница - отверстие в крепостной стене или в стене башни для стрельбы.

Бочка - форма покрытия в виде двух округлых скатов, сходящихся вверху под конек.

Брешь - пролом в крепостной стене, обвал в земляном валу, произведенный взрывами или ядрами неприятеля.

Брус - бревно прямоугольного или квадратного сечения.

Бруствер - земляной вал или иная ограда, через которую отстреливаются.

Бык - внешний устой для поддержания стен здания; устой, сруб для предохранения сооружений от напора воды, льда.

Вал - насыпь, служащая укреплением; любая насыпь, гряда значительной длины; выступ (на стене).

Венец - один бревенчатый ряд сруба, связанный в углах врубками.

Вежа - крепостное сооружение, отдельно стоящая наблюдательная башня.

Волок - пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивают суда, грузы.

Волоковое окно - небольшое оконце, закрываемое (заволакиваемое) изнутри тесовой задвижкой.

Воронцы - длинные деревянные полки у стен и печи.

Воротник - человек, охраняющий городские или крепостные ворота; караульный, сторож, привратник.

Восьмерик - восьмигранный сруб.

Врубка - способ соединения бревен («в обло», «в лапу», «в реж»).

Вывод - крепостное сооружение, выступающее перед основным.

Вымостки - вымощенная площадка.

Выпуски - концы бревен, выпущенные консольно из сруба для поддержки кровель, галерей, крылец, обламов и др.

Вышка - комната в верхней части дома; строение, предназначенное для несения сторожевой службы.

Гать - настил или насыпь через болото или топкое место дороги.

Глухая башня - закрытая, не имеющая входов с уровня земли в первый ярус.

Горенка - небольшое помещение в верхней части строения.

Город - ограда, крепостная стена, линия укреплений; укрепление, поселение, крепость; крупный населенный пункт, город.

Городец - небольшой укрепленный город.

Городище - остатки развалин города, селения или укрепления.

Городник - плотник, строитель укреплений, города.

Городня - часть (пролет, звено) моста, городской или крепостной стены; ограда, стена, элемент деревянной крепости XV - XVII веков.

Городок - укрепление; укрепленное поселение; населенный пункт; огражденный участок земли.

Градница - укрепление.

Градоделец - строитель городов, укреплений.

Детинец - внутренняя крепость, кремль.

Днище - расстояние, проходимое за день, равное дневному переходу.

Дошаник - речное плоскодонное грузовое судно (лодка).

Житница - склад, хранилище зерна; помещение, в котором находились запасы зерна.

Забороло - защищенная бревенчатым бруствером площадка, идущая поверху крепостной стены, на которой находились защитники крепости во время боевых действий.

Забрало - деревянное или крепостное сооружение, образующее верхнюю часть городских укреплений; крепостная стена: ограда, забор; перила.

Заволочье - местность, лежащая за волоком.

Заворина - перекладка, которой закладывали двери, ворота; род засова.

Заострожный - расположенный за острогом.

Заплот - забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

Засека - оборонительное сооружение из поваленных деревьев, устроенное для затруднения прохода врагов.

Затинная пицаль - крепостное ружье, устанавливаемое на сошке.

Захаб - наружная пристройка к крепостной стене, защищающая ворота крепости.

Звено - часть стены, забора между двумя башнями или столбами; часть засеки.

Зелье - порох.

Зеленый амбар - амбар для хранения боеприпасов.

Зимник - дорога, по которой ездят только зимой.

Зимовье - место или помещение, где живут или останавливаются зимой, несут сторожевую службу или занимаются каким-либо промыслом; промысловая избушка.

Катки - бревна, укладываемые на крепостных стенах (под кровлями) и во времена штурма сбрасываемые на противника.

Клеть - прямоугольный деревянный сруб, холодная половина избы через сени; амбар, кладовая.

Комель - нижняя толстая часть бревна.

Конек - стык двух скатов кровли.

«Костер» - способ рубки шатров башен, церквей, колоколен (см.: реж, рубка «в реж»).

Крепость, Кремль - обнесенный крепостными стенами общественный и административный центр древнерусского города.

Кровать - деревянный настил-галерея тыновой стены крепости.

Лапа, рубка «в лапу» - способ соединения (рубки) бревен в углах, при котором концы бревен не выходят за пределы наружной плоскости стены.

Матица - основная несущая балка деревянного перекрытия.

Мост - перекрытие, пол.

НагорОАня - защитное устройство в виде стенки на срубе (в жилье или в ясачном, промысловом зимовье).

Надолбы - вертикально врытые бревна, служившие препятствием для прохода конницы неприятеля.

Накат, Накатник - перекрытие сруба, состоящее из крупных бревен, уложенных в виде сплошного настила на стены и балки.

Наряд - артиллерия в данном воинском подразделении или городе.

Нэщельник - узкая доска, которой прикрывалась щель между двумя соседними досками шатрового покрытия.

Облам (облом) - нависающий выступ сруба в верхней части городской рубленой стены или башни для ведения «подошвенного боя».

Обло, рубка «в обло» (или «с остатком») - способ соединения (рубки) бревен в углах, при котором концы бревен - остатки - выходят за пределы наружной плоскости стены.

Обруб - деревянная обшивка из бревен для закрепления обрывистого берега.

Острог - частокол или палисадник из свай, сверху заостренных; поселение, укрепленное острогом; тип крепости; тюрьма.

Осыпь - то же, что и вал.

Паз - узкая длинная щель, стык.

Пазник - род тесла или кирки для выбирания пазов в бревне.

Палата - дворец, деревянные хоромы знати.

Переруб - внутренняя бревенчатая стена; перегородка, рубленая одновременно с основным срубом и врубленная в стены с выпусками концов бревен (остатков).

Пицаль - ручное фитильное огнестрельное оружие.

Повал - верхняя часть сруба, уширенная наподобие карниза (для отвода воды от нижних венцов).

Повалушка - башнеобразная часть деревянных жилых хором XII-XVII веков.

Подволока - верх, вышка, чердак.

Подворье - заезжий, постоянный двор; съезжая изба с местом для лошадей и возов; гостиница.

Подошвенный бой - стрельба из щелей и бойниц между стеной и обломом стен и башен для поражения противника вблизи крепости, у «подошвы».

Полати - боевая площадка вдоль тыновой стены с внутренней стороны крепости.

Полица - нижняя, пологая часть крутой двускатной или шатровой кровли.

Посад - торгово-ремесленное поселение, расположенное вне стен центрального городского укрепления (кремля, детинца).

Приказ - государственное учреждение (XVI-XVII вв.), ведающее определенными вопросами; правительственное место.

Приказная изба - местное государственное учреждение XVI-XVII веков.

Прируб - второстепенная и более низкая часть здания, органически включенная в его общую композицию.

Продух - дыра, скважина, отверстие для пропуска воздуха.

Прясло - часть крепостной стены, расположенная между двумя башнями.

Пята двери - выступы (верхний и нижний) полотна деревянной двери, при помощи которых дверь крепится и вращается.

Раскат - плоская насыпь или помост под валом крепости для установки пушек.

Реж, рубка «**в реж**» - тип сруба, в котором бревна уложены не плотно, а на расстоянии одно от другого и связаны между собой только в углах.

Редут - небольшое земляное укрепление.

Рогатки - то же, что и надолбы.

Ряж - опора, основание под сооружение, срубленное из бревен в виде клетки.

Сажень косая - мера длины, соответствующая 216 см.

Стан, становище - лагерь, место стоянки или промысла.

Сторожи - небольшие укрепленные пункты, расположенные на возвышенных местах, служившие для наблюдения за передвижением противника.

Стрельбище - расстояние полета стрелы.

Струг - речное судно, гребное и парусное.

Съезжая изба - административное здание, в котором помещались канцелярия, архив, тюрьма.

Тараса, тарасы - система деревянных крепостных стен, при которой две параллельные стены через некоторые промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками, а образовавшиеся таким образом клетки засыпались землей и камнями.

Тес, тесина - доска кровельная.

Тетива (косоур) - бревно-плаха (обычно две), в которые врезаются ступени лестницы.

Тын - деревянный сплошной из врытых столбов забор; стена острога, крепости; частокол.

Хрящ - заполнение сруба мелким камнем и землей.

Частик («чеснок») - дополнительное защитное устройство (частокол) из дерева и металла.

Четверик - часть здания (сруб) квадратной в плане формы.

Шанец - военный окоп, редут, небольшое укрепление.

Шестерик - шестигранный в плане сруб.

Шатер, шатровый верх, шатровое покрытие - высокое четырех-, шести- или восьмискатное пирамидальное покрытие.

Ярус - убывающее по высоте горизонтальное членение объема здания; этаж.